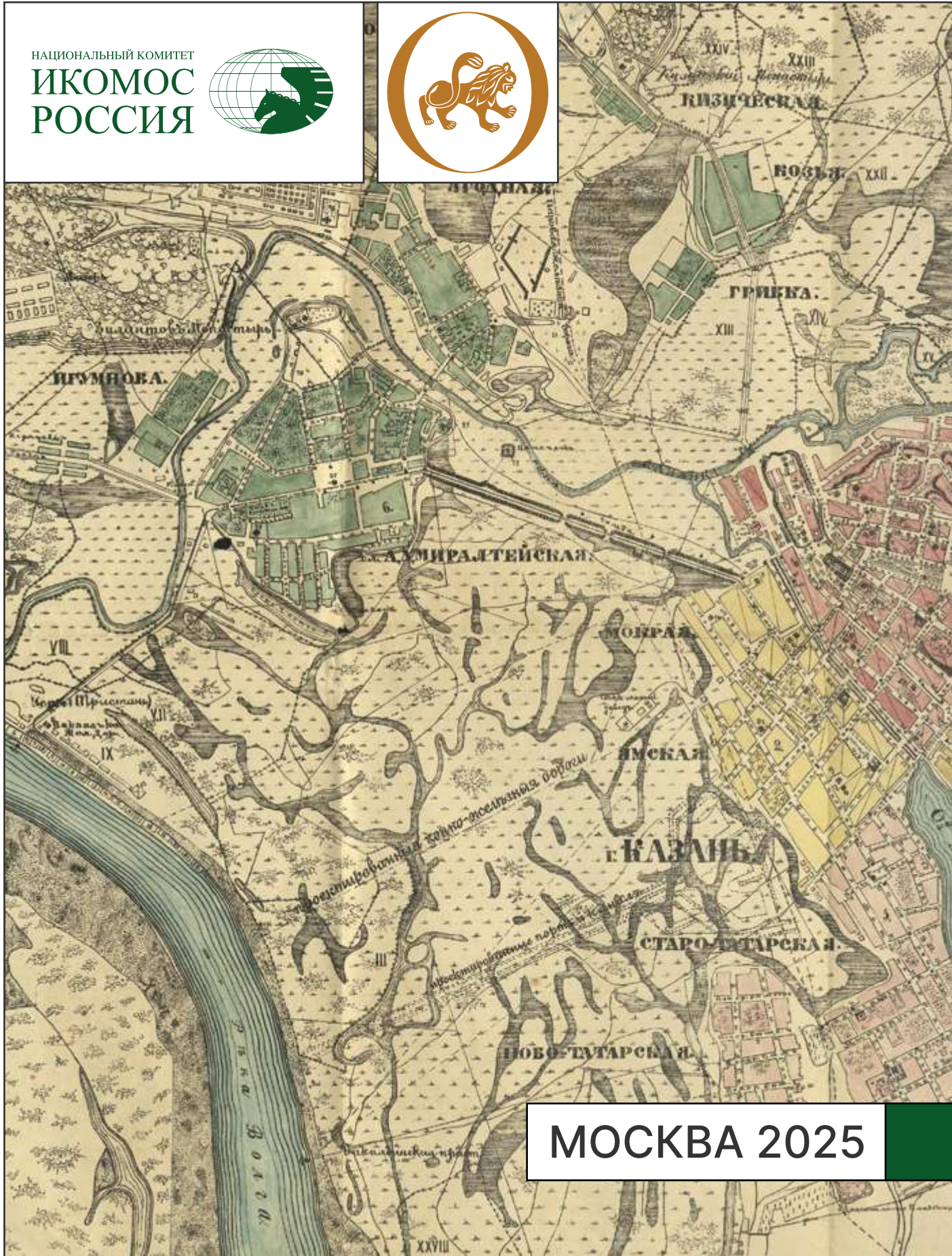

АЛЬМАНАХ ICOMOS

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ИКОМОС
РОССИЯ

МОСКВА 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Л. В. Кондрашев,

президент НК ИКОМОС, Россия,
первый заместитель руководителя
Департамента культурного наследия города
Москвы — главный археолог города Москвы

Дорогие друзья!

Вот уже в третий раз мы публикуем сборник статей членов НК ИКОМОС, Россия по самой разнообразной проблематике. Радует, что публикация этих сборников сочетается с проведением симпозиумов, которые также организуются на протяжении многих лет.

Мы неоднократно утверждали, что смысл деятельности национальных комитетов ИКОМОС — крупнейшей экспертной организации под эгидой ЮНЕСКО — состоит в оживлении научных дискуссий и развитии актуальных идей в сфере сохранения культурного наследия.

И, как видно из состава статей, вопросы затрагиваются самые разные. Мы благодарим всех участников — как научных симпозиумов и дискуссий, так и авторов, приславших свои статьи в данный альманах, поскольку в рамках одного форума уместить все актуальные идеи невозможно. Мы уверены, что данный альманах будет выпускаться ежегодно, а количество тем расширится. Всем нам предстоит сделать еще очень многое в сфере сохранения и популяризации культурного наследия.

Кондрашев Л. В. 06

Феномен культурного наследия: возникновение, развитие, современное состояние

Мазуров Ю. Л. 16

Всемирное наследие человечества и место в нем Российской Федерации

Марушина Н. В., Назарова А. Ю., Ковбасюк Т. А., Буторин Д. А. 20

Подготовка концепции номинирования в Список всемирного наследия ЮНЕСКО трансграничного культурного маршрута «Великий чайный путь: Россия — Монголия — Китай» (российская часть номинации)

Буторина И. В. 25

Восстановление утраченного наследия: эволюция подходов и формирование новых концепций

Сибилева А. В. 28

О VIII Международном совете по культурному наследию

Махаев В. Б. 34

Город Темников: архитектурная история и туристический потенциал

Штиглиц М. С., Морозова О. А., Орлова О. Ю. 40

Научный комитет по наследию промышленной архитектуры и инженерному искусству, НК ИКОМОС, Россия: опыт «первой пятилетки» и планы на будущее

Половцев И. Н. **44**

О разграничении процедур внесения изменений в проектную документацию и авторском надзоре

Лосин Д. О. **48**

Сохранить или снести?

Пирогов В. Ю. **53**

Храм Гребневской иконы Божией Матери на Лубянке как объект наследия. История его защиты и разрушения

Козырева Е. А., Орлова О. Ю., Морозова О. А. **67**

Вовлечение местных сообществ к сохранению и популяризации объекта всемирного наследия ЮНЕСКО «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников» на примере культурно-просветительского проекта «Наследие окраин»

Шумилкин А. С., Грачёва Е. Е. **71**

Гиперболоиды В. Г. Шухова в аспекте сохранения всемирного наследия

Рябчиков С. В. **77**

Церковь Успения с росписью 1724 г. в селе Тетеринское Костромской области. История создания. Мониторинг и правовая защита объектов культурного наследия в условиях развития туризма

Ронгонен (Гонобоблева) С. Л. **84**

Архитектурная керамика Михаила Шилкина на промышленных зданиях

Жирова А. Г. **90**

Керамические «штуки» для партеров XVIII–XIX веков из материалов исследований в Калошином переулке в Москве (результаты археологических исследований 2024 г.)

Беркович В. А., Фролов Н. В., Афанасьева А. О., Рассказова А. В. **98**

Некрополь храма пророка Божия Или в Москве: антропологическое исследование

Афанасьева А. О., Малков В. А, Савинецкий А. Б., Фролов Н. В. **109**

Исследование черепа собаки из колодца XVII века в Москве

Морозов В. В., Дёмин М. В. **119**

Верхнее Поволжье в эпоху раннего металла: протоволосовский горизонт поселения Парфёново 1 в Московской области

Чуракова Е. Н. **127**

Международный конкурс студенческих проектов по продвижению мировых объектов культурного наследия

Феномен культурного наследия: возникновение, развитие, современное состояние

Кондрашев Л. В.

Феномен культурного наследия является одним из значимых в современной жизни. Важность данного фактора для Российской Федерации отражена в том числе Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ, Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики», Распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. № 2501-р, утверждающим «Стратегию государственной культурной политики на период до 2030 года».

В указанных выше «Основах государственной культурной политики» заявлена амбициозная задача — «государство впервые возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признает ее важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России»¹.

Парадоксально, что в то же время остаются дискуссионными вопросы о природе «культурного наследия» (объектов недвижимости), особенно в сфере отличия данного термина от «культурных ценностей» (движимых и недвижимых объектов), кроме того, подвергается сомнению время возникновения осознанной политики по сохранению памятников истории и культуры, а также основные приоритеты последней.

Бывший заместитель директора ЮНЕСКО Ф. Бандарин считал, что «наследие — это идея, рожденная современностью. Эта концепция, впервые разработанная в Европе, возникла более двух столетий назад, с окончанием феодальных режимов и становлением национального государства в качестве доминирующей политической формы <...>. Колониальная экспансия XIX и XX веков распространила концепцию наследия во все регионы мира, а затем она была закреплена в международных документах»².

С другой стороны, в модной сейчас книге Д. Лоуэнталь относил начало интереса к наследию к эпохе античности: «в II в. Рим был поражен повальным увлечением стариной, когда вкус «смирно пал ниц перед греческими моделями, а образованных римлян охватывал экстаз при виде руин»³.

В книге О. В. Сидорович подмечено, что интерес к древностям зарождается в античности как история особого вида: «одновременно с историческими сочинениями Фукидидовского образца, исследующими политические процессы современного автору общества, существовала историческая литература иного рода, которая восстанавливала историю какой-либо местности и проживающего там народа. Эти историки «имели одну цель: сделать известными традиции прошлого»⁴.

В то же время необходимо отметить, что «Одержимость особым значением определенных мест является постоянной чертой европейского духа»⁵.

Подобная «одержимость» особо явно проявилась во времена Возрождения, когда обладание антиками (древностями), материальным свидетельством золотого века античности, становилось правилом хорошего тона для обеспеченных и влиятельных людей — «дилетантов» (любителей). Для обслуживания данного стремления дилетантов появляется прослойка антиквариетов (профессиональных знатоков древностей), которые выдвинули основные принципы изучения и защиты от деградации древностей (в то время не существовало разделения на движимые культурные ценности и недвижимые объекты культурного наследия).

Самое главное, отметил А. Эйнштейн: «Развитие западной науки <...> покоится на двух великих достижениях: изобретении системы формальной логики <...> греческими философами и в открытии возможности выявлять каузальные отношения <...> в эпоху Ренессанса»⁶.

Последующие трансформации отношения общества к культурному наследию: «спор о старом и новом» во Франции, «датский археологический переворот», деятельность дилетантов (любителей) в Великобритании находятся за рамками, затрагиваемыми данной работой. Однако следует отметить, что фокус интереса к древностям сместился на местное достояние, а хронологические пределы «старинности» были раздвинуты.

Эти изменения стали составной частью трансформации, в социально-теоретическом языке определяемой как эпоха модерна и хронологически простирающейся, если не вдаваться в широкую дискуссию по вопросу хронологии, от конца XVIII до второй половины XX века.

В качестве наиболее последовательного воплощения этого подхода к репрезентации прошлого мы выделяем романтическую историографию XIX века, способ конструирования социальной реальности прошлого которой можно определить как интуитивизм⁷.

Постольку история рассматривалась романтиками, в частности, и как литературный жанр, воображение признавалось основополагающим условием исторического (литературного) творчества: оно выступало как необходимый мыслительный акт (вчувствование), позволяющий историку установить связь между отрывочными и смутными историческими свидетельствами, с тем чтобы сконструировать осмысленную картину прошлого⁸.

Также XIX век часто называют «веком историков» — того масштабного явления, которое получило название «историзм»⁹.

Крупнейший исследователь историзма Ф. Мейнеке отмечал: «<...> мы хотим показать процесс возникновения историзма как определенной ступени развития западного духа»¹⁰.

Мышление, подверженное «историзму», способствует повышению роли государства в области охраны памятников: «Места наследия, по крайней мере концептуально, обычно являются общественными объектами, потому что они способствуют общественному благу. По этой причине правительство, как гарант соблюдения общественных интересов, несет ответственность за их защиту и управление ими»¹¹.

Следующей после утверждения историзма крупной новацией в концептуальном оснащении историографии XIX века была методологическая перестройка на основе позитивизма¹².

Во второй половине XIX века к позитивистскому направлению в историографии принадлежало большинство наиболее известных историков. Манифестом позитивизма в истории считается статья Габриэля Моно, где был опубликован девиз: «Мы не поднимаем никакого знамени»¹³.

В допетровской России был характерен прагматический подход к старинным постройкам, которые сохраняли, перестраивали, иногда восстанавливали исходя из текущей ситуации. Так, хрестоматийным является пример поновления Георгиевского храма в Юрьеве-Польском, проведенного в 1471 г. под руководством Василия Дмитриевича Ермолина. В глазах современников это было именно восстановление: по словам летописи, Ермолин «собрал все изнова и поставил, как и прежде».

Петровские преобразования установили более прочную культурную связь с Европой. Многие молодые люди из обеспеченных семей обучались в европейских университетах, широко распространяется соответствующая, в том числе переводная литература¹⁴.

Отметим, что в первой половине XIX века все более утверждался интерес к отечественной истории, к памятникам средневекового зодчества как к выражению русской национальной культуры. Этот процесс был вполне созвучен аналогичным тенденциям, имевшим место в культуре других европейских стран, о чем писалось выше.

Особое место в данном аспекте занимают исторические публикации Н. М. Карамзина, признанного реформатора русского литературного языка, автора сентименталистской литературы конца XVIII — начала XIX века. Так, Н. М. Карамзин, опубликовал в журнале «Вестник Европы» в 1802–1803 гг. статьи, в которых рассказывается о московских и подмосковных строениях и сооружениях, в том числе о ветхом, почти разрушенном Алексеевском путевом дворце. Автор призывал силой ума восстановить славные страницы прошлого¹⁵.

Интересно в этом отношении определение понятия «памятник старины» («археологический памятник»), данное графом А. С. Уваровым: «<...> археологическим памятником признавать только тот остаток вещественный, только то письменное известие или устное сведение, которое поясняет нам культурное состояние древнего быта какого-либо народа в известную эпоху».

С середины XIX века важную роль в решении вопросов сохранения памятников и их реставрации стали играть археологические общества и комиссии, среди которых особенно значительна деятельность Императорского русского археологического общества, Императорской археологической комиссии и Московского археологического общества. Однако единой законодательной системы по вопросам охраны памятников в дореволюционной России не было.

В трудах П. П. Покрышкина, архитектора и археолога, одного из самых активных членов Археологической комиссии, в начале XX века появляется понимание методологии реставрации, схожее с современным.

Возрастание интереса государства к проблематике сохранения культурного наследия отразилось в организации дискуссии в Государственной думе по вопросу принятия «Положения об охране древностей» в 1911 г. В своем докладе

министр внутренних дел А. А. Макаров, обсуждая проект, считал важным «точно установить нормы материального права охраны древностей и <...> создать особый строй учреждений, которые ведали бы делом охраны»¹⁶. Однако данный проект был «торпедирован» представителями сообщества художников, и революцию Россия встретила без основополагающего нормативного акта в указанной сфере.

В хаосе революционных событий правительство большевиков достаточно быстро осознало материальную ценность культурного наследия.

Неслучайно инструкция Наркомпроса делила «памятники зодчества» на «являющиеся музейно-показательными, но не могущими быть использованными в практических целях <...>; могущими быть использованными <...> путем предоставления <...> в пользование учреждениям <...> лицам по соглашениям с ними; по характеру используемые исключительно с целями научными и музейно-показательными <...>»¹⁷.

Как видно, основное значение в деле сохранения памятников придавалось защите от деградации ценных объектов. С учетом данной задачи декреты СНК (1921, 1924) ввели такие понятия, как «заповедники и национальные парки», «памятники садово-парковой культуры музейно-академического значения», «памятники искусства, старины, быта и природы».

Также, исходя из данного прагматического подхода к наследию, специалисты считали приоритетным восстановление памятников старины. «<...> Мания неприкосновенности памятника — разновидность дилетантизма», — писал в 1921 г. И. Э. Грабарь¹⁸.

Потрясения в социальной и интеллектуальной сферах не обошли стороной область культурного наследия. В 1932 г. На I Музейном съезде было заявлено, что область охраны памятников «является аренной классово-борьбы»¹⁸.

Однако 15 мая 1934 г. высшее руководство СССР сделало решительный шаг на пути коренных перемен в государственной исторической политике. В этот день было принято важнейшее постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР». История возвращалась в учебные планы советских школ и вузов в серьезном объеме, а для подготовки историков в Московском и Ленинградском государственных университетах с 1 сентября 1934 г. восстанавливались исторические факультеты¹⁹.

Великая Отечественная война оказалась важной вехой в развитии представлений о задачах

сохранения памятников и их реставрации. Такие существенные факторы, как массовое разрушение памятников во время военных действий, активизировали интерес государства к памятникам истории и культуры.

В 1942 г. при Комитете по делам искусств СНК СССР была организована Комиссия по определению ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками культурному наследию страны.

В 1943 году был создан Комитет по делам архитектуры при СНК СССР, в составе которого стало действовать Главное управление охраны памятников (ГУОП)²⁰.

В послевоенные годы в сфере охраны культурного наследия утвердились термины «памятники культуры», «памятники истории и культуры», которые достаточно широко применяются специалистами и сегодня.

Н. Н. Ворониным была сформулирована значимость комплексного метода как основополагающего в изучении памятников зодчества.

Представления о методике реставрации, складывались исходя из положения, что разрушения памятника и изменения его архитектуры, которые реставратору предстоит тем или иным способом исправить, сложились уже в давнее время.

В Советском Союзе восстановление разрушенных во время фашистского нашествия памятников приняло значительные масштабы. Наиболее широко развернулись работы по дворцово-парковым комплексам в пригородах Ленинграда. Воссоздание пригородных дворцов в прежнем виде требовало воспроизведения заново не только рядовых, но и сложных, подчас уникальных элементов. Но следует отметить, что отказ от восстановления означал бы примирение с утратой. Восстановление памятников из руин имело место не только под Ленинградом, но и по всей территории СССР, затронутой войной.

Рассмотренная тенденция сохранилась и в послевоенное время. В 1949 г. Комитет по делам архитектуры при Совете министров СССР опубликовал «Инструкцию о порядке учета, регистрации, содержания и реставрации памятников архитектуры, состоящих под государственной охраной». В том же году «Инструкция о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников» была утверждена Советом министров РСФСР. В указанных документах постулировалась важность «целостной реставрации» или «реставрации на оптимальную дату».

«Древний уникальный памятник, заключенный в футляр позднейших наслоений, искаженный часто нелепыми перестройками? С ампутированными первостепенной важности частями — мертв и для народа, достоянием которого он служит, и для науки», — выступал Л. А. Давид в 1961 г.²¹

Указанная тенденция была близка к выработанной позднее Лораджейн Смит теории «авторизованного дискурса наследия» (AHD), когда полномочия по управлению и определению наследия делегируются экспертам, которые рассматривают наследие как «объект», а не как социальный продукт.

В то же время в 60-е гг. в мировой и советской печати, например П. Гаццола и Р. Пане, неоднократно высказывался призыв перейти от реставрации памятников к их консервации.

Усилились противоречия между теориями «стилистической реставрации», считавшей памятник произведением искусства, которое реставратор должен дополнять, и «археологической реставрацией», исходившей из оценки памятника преимущественно как исторического источника.

Результатом данной дискуссии стало принятие Венецианской хартии на Втором международном конгрессе архитекторов и специалистов по историческому наследию в 1964 г.

В этой связи интересно и важно замечание бывшего президента ИКОМОС Г. Араоза: «Способность Венецианской хартии 1964 г. (юбилей которой мы отмечаем в прошлом году. — Прим. авт.) примирить поляризованные взгляды <...> придерживающегося одной крайности Джона Раскина в Великобритании и другой Эжена Виолле-ле-Дюка во Франции была возможна, потому что оба этих джентльмена, наряду с остальными главными героями и вспомогательными персонажами этого процесса, несмотря на их различия, были объединены общей евроцентрической концепцией того, что такое наследие, ценности, которые оно имеет, и роль, которую оно играет. Эти общие концепции в конечном итоге были закреплены в Венецианской хартии, которая, будучи основополагающим доктринальным документом ICOMOS, обеспечила интеллектуальную среду для инкубации Конвенции о всемирном наследии»²².

При этом «следует отметить, что проблема сохранения памятников прошлого в их подлинном виде — это специфическая проблема европейской культуры. Например, китайская традиция характеризуется ничтожной ролью собственно материального звена»²³.

Как следствие указанной выше дискуссии стоит указать на принятие 16 ноября 1972 г. генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия — «флагманского» международного правового акта ЮНЕСКО, ставшего одним из наиболее широко признаваемых и популярных многосторонних договоров в гуманитарной сфере²⁴. СССР присоединился к Конвенции 12 января 1989 г.

Именно в данном документе впервые официально был закреплен термин «культурное наследие», под которым понимаются памятники и достопримечательные места.

В то же время в принятом позднее законе СССР от 29 октября 1976 г. используется традиционная для Советского Союза терминология без учета международных новаций: «Памятники истории и культуры народов СССР отражают материальную и духовную жизнь прошлых поколений, многовековую историю нашей Родины, борьбу народных масс за ее свободу и независимость, революционное движение, становление и развитие Советского социалистического государства. <...> Памятниками истории и культуры являются сооружения, памятные места и предметы, связанные с историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, произведения материального и духовного творчества, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность»²⁵.

Важными документами в развитие указанного закона стали постановление Совета Министров СССР от 12 ноября 1979 г. № 1009, постановление Совета Министров СССР от 16 ноября 1982 г. № 865, Указ Президента СССР от 13 октября 1990 г. № 870, в целом поддерживающие существующую терминологию.

Отметим, что с 1970-х гг. на отечественной почве, начиная с трудов Е. В. Михайловского, как результат доктринального прочтения Венецианской хартии среди специалистов²⁶ и общественности («Архнадзор») преобладает стремление к консервации подлинности в противовес «управлению культурными ресурсами» или «реставрации на определенный период». Появление понятия «градозащита» — лучшее тому подтверждение.

В то же время в западном и в общемировом сознании проявились новые тенденции. Прежде всего следует сказать о системе дипломатического, в прямом и переносном смысле, убеждения, которая получила терминологическое название «мягкая сила»²⁷.

Если «мягкую силу» можно с полным основанием назвать главным декларируемым инструментом международных отношений, то на место основной цели с большим отрывом претендует «устойчивое развитие» — глобальная политико-экономическая концепция развития общества.

Широкое распространение термин получил после публикации доклада Комиссии Гру Харлем Брундтланд «Наше общее будущее» (1987). Согласно определению, данному Комиссией Брундтланд, «устойчивое развитие — это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»²⁷.

Если ранее европейская мысль в оценке историко-культурного достояния исходила из работы с эмпирическим материалом и построения объясняющих моделей на основе методов каузальности, историзма, интуитивизма и позитивизма, в настоящее время само понимание культурного наследия также существенно трансформировалось. В ставшей модной книге «Прошлое — чужая страна» Д. Лоуэнталь ниспровергает незыблемость наших знаний о наследии: «Прошлое — это чужая страна, чей облик вылеплен из сегодняшних пристрастий, его своеобразие выстроено нашими заботами о сохранении его черт <...> Прошлое придает законную силу настоящему двумя различными путями: через сохранение или через восстановление»²⁸.

Д. Лоуэнталь выдвигал тезис о различном понимании прошлого в обществах цивилизации «коллективного Запада» и находящихся за границей данной традиции: «Люди в так называемых традиционных обществах уверены в том, что вещи являются (и должны быть) такими, какими они были всегда...».

Культурологи, следующие влиянием современных теорий, стали считать культурное наследие «концептом, отражающим определенный способ интерпретации прошлого»²⁹.

«Реставрация является функцией актуализации произведения искусства в сознании, которое признает произведение таковым», — писал классик «археологической реставрации» Чезаре Бранди³⁰.

В своей диссертации С. Ю. Каменский выделил три исторические парадигмы отношения к культурному наследию: «отсутствие прошлого», «память-преемственность» и «культурный диалог»³¹.

Третий этап ознаменован переходом общества к новому состоянию. «В социокультурном

аспекте эта трансформация была охарактеризована как переход в состояние постмодерна, в социально-экономическом — как переход от индустриального к постиндустриальному обществу»³².

Как следствие, в последнее время мы наблюдаем тенденцию, метко названную Дэвидом Лоуэнталем «Крестовый поход за наследием и исторические трофеи»³³.

Также следует отметить мнение еще одного бывшего президента ICOMOS Майкла Петцета: «Тема сохранения памятников и достопримечательностей, которая оставалась второстепенной на протяжении большей части XX века, с середины 1970-х гг. стала получать поддержку СМИ не как модная тенденция, а как проблема, представляющая общеполитический интерес». Таким образом, обыватели оказались вовлеченными в сферу наследия как равноправные участники наряду со специалистами по охране памятников.

Подобные теории подводят к так называемой «лестнице гражданского участия» (Арнштейн)³⁴. Таким образом, гражданский контроль объявляется главной целью.

Выпестованный оппозиционный взгляд «гражданского» сообщества нуждался в негативной оценке политики государства в сфере охраны памятников: «Для России характерно директивное управление объектами культурного наследия, которое выражается в тотальных запретах и ограничениях при владении такими объектами и их использовании»³⁵.

С точки зрения практики сохранения наследия важно упомянуть направление «управление культурными ресурсами», тем более «в эпоху постмодерна любой культурный товар или явление непременно имели экономическую подоплеку» (Джеймисон)³⁶.

Некоторые исследователи дают даже более строгую оценку: «Мы живем в условиях мемориального капитализма: обогащенное экспертными, художественными и медианарративами, прошлое стало объектом эксплуатации, из которого выкачиваются ресурсы как материальной (tangible), так и нематериальной, или духовной (intangible) ценности, национального или мирового культурного наследия»³⁷.

На первый план вышли теории, «узаконивающие» общественный интерес, в соответствии с которым государство-меценат трансформируется в государство-инвестора, осуществляющего финансирование сохранения культурного наследия.

За почти полувековую историю экономики культуры появился ряд концепций, обосновывающих государственную поддержку культуры. В области сохранения культурного наследия к ним относятся следующие теоретические построения: концепция провалов рынка, «болезнь цен» Баумоля, теория мериторных благ, теория опекаемых благ³⁸.

«Возможно, даже более серьезным — и, безусловно, более распространенным, чем горнодобывающая промышленность, — это растущая вера в туризм как великую панацею для всех экономических невзгод местных общин и национальных правительств. <...> Мы знаем <...>, что мотивация заключается не в том, чтобы добиться лучшего сохранения этих (культурно-исторических) свойств, а в том, чтобы переместить их на вершину пищевой цепочки на туристических рынках», — писал Г. Араоз еще в 2013 г.³⁹

Еще совсем недавно мировое сообщество испытывало оптимизм в сфере развития мировой цивилизации. При этом считалось, что сохранение общего наследия человечества предполагает стабильное развитие всех государств мира.

Однако в конце прошлого столетия мир столкнулся с трагическими катаклизмами. В результате защита недвижимого культурного наследия явно была «секьюритизирована» (тезис из книги «Культурное наследие и массовые зверства») ⁴⁰. Точно так же рассмотрение Советом Безопасности ООН вопроса о гуманитарных катастрофах стало легитимной основой для действий по поводу защиты культурного наследия.

Выступая 1 июля 2015 г. в Королевском институте международных отношений (Лондон) с докладом «Культурное наследие: новая мишень экстремизма», И. Бокова (на то время директор ЮНЕСКО) ввела в широкий оборот термин «культурная чистка», охватывающий не только преднамеренное уничтожение культурных объектов, но и отдельные нарушения прав человека, например, такие как преследование по этническим или религиозным признакам, нападения на журналистов, разрушение школ.

Итак, в мировом сознании произошла «смена парадигмы охраны памятников», выраженная в переходе от классической концепции «сохранение наследия» к парадигме «управление изменениями» (managing change).

Большинство современных западных исследователей предпочитают делать акцент на ценностях локальных сообществ. Пьер Нора утверждал: «О памяти столько говорят только потому,

что ее больше нет. На смену памяти пришли места воспоминаний (локусы), которые вызывают образы воспоминаний (воображения) <...>»⁴¹.

Итак, современная политика России в сфере сохранения культурного наследия и, шире, общественное отношение к прошлому опираются на многовековую, прежде всего европейскую, традицию. На разных хронологических и общественно-политических этапах развития нашей страны мы наблюдаем приоритет разных научно-методических и политических подходов к данной проблематике.

Хотя в западном сознании произошла «смена парадигмы охраны наследия», выраженная в переходе от классической концепции «защиты от деградации памятников» или к «управлению изменениями» (managing change), российский подход, выраженный в правовых и нормативных документах и выступлениях официальных лиц, демонстрирует комплексное отношение к данной проблематике, когда учитываются обе указанные выше тенденции. Справедливости ради следует отметить, что в профессиональном сообществе и широком общественном сознании единая точка зрения на культурное наследие отсутствует.

Сохранение историко-культурного наследия нашей страны — важнейшая задача российского общества и государства. Конституция Российской Федерации гарантирует право каждого гражданина на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. Но при этом в соответствии с ч. 3 ст. 44 Конституции Российской Федерации каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. Как следует из Конституции Российской Федерации, охрана памятников истории и культуры является не только обязанностью граждан, но и задачей органов государственной власти и местного самоуправления⁴².

Показательной в связи с неоднозначностью отношения общества и государства к характеристике культурного наследия стала работа по принятию Федерального закона в 2002 г.⁴³

Законодатель учел обе указанные выше тенденции, что наблюдается в ст. 3 данного акта: «К объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации (далее — объекты культурного наследия) в целях настоящего Федерального закона относятся объекты недвижимого имущества <...>, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения

истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетелем эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры»⁴⁴.

Данный федеральный закон, как следует из его преамбулы, регулирует отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и направлен на реализацию конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры, а также на реализацию прав народов и иных этнических общностей в Российской Федерации на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение историко-культурной среды обитания, защиту и сохранение источников информации о зарождении и развитии культуры⁴⁵.

Многочисленные внесения изменений в текст федерального закона свидетельствуют о неудовлетворенности текущим состоянием сохранения наследия в нашей стране.

В своем послании Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. Владимир Путин призвал правительство, парламентарию, профильные комиссии Госсовета проанализировать с участием общественности нормативную базу в сфере охраны и использования объектов культурного наследия и устранить явно избыточные и противоречивые требования, из-за которых порой памятник разрушается на глазах, а по закону оперативно принять меры по его спасению невозможно. Он также предложил сформировать долгосрочную программу сохранения ОКН России сроком на 20 лет с использованием механизмов поддержки участников этой программы и опробовать их в пилотном проекте Института развития «ДОМ.РФ» в 2024 г.⁴⁶

Хотя в западном сознании произошла «смена парадигмы охраны наследия», выраженная в переходе от классической концепции «защиты от деградации памятников» к «управлению изменениями» (managing change), российский подход, выраженный в правовых и нормативных документах и выступлениях официальных лиц демонстрирует комплексное отношение к данной проблематике, когда учитываются обе указанные выше тенденции. Таким образом современная политика России в сфере сохранения

культурного наследия реализует задачи по сохранению и укреплению общероссийской гражданской идентичности на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Важной вехой в определении официальной позиции в интересующей нас сфере стал выпуск Указа Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» (с изменениями и дополнениями от 25 января 2023 г., 17 июля 2025 г.)⁴⁷.

Во-первых, было дано комплексное определение: «Государственная культурная политика реализуется в целях обеспечения соблюдения конституционных прав граждан в сфере культуры, в том числе права на доступ к культурным ценностям, сохранения исторического и культурного наследия, а также достижения целей и выполнения задач в области обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации».

В указанном документе определены «субъекты государственной культурной политики» — органы публичной власти, организации культуры, авторы и авторские сообщества, организации, осуществляющие образовательную и научную деятельность, институты гражданского общества, в том числе творческие союзы, организации, осуществляющие деятельность в области искусства, креативных (творческих) индустрий, науки, образования, просвещения, воспитания, семейных отношений, работы с детьми и молодежью»⁴⁷.

Указаны основные цели государственной культурной политики — формирование гармонично развитой личности, разделяющей традиционные российские духовно-нравственные ценности, и укрепление единства и сплоченности российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития⁴⁷.

Также важно отметить опубликованную в данном документе более современную терминологию: «культурное наследие» — «совокупность предметов, явлений и произведений, имеющих историческую и культурную ценность. Культурное наследие включает в себя материальное культурное наследие (здания и сооружения, образцы инженерных, технических решений, градостроительные объекты, памятники промышленной архитектуры, исторические и культурные ландшафты, археологические памятники, монументы, скульптурные памятники, мемориальные сооружения и другие объекты, произведения изобразительного, декоративно-прикладного и народного искусства, документы,

книги, фотографии — все предметы материального мира, сохраняющие представление об особенностях жизни людей в прошедшие эпохи) <...>, «сохранение культурного наследия» — «обеспечение физической сохранности объектов материального культурного наследия, собирание, документирование и изучение объектов нематериального культурного наследия, вовлечение в культурный и научный оборот объектов культурного наследия»⁴⁸.

В развитие «Основ государственной культурной политики» в 2024 г. Правительством Российской Федерации была принята «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года»⁴⁹.

В соответствии с иерархией документов государственного стратегического планирования уточнены основные тезисы: «государственная культурная политика понимается как широкое межотраслевое явление, охватывающее все виды культурной деятельности, социальные и гуманитарные науки, образование, межнациональные отношения, вопросы поддержки и продвижения российской культуры за рубежом, международного гуманитарного и культурного сотрудничества, воспитания и самовоспитания граждан, просвещения, развития детского и молодежного движения, информационного пространства страны». «Это возможно только при условии планомерных и последовательных инвестиций в человека, в сохранение и укрепление общероссийской гражданской иден-

тичности на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁵⁰.

Таким образом, в указанных выше «Основах государственной культурной политики» заявлена амбициозная задача: «государство впервые возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признает ее важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России»⁵¹, что требует активизации теоретической и практической работы в сфере сохранения культурного наследия.

В период международной политической турбулентности и ведения гибридной войны против России культура в широком смысле, и культурное наследие в частности, возводится в ранг национальных приоритетов. Несомненно, историческое и культурное достояние является важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России.

В этой связи необходимо интенсификация комплексного изучения исторического и культурного достояния с целью понимания фундаментальных основ и путей развития и трансформации феномена культурного наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 № 808 (ред. от 17 июля 2025) «Об утверждении Основ государственной культурной политики.
2. Bandarin F. Changing Heritage How Internal Tensions and External Pressures are Threatening Our Cultural and Natural Legacy / F. Bandarin. — London: Routledge, 2024.
3. Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна / Пер. с англ. А. В. Говорунова. — СПб.: Владимир Даль, 2004. — С. 123.
4. Сидорович О. В. Анналисты и антиквары. Римская историография конца III–I вв. до н. э. — М.: РГГУ, 2005. — С. 91.
5. Araoz G. Conservation Philosophy and its Development: Changing Understandings of Authenticity and Significance / G. Araoz // *Heritage & Society*. 2013. № 6.
6. Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания. — СПб.: Алетейя, 2024. — С. 275.
7. Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания. — С. 284.
8. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и интуиция: наследие романтиков. — М.: ГУ ВШЭ, 2003. — С. 5.
9. Куренной В. А. Леопольд фон Ранке: рождение историзма // *Социология власти*. — 2024 — № 3.
10. Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Пер. с нем. В. А. Брун-Цеховой. — М.-СПб.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — С. 8.
11. Araoz G. Op. cit.
12. Савельева И. М., Полетаев А. В. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен / И. М. Савельева, А. В. Полетаев // *Диалог со временем*. — М.: URSS: Изд-во ЛКИ, 2007. — Вып. 18. — С. 73.
13. Савельева И. М., Полетаев А. В. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен. — С. 74.
14. См. Опыт трудов Вольного российского собрания при Императорском Московском университете: в 6 ч. — М.: Печатан при Императорском Московском университете, 1774–1783.
15. Ли Вэнвэнь. Особенности описания московских и подмосковных строений и сооружений в статьях Н. М. Карамзина в журнале «Вестник Европы» / Ли Вэнвэнь // *МНКО*. — 2024. — № 2 (105).
16. Охрана культурного наследия России. XVII–XX вв.: хрестоматия: в 2 т. Т. 1 / Авт.-сост. Л. В. Карпова, Н. А. Потапова, Т. П. Сухман. — М.: Весь мир, 2000. — С. 247.
17. Доброновская М. А., Вайнтрауб Л. Р. Объект охраны: Москва. К 95-летию образования системы органов охраны памятников. Документы и свидетельства / М. А. Доброновская, Л. Р. Вайнтрауб. — М.: Департамент культурного наследия г.Москвы, 2012. — С. 26.
18. Цит. по Собирая камни... Центральные научно-реставрационные проектные мастерские. 75 лет / Н. Д. Троскина, С. Б. Куликов, Т. Н. Вятчина, А. С. Подъяпольский, А. Л. Баталов, М. Л. Петрова, С. В. Демидов, Д. Н. Кульчинский, Л. А. Белова, Н. В. Камнев. — М.: ИК ГАЛЕРИЯ, 2-е изд. — С. 536.
19. Сорокин А. К., Лукашин А. В., Лукашина Е. В. В ряде учебников нет ни начала, ни конца... Как советская власть в 1930-е годы круто изменила свое отношение к преподаванию истории / А. К. Сорокина, А. В. Лукашин, Е. В. Лукашина // *Родина*. — 2024. — № 4.
20. Собирая камни... Центральные научно-реставрационные проектные мастерские. 75 лет. — С. 537.
21. Собирая камни... Центральные научно-реставрационные проектные мастерские. 75 лет. — С. 539.
22. Araoz G. Op. cit.
23. Бобров Ю. Г. Философия современной консервации-реставрации: иллюзии и реальность. — М.: Художественная школа, 2017. — С. 13.
24. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия.
25. Закон СССР от 29 октября 1976 г. № 4692-IX (ред. от 21 сентября 1983 г.) «Об охране и использовании памятников истории и культуры».
26. Душкина Н. О. ИКОМОС и отечественная практика сохранения культурного наследия / Н. О. Душкина // *ICOMOS Россия*.
27. Леонова О. Г. Джозеф Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения / О. Г. Леонова // *Социально-гуманитарные знания*. — 2018. — № 1.
28. Лоуэнталь Д. Указ соч. С. 14.
29. Каменский С. Ю. Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках (теория и история культуры): автореф. дис. ... канд. культурол. наук: 24.00.01 / С. Ю. Каменский — Екатеринбург, 2009. — С. 13.
30. Бранди Ч. Теория реставрации и другие работы по темам охраны, консервации и реставрации / Под ред. Д. Базиле; пер. с итал. А. Близнюкова; авт. предисл. А. В. Работкевич [и др.]. — Флоренция: Nardini Editore, 2011. — С. 65.
31. Каменский С. Ю. Указ. соч. — С. 13.
32. Куренной В. А. Указ. соч.
33. Пархоменко Т. А. Дискурсы об историко-культурном наследии в современном мире (XX–XXI вв.). — Москва: Институт Наследия, 2024. — С. 33.
34. Аргенбрайт Р. Москва строящаяся: градостроительство, протесты градозащитников и гражданское общество / Пер. с англ. А. Рудаковой. — Бостон; СПб: Academic Studies Press; Библиороссика, 2021. — С. 21.
35. Мальцева В. В. Культурное наследие: инструменты сохранения и развития.
36. Павлов А. В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. — М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2023. — С. 139.
37. Сандомирская И. Past discontinuous: фрагменты реставрации. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — С. 16–17.
38. Актуальные проблемы экономики культурного наследия / Под ред. А. Я. Рубинштейна. — М.: Государственный институт искусствознания, 2016. — С. 15.
39. Araoz G. Op. cit.
40. *Cultural Heritage and Mass Atrocities* / edited by J. Cuno and T. G. Weiss. Los Angeles: Getty Publications, 2022.
41. Пархоменко Т. А. Указ. соч. — С. 94.
42. Нудненко Л. А. Проблемы правовой регламентации охраны памятников истории и культуры в России / Л. А. Нудненко // *Конституционное и муниципальное право*. — 2010. — № 2. — С. 39.
43. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ (ред. от 26 декабря 2024 г.) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

44. Лавров В. В. Государственная политика и законодательство в области охраны культурного наследия / В. В. Лавров // *Криминалистика*. — 2012. — № 1. — С. 110.
45. Торба А. Новая жизнь старины: парламент и Правительство РФ повысили внимание к сохранению объектов культурного наследия / А. Торба // *Строительная газета*. — 2024. — № 47. — 13.12.2024.
46. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 № 808 (ред. от 17 июля 2025) «Об утверждении Основ государственной культурной политики».
47. Распоряжение Правительства РФ от 11 сентября 2024 № 2501-р (ред. от 06 сентября 2025) «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года».
48. Распоряжение Правительства РФ от 11 сентября 2024 № 2501-р (ред. от 06 сентября 2025) «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года».
49. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 № 808 (ред. от 17 июля 2025) «Об утверждении Основ государственной культурной политики».

Всемирное наследие человечества и место в нем Российской Федерации

Мазуров Ю. Л.

Россия — это одна из немногих стран мира, которую по праву можно отнести к числу государств-цивилизаций¹. Принадлежность к этой категории стран предполагает наличие самобытности и самодостаточности, обеспечивающих национальный суверенитет. В современных условиях суверенитет предполагает не только лидерство в экономике и социальной сфере, а также надежное обеспечение обороноспособности, но и убедительную демонстрацию передовых позиций в сфере наследия вообще и всемирного наследия человечества в частности.

Наследие и развитие

Среди множества факторов и условий развития человеческой цивилизации на протяжении всей ее истории все более значимую роль играет культурное и природное наследие. Есть множество аргументов в пользу того, что это обстоятельство осознано практически во всем мире, включая и Россию. Так, в одном из самых значительных документов XX столетия — в Докладе Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию ее председатель Г. Х. Брундтланд утверждает: «Мы способны согласовать деятельность Человека с законами Природы. В этом процессе культурное и духовное наследие будет способствовать решению главных задач, от которых зависит дальнейшее существование цивилизации»². Подобную позицию занимают и отечественные эксперты. Такова, в частности, позиция президента Российского национального комитета ИКОМОС Л. В. Кондрашева: «Сохранение и использование культурного наследия станет прочным камнем в фундаменте устойчивого развития»³.

Отношение к феномену наследия в России во многом основывается на многочисленных в последние годы публичных высказываниях президента страны В. В. Путина о роли наследия в формировании ее устойчивого будущего. Так, выступая на конференции AI Journey в 2023 г., он отметил, что «... в эпоху технологической революции именно культурное, духовное наследие является ключевым фактором сохранения национальной идентичности, а значит, и многообразия нашего мира, устойчивости международных отношений»⁴. Сбережение культурного и духовного наследия в наше время реально становится одним из ключевых государственных приоритетов в деле развития страны. Исходя из этого президент страны предложил сформировать долгосрочную программу сохранения объектов культурного наследия России⁵. К концу

2025 г. программа «Сохранение объектов культурного наследия народов Российской Федерации» на период 2025–2045 гг. была разработана и утверждена правительством страны⁶. Вместе с тем для России как для государства-цивилизации важно также восприятие ее наследия на «внешнем контуре».

Место России во всемирном наследии

Совершенно особую роль в современном мире играет феномен всемирного наследия (ВН), ставший своего рода главной духовной скрепой человечества. К его появлению был причастен еще «отец истории и географии» Геродот Галикарнасский, при жизни которого формировался первый в западной части мира список ВН — знаменитые «Семь чудес света». Появление феномена чудес света привело к формированию идеологии наследия во многих частях света, обретшей свою современную форму благодаря знаменитому «Пакту Рериха», идеям Ле Корбюзье и деятельности ЮНЕСКО.

В сложившейся структуре ВН наряду с его базовым элементом — Списком всемирного культурного и природного наследия (с 1977 г.) — представлены также объекты страновых списков всемирного нематериального культурного наследия, объекты документального наследия «Память мира», объекты сетей биосферных заповедников и геопарков ЮНЕСКО и т. д. (табл. 1). В представленной таблице отражена также основная информация по российским объектам во всемирном наследии.

Из данных табл. 1 следует, что в условно главном списке всемирного наследия находится 34 российских объекта, что составляет 2,7% его объектов и по этому показателю наша страна находится лишь на 9-м месте, уступая лидерам списка Италии и Китаю почти в два раза. Приблизительно такую же долю (2,6%) занимает Россия во всемирном документальном наследии, чуть более 1,5% в списке водно-болотных угодий международного значения, 5% в списке биосферных резерватов ЮНЕСКО, в остальных категориях страна представлена ничтожно скромно (всемирное нематериальное культурное наследие и глобальные геопарки ЮНЕСКО) или не представлена вовсе (подводное культурное наследие). Соответствуют ли приведенные показатели реальному потенциалу наследия России? Наиболее ожидаемый ответ, по-видимому, таков: да, соответствуют по биосферным резерватам, в меньшей степени — по водно-

Таблица 1. Памятники природы, истории и культуры, образующие всемирное наследие

№	Категория наследия	Правовая основа	Количество объектов (2025 г.)	Количество российских объектов	Примечания (статус в России)
1	Всемирное культурное и природное наследие	Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия (от 16.11.1972)	1248	34	Ратифицирована СССР в 1988 г.
2	Всемирное нематериальное культурное наследие	Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия (от 17.10.2003)	Около 600	2	Не ратифицирована
3	Подводное культурное наследие	Конвенция ЮНЕСКО об охране подводного культурного наследия (от 02.11.2001)	Нет данных	—	Не участвует
4	Всемирное документальное наследие	Программа ЮНЕСКО «Память мира» (с 1992 г.)	570	15	Активное участие
5	Водно-болотные угодья международного значения	Рамсарская конвенция (РК) (с 1971 г.)	2307	35	Россия вышла из РК в 2025 г.
6	Биосферные резерваты ЮНЕСКО	Программа «Человек и биосфера» (с 1971 г.)	759 в 136 странах	38	Активное участие
7	Глобальные геопарки ЮНЕСКО	Международная программа ЮНЕСКО по геонаукам и геопаркам (с 2015 г.)	229 геопарков в 50 странах	2	Участие

болотным угодьям и категорически не соответствуют по всем прочим составляющим ВН. Для частичного подтверждения сказанного полезно обратиться к данным табл. 2.

Приведенный в табл. 2 показатель числа российских объектов ВН поистине парадоксален. Так, в числе этих 34 позиций 11 приходится на объекты природного наследия, по числу которых Россия находится только на 4-м месте, наравне с Канадой после Китая, США и Австралии. При этом общепризнанно, что Россия — это страна с наиболее сохранившейся в естественном состоянии природной средой, что вкупе с лидерством по величине территории создает предпосылки для наличия существенно большего числа природных объектов, соответствующих критериям для включения во ВН.

Другой аспект отмеченной парадоксальности — это наши весьма скромные 23 культурных объекта во ВН. Скромные по отношению к численности населения, которая во многом коррелирует с числом особо ценных объектов наследия: данная численность в России превышает соответствующие показатели в Италии, Франции, Испании и Британии в 2 и более раза. Скромные и по отношению к поразительному

этническому разнообразию населения России, сравнимому разве что с Индией.

Причины отмеченного диссонанса почти очевидны. Это явно недостаточная активность российской стороны в продвижении своих предложений, связанная в известной мере с недостаточной вовлеченностью в эту сферу академической науки и низким уровнем ее социализации. На это обстоятельство обратил внимание председатель Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО С. В. Лавров: «Констатируем потребность в более энергичной линии нашей Комиссии на ряде направлений»⁷.

Другая причина — в недружественной позиции руководства ЮНЕСКО по отношению к России, явно усилившейся в последние годы. Это обстоятельство хорошо известно и на него также обратил внимание С. В. Лавров на заседании упомянутой комиссии 22 декабря 2023 г., назвав действия Секретариата ЮНЕСКО «откровенно противоправными»⁷.

В результате проявления названных причин представленные Россией объекты по много лет находятся без движения в предварительном списке объектов-кандидатов на занесение

Таблица 2. Первые 10 стран по количеству объектов всемирного наследия (2025 г.)

№	Страна	Площадь территории, км ²	Численность населения, чел.	Количество объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО
1	Италия	302 070	59 283 968 (2024)	61
2	Китай	9 600 000	1 408 280 000 (2024)	60
3	Германия	357 684	83 491 249 (2025)	55
4	Франция	551 500	68 605 616 (2025)	54
5	Испания	504 782	47 493 088 (2024)	50
6	Индия	3 287 263	1 428 627 663 (2023)	44
7	Мексика	1 972 550	131 946 900 (2025)	35
8	Великобритания	244 376	69 281 437 (2025)	35
9	Россия	17 240 000	146 119 928 (2025)	34
10	Иран	1 648 195	92 417 700 (2025)	29

в список ВН, в том числе 4 объекта еще с конца 1990-х гг. Обращает при этом на себя внимание то обстоятельство, что во ВН проходят, условно говоря, социально и политически нейтральные объекты (культурные ландшафты, петроглифы, наскальные рисунки и т. п.). А исторически и политически значимые для России — нет, например, Мемориальный комплекс «Героим Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане находится в очереди уже более 10 лет. Такой подход к нашему наследию явно противоречит духу Конвенции о всемирном наследии 1972 г., а еще больше — идейным основам созданной в 1945 г. ЮНЕСКО.

Основные направления расширения присутствия России во ВН

Россия, как и другие страны мира, поддерживает деятельность ЮНЕСКО по охране ВН и активно участвует в ней, полагая, что «профессиональный взаимовыгодный диалог в ЮНЕСКО по-прежнему возможен»⁷. Вместе с тем место нашей страны во ВН на протяжении десятилетий продолжает оставаться относительно скромным и не вполне адекватным ее природным и историко-культурным особенностям.

В связи с этим наиболее актуальными в деле расширения присутствия России во всемирном наследии как отражении ее самобытности и суверенности представляются такие вопросы, как: скорейшее включение наших объектов предварительного списка в собственно ВН; интеграция с другими странами по продвижению российских и общих объектов наследия в списки ВН; обоснование и продвижение во ВН

смешанных (природно-культурных) объектов наследия.

Перспективным и остро актуальным представляется продвижение номинаций по программе «Память мира». В их числе должны быть документы, связанные с открытиями русских мореплавателей, например бортовые журналы экспедиции Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева, открывших Антарктиду. Было бы в высшей степени справедливым включить в эту же программу документы наследия великих русских педагогов К. Д. Ушинского и А. С. Макаренко.

Особый вопрос — о российском наследии за рубежом⁸. Некоторые из такого рода объектов можно было бы продвигать во ВН совместно со странами их современного размещения, как это уже происходит с Брестской крепостью. Остро актуален вопрос о Байконуре и целом ряде других объектов как материального, так и нематериального наследия.

Заключение

Решающую роль в решении названных вопросов могут и должны сыграть следующие основные направления национальной политики в области наследия: усиление деятельности по более адекватному представлению всего многообразия наследия России во ВН; активизация роли государства и общества в защите национального наследия России за рубежом; социализация национальной политики охраны наследия; активное развитие образования и просвещения по вопросам охраны и эффективного использования наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зарубина Е. В., Журавлёва Л. А., Ларин М. В. и др. Россия как государство-цивилизация // Образование и право. — 2024. — № 11. — С. 13–19.
2. Доклад Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию / Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1989. — С. 16.
3. Кондрашев Л. В. ЮНЕСКО на пути «устойчивого развития»: новые перспективы или углубление кризиса? / Альманах ИКОМОС. — 2024. — С. 11.
4. Выступление Президента России В. В. Путина на конференции AI Journey 24 ноября 2023 г.
5. Ежегодное Послание Федеральному Собранию. 2024.
6. Распоряжение Правительства РФ от 12 декабря 2025 г. № 3773-р.
7. Выступление министра иностранных дел России Лаврова С. В. на Общем собрании Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, Москва, 22 декабря 2023 г.
8. Mazurov, Yury L. (2025) Russian Heritage Abroad — Spatial Typology And Conservation Challenges // Glasnik - Herald, 29. — 2025. — С. 47–78.

Подготовка концепции номинирования в Список всемирного наследия ЮНЕСКО трансграничного культурного маршрута «Великий чайный путь: Россия — Монголия — Китай» (российская часть номинации)

Марушина Н. В., Назарова А. Ю., Ковбасюк Т. А., Буторин Д. А.

Аннотация

В статье рассматривается процесс разработки концепции номинирования трансграничной серийной номинации «Великий чайный путь: Россия — Монголия — Китай» в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Ключевые слова: Великий чайный путь, всемирное наследие, ЮНЕСКО, стратегия номинирования, серийная номинация, выдающаяся универсальная ценность.

Введение

История чайной торговли между Китаем и Россией насчитывает несколько веков. Великий чайный путь — это караванный маршрут транспортировки китайского чая в Россию, существовавший с конца XVII до начала XX века. География чайного пути была весьма обширна и охватывала значительные территории Китая, Монголии и России. Его протяженность только от Пекина до Москвы составляла приблизительно 9000 км, а объемы товарооборота были идентичны другим маршрутам трансасиатской торговли, пролежавшим через Азию и Ближний Восток в Европу и Африку¹.

Начинался этот путь в районе современного китайского города Ухань в провинции Хубэй и далее проходил еще через шесть провинций Китая, территорию Монголии, Сибирь, Урал и Поволжье в Москву и Санкт-Петербург. Из Москвы радиальные пути шли на юг, север и запад, а из Петербурга — в Западную Европу.

Упадок маршрута приходится на начало XX века во многом из-за развития железнодорожного сообщения по Транссибирской магистрали², кардинальным образом преобразовавшим торговлю чаем.

В настоящее время Великий чайный путь рассматривается преимущественно как проект межнационального сотрудничества в области социально-экономического развития, прежде всего в контексте туристического взаимодействия.

При этом историческая ценность Великого чайного пути и его культурное значение тоже становятся предметом для изучения научных и экспертных сообществ России, Китая и Монголии. Примером подобной работы является проект продвижения трансграничного культурного маршрута «Великий чайный путь» в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Это трехсторонний проект России, Китая и Монголии, который был инициирован китайской стороной. Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по поручению Минкультуры и МИДа России проводит комплексное исследование, направленное на формирование российской части номинации.

Разработка стратегии номинирования

Список всемирного наследия ЮНЕСКО объединяет объекты культурного и природного наследия, обладающие выдающейся универсальной ценностью, для определения которой существует ряд критериев.

«Великий чайный путь» — потенциальная серийная номинация, которая может включать группы типологически подобных или уникальных компонентов, расположенных на территории каждого из государств — участников проекта. При разработке стратегии номинирования серийных объектов одной из сложнейших задач является разработка общей формулировки выдающейся универсальной ценности потенциального объекта номинирования, а также соответствующее этому определение состава серийных компонентов.

Для обоснования выдающейся универсальной ценности культурного маршрута «Великий чайный путь» китайской стороной были предложены 4 критерия: (ii) — демонстрация межкультурного обмена в пределах территории Евразии; (iii) — исключительное и полное свидетельство разнообразного развития современных торговых цивилизаций внутри континентальной Евразии; (v) — выдающийся пример системы обслуживания и обеспечения для торгового процесса, представляющий взаимодействие человека с обширными и сложными природными и гео-

Марушина Н. В., Назарова А. Ю., Ковбасюк Т. А., Буторин Д. А.
Подготовка концепции номинирования в Список всемирного наследия ЮНЕСКО трансграничного культурного маршрута «Великий чайный путь: Россия — Монголия — Китай» (российская часть номинации)

графическими условиями континентальной Евразии; (vi) — ассоциативные связи с чайной культурой.

Для обоснования критериев выдающейся универсальной ценности объектов российской части Великого чайного пути были предложены следующие предварительные формулировки.

(ii)	Великий чайный путь оказал существенное влияние как на экономическое развитие Российской империи (развитие новых отраслей промышленности, формирование особых ярмарочных и торговых зон), так и на политическую роль России в мире (посредник между Китаем и Европой). Все это повлияло на архитектуру и градостроительство, культуру, распространение религий, научные исследования.
(iii)	Великий чайный путь может рассматриваться как система организации и осуществления чаеоторговли на Евразийском континенте: чайная торговля способствовала развитию международного товарообмена, распространению свободной конкуренции, росту благосостояния населения участвующих в ней народов. Кроме того, участие российских купцов в чайной торговле с Китаем, требовавшее специальных знаний и умений, способствовало развитию и совершенствованию навыков коммерческой деятельности.
(v)	Развитие чайной торговли способствовало освоению новых территорий, развитию сети существующих дорог, основанию новых городов и поселков и формированию их административной, экономической и социальной инфраструктур. Знакомство с культурой производства чайной продукции привело к закладке чайных плантаций на территории Российской империи.
(vi)	Распространение чая в России привело к закреплению значения чаепития как особой социальной практики, способствовало формированию национальных традиций чаепития, что, в свою очередь, нашло отражение в живописи и декоративно-прикладном искусстве.

Обоснования критериев, предложенные тремя странами, предполагают рассмотрение объекта с позиций взаимосвязи распространения чая на территории Китая, России и Монголии с взаимовлиянием и взаимовлиянием, в том числе в области технологий и методов торговли, архитектуры и градостроительства (ii), с торговыми и культурными традициями народов, живущих вдоль Великого чайного пути (iii), с особенностями взаимодействия человека с природным окружением (v), а также с ассоциациями, напрямую обусловленными распространением чая и чайной культуры (vi).

При этом российские критерии отражают в большей степени тот факт, что развитие чаеоторговли и чайная культура в XVII — начала XX века оказали существенное влияние на социально-экономическое развитие Российской империи и нашли отражение в разных областях жизни российского общества.

Монгольской стороной сделан акцент на использовании караванов верблюдов для транспортировки чая, управлении водными ресурсами в условиях пустыни и степей, а также взаимодействии между кочевыми скотоводческими обществами и оседлыми цивилизациями. В китайской части обоснования в основном отражен аспект чайной торговли и выращивания чая.

Вместе с тем все предложенные формулировки затрагивают развитие городов, расположенных вдоль маршрута, а также транспортной инфраструктуры, связанной с чаеоторговлей, акцентируют межкультурные взаимодействия и упоминают разнообразные традиции, связанные с потреблением чая.

Определение компонентного состава российской части номинации

В соответствии с критериями выдающейся универсальной ценности была проведена работа по выделению объектов — потенциальных компонентов серийной номинации. При этом учитывалось то, что каждый компонент такой номинации должен вносить существенный, научно обоснованный и легко определяемый вклад в выдающуюся универсальную ценность объекта.

Будучи комплексным культурным маршрутом, проходящим по территории нескольких государств, Великий чайный путь включает в себя типологически разные компоненты: чайные плантации, места производства и торговли, элементы и объекты транспортной инфраструктуры, благодаря которой обеспечивалась доставка китайского чая в Россию через территорию Монголии.

Параграф 137 Руководства по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия, говоря о процессе подготовки номинаций серийных объектов, обращает внимание на то, что «при выделении составных частей необходимо в полной мере учитывать общую управляемость и связность номинируемого объекта»³. С этой целью был проведен территориальный анализ возможных компонентов серийного

объекта и выделена система кластеров — территориальных образований, в пределах которых сконцентрированы атрибуты потенциальной выдающейся универсальной ценности. В ряде случаев в качестве кластера рассматривались территории федеральных округов Российской Федерации (например, Северо-Западный федеральный округ), в каких-то, где атрибуты представлены более широко, кластерами могут считаться территории субъектов Российской Федерации (например, Нижегородская область и Республика Татарстан в Приволжском федеральном округе).

По итогам предварительной работы с данными ЕГРОКН⁴ и с материалами исследований по тематике Великого чайного пути на первоначальном этапе была сделана выборка компонентов, обладающих статусом объекта культурного наследия и имеющих предварительный потенциал для включения в номинацию. Такая выборка включала около 100 объектов, находящихся в 14 регионах и 7 федеральных округах Российской Федерации.

Для определения типологии потенциально номинируемых объектов, выявления состояния сохранности объектов, их архитектурных особенностей, получения сведений об их правовом статусе, статусе охраны и управлении была разработана форма опросника для региональных государственных органов по охране культурного наследия.

На следующем этапе были подготовлены письма-запросы в органы охраны памятников регионов Российской Федерации, в которых расположены перспективные с точки зрения номинирования объекты, с просьбой дополнить, скорректировать и согласовать прилагающийся перечень потенциальных компонентов номинации, а также предоставить подробную информацию по этим объектам в соответствии с разработанной формой опросника.

По результатам полученной информации, а также после дополнительной проработки вопроса с исследователями Великого чайного пути и консультаций с представителями Российской академии наук предварительный список российских объектов культурного наследия — потенциальных компонентов номинации «Великий чайный путь» был расширен. На данный момент он включает в себя 130 объектов, расположенных в 14 регионах, на территории 7 из 8 федеральных округов Российской Федерации — Дальневосточного, Сибирского, Уральского, Приволжского, Центрального, Северо-Западного и Южного. Лидером по количеству объектов, которые могут рассматриваться

в качестве потенциальных компонентов трансграничного культурного маршрута, является Приволжский федеральный округ, на территории которого проводились три крупные российские ярмарки — Нижегородская, Спасская и Мензелинская.

Далее на основе изучения истории маршрута и развития чайной торговли все объекты, предварительно отобранные в качестве потенциальных компонентов российской части номинации «Великий чайный путь: Россия — Монголия — Китай», были разделены на группы, а именно: логистика чая, продажа чая, культура потребления чая, влияния.

К первой группе атрибутов были отнесены казначейства, биржи, банки, транспортные компании, таможенные здания и другие объекты, тесно связанные с процессами транспортировки чая. Вторая группа атрибутов включает в себя все объекты, имеющие отношение к чае: ярмарки, торговые дома, торговые галереи, чайные магазины и склады. В третью группу были определены объекты, отражающие культуру потребления чая в России, а именно: чайные, трактиры, фарфоровые заводы, самоварные фабрики. К четвертой группе атрибутов были отнесены объекты, которые иллюстрируют ассоциации с Великим чайным путем и чайной культурой в целом — от памятников в стиле шинуазри до соборов и учебных заведений, построенных при участии купцов-меценатов, занимавшихся торговлей чаем, а также поместья и особняки чаеотроговцев.

На основе проведенной научно-исследовательской работы первоначального этапа, а также анализа полученной дополнительной информации была составлена сводная таблица потенциальных компонентов номинации «Великий чайный путь» с разбивкой по типологии в каждом из кластеров. На сегодняшний день результат выглядит следующим образом.

В Дальневосточном федеральном округе фокусными точкам должны стать памятники, расположенные на территории Республики Бурятия (города Кяхта и Улан-Удэ). Здесь в основном представлены атрибуты, относящиеся к группам «Логистика чая» и «Влияния».

В Сибирском федеральном округе можно выделить сразу несколько городов, в которых есть памятники, связанные с Великим чайным путем. Эти потенциальные атрибуты выдающейся универсальной ценности представлены в основном группами «Продажа чая» и «Влияния».

К этим же двум группам относятся и атрибуты, представленные в двух ключевых центрах, связанных с Великим чайным путем, на территории Уральского федерального округа — в Екатеринбурге и Ирбите.

Двумя крупными городами Приволжского федерального округа являются Нижний Новгород и Казань. Каждый из них может выступать в роли координационного центра. Одним из важнейших объектов на Великом чайном пути являлась Нижегородская ярмарка, которую представляют атрибуты из группы «Продажа чая». Казань же располагает атрибутами, относящимися ко всем четырем группам. Интересные объекты, представляющие группы «Логистика чая» и «Влияния», расположены также на территории Кунгура и Перми.

В Центральном федеральном округе находятся объекты, связанные в большей степени с продажей и культурой потребления чая. Это чайные торговые дома (как, например, чайный магазин Перлова на Мясницкой улице в Москве), фабрика самоваров в Туле и пряничные ряды в Костроме.

По мере приближения к западным рубежам России все большее значение приобретают атрибуты, иллюстрирующие влияние Великого чайного пути и чайной культуры в целом: от одного из самых известных фарфоровых заводов России — Императорского фарфорового завода в Санкт-Петербурге — до памятников в стиле шинуазри.

В дальнейшем будет проведена работа по детальной оценке состояния сохранности потенциальных российских компонентов номинации (в том числе с учетом соответствия критериям целостности и подлинности и требованиям к охране и управлению); подготовке описания компонентов в соответствии с требовани-

ями ЮНЕСКО (с целью формирования заявки на включение в предварительный список). Также планируются шаги в рамках создания системы управления: формирование институциональной сети потенциальных управляющих; выявление заинтересованных сторон, включая собственников и пользователей объектов.

Вся эта информация ляжет в основу концепции номинирования в список всемирного наследия трансграничного культурного маршрута «Великий чайный путь: Россия — Монголия — Китай».

Заключение

Разработка концепции номинирования является начальным этапом длительного процесса по продвижению трансграничного культурного маршрута «Великий чайный путь: Россия — Монголия — Китай» в список всемирного наследия. На следующих этапах в соответствии с процедурой, предусмотренной Комитетом всемирного наследия, предстоит работа по формированию заявок на внесение объекта в Предварительный список Российской Федерации и на проведение предварительной оценки, а также разработка номинационного досье.

Таким образом, сейчас мы находимся в самом начале долгого пути, итоговая успешность которого зависит от степени проработанности всех составляющих номинационной документации в рамках разных этапов, а также от слаженности и согласованности действий всех участников трехстороннего проекта.

Вся упомянутая выше работа в глобальном смысле будет содействовать укреплению роли России на международной арене и расширению конструктивного взаимодействия со стратегическими партнерами нашей страны — Китайской Народной Республикой и Монголией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гончаренко С. С., Прокофьева Т. А. Транспортная логистика в обеспечении экономической безопасности России и Монголии. (Часть 1).
2. Кальмина Л. В., Плеханова А. М. Кяхта в 1840–1930-х гг.: блеск и нищета «Окна в Китай» // Власть. — 2019. — № 2.
3. UNESCO. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. 2025.
4. Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гончаренко С. С., Прокофьева Т. А. Транспортная логистика в обеспечении экономической безопасности России и Монголии. (Часть 1).
2. Кальмина Л. В., Плеханова А. М. Кяхта в 1840–1930-х гг.: блеск и нищета «Окна в Китай» // Власть. — 2019. — № 2.
3. Лю Цзайци, Ван Манли. Китайские исследования «Великого чайного пути» и междисциплинарная интеграция // Международный научный журнал «Вестник науки». — 2025. — № 6 (87). Том 3.
4. Соколов И. А. Чай и чайная торговля в Российской империи в XIX — начале XX в.: дисс. ... на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Москва, 2010.
5. Шувалова К. В. Великий чайный путь Китая, России и Монголии как фактор развития и процветания трансграничного туризма // Российско-китайские исследования. — 2019. — Том 3. № 1. — С. 34–41.
6. UNESCO. The Mongolian section of the Great Tea Route. — 2025.
7. UNESCO. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. — 2025.

Восстановление утраченного наследия: эволюция подходов и формирование новых концепций

Буторина И. В.

Аннотация

В последние годы отношение международного профессионального сообщества к понятию «реконструкция» как методу восстановления памятников, разрушенных в результате антропогенных или природных катастроф, претерпело значительные изменения. Опубликовано в 2023 г. совместное руководство ИКОМОС и ИККРОМ, где была предложена концепция Building back better (дословно — «Перестраивая, улучшай»), в значительной мере противоречащая основным постулатам Венецианской хартии, свидетельствует о значительной эволюции, проделанной реставрационной наукой в данном вопросе за последние 60 лет.

Венецианская хартия, утвержденная на II Международном съезде архитекторов и технических специалистов по историческим памятникам 31 мая 1964 г., подвела итоги более чем 30-летней дискуссии об основополагающих принципах реставрации. Согласно тексту документа, памятник понимался в первую очередь как «произведение искусства, являющееся живым свидетельством истории», то есть как физический объект, главная ценность которого заключается в подлинности его материальной оболочки. Именно ее сохранение как вещественного свидетельства определенной эпохи провозглашалось главной задачей реставрации, в связи с чем любые позднейшие включения требовалось минимизировать. Реконструкция или воссоздание признавались «недопустимыми», за исключением «анастилозиса», метода восстановления памятника с помощью установки на первоначальное место сохранившихся элементов.

Однако уже к моменту принятия Венецианской хартии стала очевидной невозможность повсеместного соблюдения декларируемых ей принципов. Один из наиболее показательных примеров расхождения реставрационной теории и практики — восстановление Варшавы, практически полностью уничтоженной в результате Второй мировой войны. В ходе масштабной реконструкции центральных районов, завершившейся в 1966 г., была воссоздана городская застройка и планировка XVII–XVIII веков, что повлекло за собой уничтожение или кардинальную перестройку немногих сохранившихся после оккупации зданий. Несмотря на явное несоответствие идеям Венецианской хартии, в 1980 г. Старый город Варшавы включили в список всемирного наследия, признавая

ценность подобного опыта реконструкции утраченного наследия.

В этом случае, как и при восстановлении памятников Ленинграда и его пригородов, разрушенных во время Великой Отечественной войны, реставрация, которая зачастую включала воссоздание большого количества элементов или объектов целиком (статуя Самсона в Петергофе или Янтарная комната в Царском Селе), олицетворяла победу и возвращение к мирной жизни. Спасенные дворцы и парки воспринимались не просто как произведения XVIII или XIX века, они служили зримыми воплощениями стойкости и мужества защитников и жителей блокадного города.

Осознанию многогранности наследия, ценность которого не сводится к его физической оболочке, но может означать нечто гораздо большее, способствовала также конвенция ЮНЕСКО 1972 г. Благодаря ей в научный оборот были введены памятники, расположенные за пределами Западной Европы. Более близкое знакомство экспертного сообщества с культурой Востока и Японии, в частности, привело к признанию значимости нематериальных аспектов наследия, когда основную ценность может представлять не сам объект, а воплощаемая им живая традиция, сохраняемая на протяжении многих поколений.

В 1993 г. в список Всемирного наследия включили «Буддийские памятники в местности Хорюдзи» как самые древние деревянные сооружения в мире. 48 храмов VII — начала VIII века неоднократно проходили реставрацию, которая в том числе включала замену старых, испорченных бревен на новые. Дискуссия о правомерности столь ранней датировки сооружений, большая часть которых относится к более позднему времени, привела к пересмотру концепции подлинности. Ее результатом стала Декларация, принятая в Наре в 1994 г. В этом документе провозглашалось многообразие культуры и наследия:

«5. В современном мире многообразие культур и наследия является неизменным источником духовного и интеллектуального богатства всего человечества <...>».

7. В основе всех культур и сообществ людей лежат особые формы и средства выражения, материальные и нематериальные, составляющие наследие, и их необходимо уважать <...>»¹.

Исходя из озвученных принципов были определены основные критерии подлинности объектов: форма и замысел, материал и субстанции, использование и функция, традиции и технологии создания, местоположение и окружение, другие внутренние и внешние факторы. Предложенный перечень учитывал не только материальные, но и нематериальные составляющие, комплексный анализ которых должен был в полной мере раскрыть ценность памятника. Понятие «ценности» рассматривалось как основополагающее для культурного наследия, а ее сохранение провозглашалось главной целью любых реставрационных работ.

Подобный подход, получивший большое распространение в конце XX века, оказал влияние и на отношение к реконструкции. В случае, если памятник являлся значимым местом отправления духовного культа или практик и их дальнейшее существование было невозможным без восстановления физической целостности объекта, допускалась его реконструкция, даже в ситуации необходимости использования новых материалов.

Эксперты указывали на важность учитывать мнение местных жителей относительно необходимости воссоздания того или иного объекта, поскольку именно они являются главными хранителями нематериальных ценностей, связанных с памятником. И несмотря на то, что в официальных документах по-прежнему подчеркивалось, что «... реконструкция археологических памятников, исторических зданий или кварталов допустима лишь в исключительных случаях»², на практике к ней прибегали все чаще и чаще, в том числе и с одобрения ведущих международных организаций.

Эскалация вооруженных конфликтов и природные катастрофы начала XXI века актуализировали дискуссию относительно допустимости реконструкции. В 2016 г. Комитет всемирного наследия на заседании в Стамбуле принял резолюцию о необходимости всестороннего изучения данной проблемы и разработки единых принципов, учитывающих как вопросы подлинности памятников, так и их социально-экономическую и духовную роль³. Промежуточные итоги были подведены в 2018 г. на конференции в Варшаве, где были представлены Рекомендации по восстановлению и реконструкции культурного наследия. В них подчеркивалось, что воссоздание является инструментом преодоления травмы, полученной местным сообществом в результате утраты памятника и сопутствующей антропогенной или природной катастрофы. Варшавские рекомендации

носили достаточно общий характер, и в дальнейшем ИККРОМ и ИКОМОС потребовалось еще пять лет для более глубокого исследования проблемы.

В 2023 г. было опубликовано новое руководство по восстановлению памятников — *Guidance on Post-Disaster and Post-Conflict Recovery and Reconstruction*⁴. Данная работа свидетельствует о значительном переосмыслении концепции реконструкции. Авторы подчеркивают, что воссоздание разрушенного объекта должно рассматриваться в более широком контексте переживания травмы, причиненной катастрофой. В таком случае культурное наследие выступает в роли одного из инструментов достижения мира и безопасности в регионе, а целью его восстановления является не просто возвращение того облика, который был до трагических событий, но и достижение нового состояния, сформировавшегося в том числе на основе пережитого опыта. Указывая на необходимость сохранения подлинности объекта руководство допускает в «определенных обстоятельствах» включение новых материалов, если это позволит раскрыть или восстановить ценность памятника. Кроме того, авторы предложили концепцию *Building back better* (дословно — «Перестраивая, улучшая»), согласно которой в ходе реставрационных работ необходимо устранить причины или факторы, которые привели к трагедии, даже если это потребует вмешательства в первоначальную структуру. Примером реализации подобного подхода на практике является восстановление памятников Катманду, разрушенных во время землетрясения в 2015 г. В ходе реставрации, начавшейся вскоре после катастрофы, было принято решение заменить часть связующих элементов, исторически деревянных, на металлические для того, чтобы повысить сейсмостойкость сооружений⁵.

Заключение

Таким образом, за последние 60 лет отношение к реконструкции в сфере профессиональной реставрации претерпело значительные изменения — от полного запрета до признания ее необходимости в ряде случаев. Современные концепции отличаются некоторой двойственностью, связанной с проблемой сохранения подлинности объекта и восстановления его целостности при утрате первоначальных материалов. Единственным способом разрешения данной дилеммы является комплексное изучение ценности наследия во всем его многообразии, с учетом не только материальных, но и нематериальных аспектов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нарский документ о подлинности. 1994.
2. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. 2025. — Paragraph 86. — P. 31.
3. Report of the Decisions adopted during the 40th session of the World Heritage Committee (Istanbul/UNESCO, 2016)
4. ICOMOS-ICCROM Guidance on Post-Disaster and Post-Conflict Recovery and Reconstruction for Heritage Places of Cultural Significance and World Heritage Cultural Properties. 2023.
5. ICOMOS-ICCROM Analysis of Case Studies in Recovery and Reconstruction. Case Studies. — Vol. 2. — 2020. — P. 27.

О VIII Международном совете по культурному наследию

Сибилева А. В.

Столица России стала одним из мировых лидеров в области реставрации исторических памятников, крупнейшим реставрационным проектом мира. С 2015 г. при поддержке Правительства Москвы ежегодно проходит Международный совет по культурному наследию. Мероприятие является интернациональным форумом, позволяющим собрать вместе высокопрофессиональных специалистов для обмена информацией и опытом.

Изобр. 1. 30 ноября 2023 г. Встреча Мэра Москвы С. С. Собянина с экспертами VII Международного совета по культурному наследию в рамках II профильной московской выставки «ПРОреставрацию. Импортзамещение в реставрационных материалах и технологиях». Фотография: пресс-центр Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы

В работе Совета традиционно участвуют руководители органов по охране памятников истории и культуры, ведущие мировые архитекторы и археологи, эксперты ЮНЕСКО и ИКОМОС, а также международные эксперты в области сохранения культурного наследия из многих стран мира.

Совет позволяет поддерживать и развивать партнерские связи с иностранными специалистами в области сохранения культурного наследия, изучать актуальные вопросы менеджмента объектов культурного наследия и управления культурными ресурсами, а также устанавливать контакты между администрациями городов и регионов — партнеров Москвы, общественными институтами, учебными и научными заведениями.

За эти годы Совет провел большую плодотворную работу. В целях осмотра проведенных реставрационных работ и знакомства с опытом российской столицы по организации и управле-

нию парковыми пространствами, а также объектами исторического и культурного наследия иностранные коллеги посетили ряд значимых объектов культуры, архитектуры и культурного наследия. За время проведения Совета международные эксперты ознакомились с ходом реставрационных работ здания дома Наркомфина, дома-музея И. С. Тургенева, Государственного академического Малого театра, павильонов «Азербайджан», «Беларусь», «Казахстан», «Космос», «Центральный», расположенных на территории ВДНХ, музея-заповедника «Коломенское», территории бывшего Миусского депо, здания Северного речного вокзала, фуд-молла «Три вокзала. Депо», дома культуры ГЭС-2, главного дома усадьбы Н. Н. Демидова — М. П. Голицына, здания клуба завода «Каучук» и многих других объектов культурного наследия федерального или регионального значения.

В декабре 2025 г. вот уже в восьмой раз в Москве прошел Международный совет по культурному наследию. В насыщенной деловой программе приняли участие более 400 человек, в том числе из числа экспертов в области реставрации, архитектуры и сохранения культурного наследия из Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Турецкой Республики, Республики Сербия, Итальянской Республики, Мексиканских Соединенных Штатов, Республики Куба, Алжирской Народной Демократической Республики, Иорданского Хашимитского Королевства и Южно-Африканской Республики.

Изобр. 2. Сентябрь 2019 г. Посещение экспертами Совета павильона «Космос» на ВДНХ. Фотография: пресс-центр Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы

Основной задачей Совета 2025 г. было обсуждение с международными экспертами ряда вопросов по линии управления объектами промышленного и культурного наследия,

их популяризации, деятельности органов охраны памятников, а также методов сохранения археологического наследия и территории культурного слоя.

С успехом состоялась конференция «Круговое депо: архитектура прошлого и город будущего» в главном доме усадьбы Н. Н. Демидова — М. П. Голицына. В ходе пленарной сессии конференции исполняющий обязанности руководителя Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы И. П. Ткач отметил, что Москва бережно относится к столичным историческим зданиям и дает им новую жизнь, активно поддерживает участие в международных проектах и инициативах, направленных на популяризацию объектов культурного наследия. Директор Департамента по многостороннему гуманитарному сотрудничеству и культурным связям Министерства иностранных дел Российской Федерации А. С. Алимов в своем выступлении подчеркнул, что важно соблюдать синергию между сбережением исторических ландшафтов и формированием современной среды для местных жителей и туристов. Заместитель председателя Московской городской думы С. В. Орлов в свою очередь отметил, что перед специалистами стоит амбициозная задача сделать историческое наследие поводом для новых проектов в таких сферах, как креативные индустрии, кинематография, дизайн и современное искусство.

Изобр. 3. Декабрь 2025 г. Конференция «Круговое депо: архитектура прошлого и город будущего» в главном доме усадьбы Н. Н. Демидова — М. П. Голицына в рамках Международного совета по культурному наследию — 2025. Презентация заместителя Мэра города Ниш Луки Гашевича «История, которая вдохновляет на будущее». Фотография: пресс-центр Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы

В рамках конференции состоялся интересный дискурс и обмен мнениями среди специалистов отрасли. Первый заместитель руководителя Департамента культурного наследия города Москвы — главный археолог города Москвы, президент НК ИКОМОС, Россия Л. В. Кондрашев подчеркнул важность международного профессионального сотрудничества в сфере сохранения культурного наследия, отметив, что под-

Сибилева А. В.
О VIII Международном совете по культурному наследию

держка государственных структур и экспертных организаций делает возможным проведение крупных мероприятий и продвижение российских объектов в Списке всемирного наследия ЮНЕСКО.

Изобр. 4. Декабрь 2025 г. Посещения экспертами Международного совета по культурному наследию IV профильной выставки «ПРОреставрацию. Импортзамещение в реставрационных материалах и технологиях». Фотография: пресс-центр Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы

Большой интерес вызвала презентация заместителя Мэра города Ниш Луки Гашевича «История, которая вдохновляет на будущее». В Нише зарегистрировано 111 памятников культуры национального значения, что делает этот город одним из самых значимых объектов культурного наследия в Сербии. Ключевыми объектами являются Нишская крепость, археологический памятник «Медиана», Башня Черепов (построена из черепов павших сербских солдат в ходе первого сербского восстания на горе Чегар, является символом мужества и борьбы за независимость Сербии), здание Бановина (памятник архитектуры, построенный в конце XIX века на левом берегу реки Нишава, служил штаб-квартирой сербского правительства в начале Первой мировой войны, сегодня является резиденцией Нишского университета).

Генеральный секретарь вилайета Алжир Абдеррахман Рахмани в своем выступлении на тему «Недвижимое культурное наследие вилайета Алжир» рассказал о крепости Касба в старой части города Алжир, основанной в X веке. Строение стало важнейшим административным и военным центром в эпоху османов и включало в себя дворцы, мечети, оборонительные башни, пороховые мастерские и другие здания. Восстановление Касбы проводится путем реставрации существующих исторических зданий и создания зеленых зон на месте разрушенных.

Директор Департамента сохранения культурного наследия муниципалитета Фатих Сюмейе

Мерьем Арслан представила масштабную работу по сохранению культурного наследия в районе Фатих — историческом центре Стамбула, где расположены объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО. На территории района сосредоточено около 11 тыс. объектов наследия, что составляет значительную часть культурных памятников Стамбула и всей Турции. С. М. Арслан поделилась информацией о восстановлении деревянной застройки, исторических фонтанов, османских кладбищ и о комплексной непрерывной реконструкции Гранд-базара — одного из крупнейших крытых рынков в мире. Особое внимание она уделила реставрации Семибашенной крепости (Едикуле) — одного из древнейших архитектурных комплексов Стамбула, где после археологических исследований ведется поэтапная «реанимация» сооружения и подготовка пространства для проведения будущих культурных мероприятий и инициатив.

Изобр. 5. Декабрь 2025 г. Посещение экспертами Международного совета по культурному наследию IV профильной выставки «ПРОреставрацию. Импортзамещение в реставрационных материалах и технологиях». Фотография: пресс-центр Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы

Генеральный директор Национального комитета по культурному наследию, председатель ИКОМОС, Южная Африка, научный сотрудник Университета Претории (Южно-Африканская Республика) Табо Манетси рассказал о подходах к сохранению культурного наследия в ЮАР, подчеркнув необходимость балансирования между охраной исторических объектов и современным развитием городов. Он обратил внимание на разнообразие природного и культурного наследия страны и отметил, что сохраненные объекты наследия должны быть полезными и функциональными для современного общества, приведя в качестве примера восстановление бывшей угольной электростанции в Йоханнесбурге (станция была превращена в объект культурного наследия, который теперь используется для общественных и культурных мероприятий).

Таким образом, участникам удалось обсудить, какими средствами можно сохранить характер объектов и как архитектура становится инструментом общественного диалога.

Эксперты Совета вновь посетили вот уже IV профильную выставку «ПРОреставрацию. Импортзамещение в реставрационных материалах и технологиях», где познакомились с техниками художественной резьбы, реставрации икон и фресок, нанесения золотого и серебряного покрытия на предметы из меди. Для международных экспертов были проведены мастер-классы представителями известных компаний, реставрационных мастерских, производителей материалов. Особое внимание экспертов привлек стенд компании «Паллада», которая представила уникальную архитектурную керамику для воссоздания утраченных элементов на объектах культурного наследия, ее специалисты продемонстрировали копию камина Михаила Врубеля (был восстановлен во время реставрации здания XIX века).

Изобр. 6. Декабрь 2025 г. Заседание VIII Международного совета по культурному наследию. Фотография: пресс-центр Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы

На полях выставки состоялся обстоятельный обмен мнениями на предмет организации мероприятий по предупреждению повреждений объектов культурного наследия, посттравматическом восстановлении объектов вследствие воздействия природных факторов и по другим аспектам реставрационной отрасли. Для специалистов в Мексике представляет актуальность заимствование практики зарубежных коллег по вопросам реставрации объектов, переживших землетрясение и иных стихийных бедствий. После землетрясения в Турции 2023 г. пострадали многочисленные здания, в том числе входящие в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Была проведена большая, кропотливая работа по сбору частей и предметов исторических памятников, в настоящее время продолжается масштабная реставрационная работа.

В ЮАР существуют методы предупреждения повреждений объектов культурного наследия, которые включают нормативные меры, рекомендации по эксплуатации, методы реставрации и мониторинг состояния объектов. В КНР в целях посттравматического восстановления зданий вследствие природных катастроф, как правило, привлекаются соответствующие структуры как на федеральном, так и на муниципальном уровне.

Выступая в рамках IV профильной выставки «ПРОреставрацию. Импортзамещение в реставрационных материалах и технологиях» на сессии «Международный опыт реставрации памятников истории и культуры», генеральный директор Национальной ассоциации мексиканских городов по всемирному наследию Хорхе Ортега Гонсалес остановился на вопросе сохранения объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в Мексике, рассмотрев его через призму идентичности, государственной политики и глобальной проекции и сделав акцент при этом на федеральной программе сохранения городов всемирного наследия в Мексике, которая подразумевает строгие критерии включения объектов в упомянутый список, привлечение высокопрофессиональных специалистов сферы управления культурными ресурсами, стимулирование развития малого бизнеса и культурного туризма, соблюдение гармонии материального и нематериального культурного наследия.

Изобр. 7. Декабрь 2025 г. Посещение экспертами IV профильной выставки «ПРОреставрацию. Импортзамещение в реставрационных материалах и технологиях». Участие международных экспертов в сессии «Международный опыт реставрации памятников истории и культуры». Фотография: пресс-центр Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы

Участники сессии обсудили преимущества, которые получают объекты при включении в Список наследия ЮНЕСКО и трудности, с которыми сталкиваются страны в процессе номинации и последующего управления объектами. Было отмечено, что международная поддержка, свя-

занная с этим статусом, обеспечивает не только продвижение международного и местного туризма, но и стимулирует культурные проекты, положительно влияет на восприятие страны на мировой арене. Сессия объединила ведущих международных экспертов из России, Мексики, Иордании, Турции и Кубы, которые поделились уникальным опытом сохранения и реставрации объектов Всемирного наследия в своих странах, городах и регионах.

Изобр. 8. Декабрь 2025 г. Выступление генерального директора Национальной ассоциации мексиканских городов по всемирному наследию Хорхе Ортега Гонсалеса и генерального директора Национального комитета по культурному наследию, председателя ИКОМОС, Южная Африка, научного сотрудника Университета Претории Табо Манетси с лекцией перед преподавательским составом и студентами МГУУ Правительства Москвы. Фотография: пресс-центр Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы

Так, архитектор, специалист в области реставрации муниципалитета Фатих Зюбейде Каан поделилась опытом сохранения объектов наследия путем их перемещения на примере фонтана Хаджи Эвли, генеральный секретарь ИКОМОС, Иордания Лина Абу Салим представила тематику возрождения наследия, туризма и роли местных сообществ на примере города Эс-Салт. По ее словам, основными выявленными проблемами являются ненадлежащее проведение реставрационных работ из-за нехватки специалистов, недостаток инфраструктуры и джентрификация. Она также отметила, что международным экспертам необходимо наращивать потенциал заинтересованных сторон в целях понимания ценностей наследия, оценки рисков и предотвращения будущих факторов ущерба.

Международное экспертное сообщество не могло обойти стороной работу с молодым поколением реставраторов, археологов и архитекторов. Согласно высказыванию заместителя генерального директора Исторического бюро города Гаваны Перлы Росалес Агирреурреты,

наследие восстанавливается ради будущих поколений специалистов, которые впоследствии займутся сохранением памятников культурного наследия и архитектуры.

Сложно переоценить значимость подготовки квалифицированных кадров среди молодых специалистов по линии популяризации объектов культурного наследия. Безусловно, каждое поколение имеет свои особенности. Освоение уже достигнутых ранее навыков, вошедших в практику, и новаторство дополняют друг друга. Именно поэтому так важно сохранять преемственность поколений, обеспечивая связь между прошлым, настоящим и будущим, передавая опыт. Данная тема вновь заняла одну из ключевых позиций в рамках работы Совета этого года, и тем ценнее стали лекционные занятия и общение иностранных специалистов со студентами столичных вузов.

Изобр. 9. Декабрь 2025 г. Представитель организации по реставрации монументов Италии Лучиано Маджи в Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова. Фотография: пресс-центр Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы

Исполнительный директор Комитета по проведению выставок в сфере культурного наследия, ИКОМОС, Китай, профессор школы архитектуры Сианьского университета архитектуры и технологий Лиу Кэчэн выступил с лекцией «Реставрация, переработка, возрождение» в Московском архитектурном институте. Он подчеркнул, что исторические здания отражают дух времени, сохраняют редкие архитектурные детали, старинные фрески или резные элементы и создают общий образ, единое целое, несмотря на разнообразие стилей и эпох. В качестве яркого примера создания пространства, которое является художественным музеем, но в то же время воплощает богатую городскую историю и культурные традиции города, он привел реконструкцию Музея искусств Цзиньлин в городе Нанкин. Проект получил Международную премию по сохранению архитектурного наследия и Золотую

Изобр. 10. Декабрь 2025 г. Осмотр экспертами Совета музея-усадьбы «Останкино». Фотография: пресс-центр Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы

награду за архитектурное творчество от Архитектурного общества Китая. Перед студентами также выступила директор Департамента планирования и проектов муниципалитета Фатих Сюмейе Коч, подробно рассказав о проектах, реализованных в муниципалитете Фатих, где сохранились уникальные объекты наследия, включая акведуки и многочисленные памятники архитектуры, отражающие богатое культурное наследие региона. Особое место в презентации занял замок Едикуле — крепость с семью башнями, построенная в византийские времена и служившая оборонительным сооружением Османской империи. Недавно началось масштабное восстановление этого объекта в целях сохранения его исторической ценности и превращения в доступное пространство для организации общественных мероприятий. Процесс восстановления включает в себя укрепление конструкций, очистку от разрушений, озеленение и создание пешеходных зон, что не только сохраняет аутентичность места, но и делает его привлекательным для туристов и жителей города.

Изобр. 11. Декабрь 2025 г. Эксперты VIII Международного совета по культурному наследию. Фотография: пресс-центр Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы

Изобр. 12. Декабрь 2025 г. Посещение генерального директора Национальной ассоциации мексиканских городов по всемирному наследию Хорхе Ортега Гонсалеса и генерального директора Национального комитета по культурному наследию, председателя ИКОМОС, Южная Африка, научного сотрудника Университета Претории Табо Манетси МГУУ правительства Москвы

Генеральный директор Национальной ассоциации мексиканских городов по всемирному наследию Хорхе Ортега Гонсалес выступил с лекцией перед студентами МГУУ Правительства Москвы, посвятив ее городам Мексики, объекты которых включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО (исторические центры городов Мехико, Касатекас, Пуэбла, древний город Эль-Техин и ряд других городов). По его словам, подобные города являются стратегическими двигателями, способствуют развитию культурного туризма, укрепляют местные малые предприятия, стимулируют инвестиции в гастрономию, гостиничный бизнес и сферу услуг, а также создают более сплоченные экспертные сообщества. Генеральный директор Национального комитета по культурному наследию, председатель ИКОМОС, Южная Африка, научный сотрудник Университета Претории Табо Манетси

рассказал студентам этого же учебного заведения об аспектах в области управления культурными ресурсами. Он отметил, что существует необходимость в том, чтобы политика и процессы управления культурным наследием развивались и приспосабливались, адаптировались к новым изменениям в культурном ландшафте (изменения климатических условий, последствия COVID-19, технический прогресс, развитие инфраструктуры, социально-экономическое развитие).

Представитель организации по реставрации монументов Италии Лучиано Маджи провел лекцию в Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова о реставрации объекта мирового значения Sagrada Família (Искупительный храм Святого Семейства). Храм Святого Семейства считается главным долгостроем Барселоны и культурным достоянием всего мира. Выражаем уверенность в том, что состоявшиеся лекции и обмен мнениями внесли свой неповторимый и неоценимый вклад и позволили расширить кругозор будущих молодых специалистов, а полученные знания будут применены в их будущей профессиональной деятельности.

Международный совет по культурному наследию в очередной раз стал одним из самых значимых международных событий в области сохранения культурного наследия российской столицы, предоставившим возможность экспертам обменяться мнениями и последними наработками в сфере управления и популяризации объектов культурного наследия и реставрационной отрасли, укрепив тем самым позицию Москвы в данной отрасли и в международном сообществе.

Город Темников: архитектурная история и туристический потенциал

Махаев В. Б.

В культурном ландшафте Приокшанья (междуречье Средней Волги и Оки) выделяется природно-исторический комплекс города Темникова, расположенный на реке Мокша. Специфика пространственной структуры и архитектурного облика Темникова была обусловлена своеобразием ландшафта и особенностями исторической эволюции города¹. Темников, старейший город в мордовском крае, в прошлом являлся опорным пунктом Московского государства, звеном постоянно расширявшейся военно-земледельческой цивилизации. Эти города закрепляли территорию в XVI веке, когда процесс колонизации начался, они контролировали ее в начале XX века, когда он завершился. Исторический анализ позволяет выявить 7 этапов пространственной эволюции города Темникова.

1-й этап: строительство Темниковской крепости и ее активная роль на государственной границе (конец XVI — середина XVII века). Русский город-крепость стал в мордовском крае качественно новым элементом культурного ландшафта, знаком культурной инновации². Структура и облик поселения формируется исходя из местных природно-климатических условий в расчете на долговременное пребывание жителей. Выражающий государственную идею город-крепость становится органичным и неповторимым элементом данного культурного ландшафта.

Существует обоснованное мнение, что Темников первоначально был татарской крепостью, выстроенной на правом западном берегу реки Мокши для защиты междуречья Мокши и Суры от экспансии Русского государства (ныне территория села Старый Город). Став русским, в 1536 г. поселение перемещается на 8 км выше по течению реки. В 430 м от Мокши на высоком холме северо-западнее оврага Самбег была выстроена небольшая деревянная крепость с размером стен 86 × 65 × 127 × 78 м и пятью башнями по периметру. Градостроительная структура Темникова второй половины XVI — середины XVII века «крепость-торг-посад» была воплощена секторным типом композиции в форме трапеции. Крепость и торговые здания в южной части трапеции, на север с расширением шли порядки. Вскоре сложился посад с 6 слободами, в соответствии с изрезанным рельефом он получил ветвистую планировку.

2-й этап: деградация города-крепости (конец XVII — XVIII век). Центральная власть теряет интерес к поселениям, оказавшимся в глубине

страны. Без влияния извне город не может полноценно развиваться, ему не хватает внешних импульсов. В период складывания регионального рынка поселение не имеет ресурсов для поддержания внешних контактов, для экстенсивного социального и хозяйственного развития, он утрачивает свою первоначальную функцию.

Между тем Темников растет пространственно. В начале XVIII века крепость была снесена, и городской центр переместился южнее — к устью оврага Самбег. К этому времени были застроены две верхние террасы, разделенные оврагом, позднее начинается строительство в нижней части города. В дальнейшем план города строился как неправильный полукруг с изломанными по микрорельефу улицами.

3-й этап: пространственная реконструкция Темникова (конец XVIII — начало XIX века). Центральная власть вновь видит в провинциальных городах основу своего стабильного существования, поэтому центром продуцируется программа социального и пространственного обновления провинции.

Изобр. 1. Фиксационный план города Темникова. 1782 г.

В 1779 г. Темников получил статус уездного города Тамбовского наместничества (с 1796 г. губернии). По генеральному плану 1797 г. город расчленялся на три части. Древняя, северная часть с 20 кварталами размещалась на возвышенности, окруженной оврагами. Южнее оврага с Базарной площадью располагалась центральная часть города с 10 кварталами. Южную часть составляли более 20 кварталов крупного размера, выходивших на берег реки Мокши. По генеральному плану 1829 г. Темников приобрел более четкую планировочную структуру: он стал почти параллелограммом, выходя

западной гранью к реке. Город имел центр с Соборной и Базарной площадями и четыре ориентированных на него сектора селитьбы. Река Мокша стала композиционной осью, связывающей город с пригородным Санаксарским монастырем³.

4-й этап: социокультурное развитие Темникова в середине XIX — начале XX века. Город приобрел устойчивый административный и экономический статус, он накопил необходимый для развития социальный и пространственный потенциал. В уездных городах происходит постепенное (но более медленное, чем в крупных губернских городах) насыщение городской среды — архитектурными, сакральными, хозяйственными, рекреационными объектами.

Во второй половине XIX — начале XX века городское пространство развивается по заложенным ранее рациональным принципам: выделяется главное пространство города — система двух площадей с административными, торговыми, культовыми зданиями, расположенная на выделенном месте; вокруг центра на плато и склонах размещается квартальная застройка, органично связанная с микрорельефом и ориентированная на городской центр. Среди кварталов создаются локальные центры, вокруг приходских церквей на открытых площадках. Главными элементами городского плана остаются квартал, улица и система площадей (Соборная, Базарная, церковные). Архитектурной доминантой города является Спасо-Преображенский собор⁴. В северном пригороде был построен Рождество-Богородичный монастырь.

Изобр. 2. Общий вид уездного города Темникова. Фото 1900-х гг.

5-й этап: деградация бывшего уездного города в первой половине XX века. В 1930–1960-х гг. со сносом культовых объектов районный центр Темников утратил исторически сложившийся облик, при этом ничего принципиально нового создано не было. Советский облик малого города дополняли руины дореволюционных зданий. Темников потерял архитектурную выра-

зительность, но не приобрел хозяйственной значимости в связи с удаленностью от железной дороги и крупных промзон Мордовской АССР.

6-й этап: экономическое развитие районного центра в условиях социалистического хозяйства во второй половине XX века. Темников вырос пространственно, в городе появились промышленная зона и внешний транспорт. В 1980-е гг. город разделился на две части — старую с доминирующей одноэтажной деревянной усадебной застройкой и новую с каменными среднеэтажными зданиями. По генеральному плану 1984 г. город развивался в северо-восточном направлении, его территория увеличилась вдвое. В центральной части сохранились большие участки исторической среды.

7-й этап: структурный кризис начала XXI века лишил Темников экономической и социальной базы развития, однако город медленно преобразуется внешне частным жилищным строительством, мелким бизнесом.

Ценным материальным памятником современного Темникова можно считать планировку исторического центра: она сохранила исторический ландшафт, некоторые следы XVII века и во многом регулярную структуру начала XIX века. Наибольшая плотность памятников имеется в южной части ул. Коммунистической в районе бывшей Соборной площади. Несмотря на отсутствие главной объемной доминанты — собора, именно эту территорию можно считать историко-культурной доминантой города. Сегодня в городе сохраняются в качестве объектов культурного наследия федерального значения: 1 памятник истории, 5 памятников архитектуры; регионального значения: 8 памятников истории, 9 памятников архитектуры и 1 памятник искусства. Кроме того, в городском центре существует большой ряд зданий, не имеющих статуса памятника, но обладающих всеми признаками ОКН.

В Темниковском районе сегодня сохраняются в качестве памятников федерального значения 2 памятника архитектуры, в качестве памятников регионального значения 16 памятников истории, 3 памятника архитектуры и 2 памятника искусства.

Наиболее значимым объектом культурного наследия Республики Мордовия является ансамбль Рождество-Богородичного Санаксарского мужского монастыря⁵. Ансамбль расположен на левом берегу реки Мокши, его территория отделена от нижней террасы поймы подпорной стеной. До середины XVIII века

все строения были деревянными. Существующие в настоящее время здания и сооружения построены в несколько этапов с 1765 по 1820-е гг. сначала под руководством И. И. Ушакова, затем по проектам иеромонаха Ф. И. Былинина. В начале XXI в. монастырь пространственно и функционально развивался в северо-западном направлении от исторического ансамбля.

Изобр. 3. Рождество-Богородичный Санаксарский монастырь близ Темникова. Фото В. Б. Махаева, 2020 г.

Замкнутое пространство ансамбля в форме неправильной трапеции (160 × 86 м) образовано поставленными по периметру корпусами, связанными стеной с башенками. Главный вход — 52-метровая надвратная Преображенская церковь (барокко, 1776). В центре пространственной композиции — соборная церковь Рождества Богородицы (барокко, 1774), в юго-восточной части — одноглавая Сретенская церковь (барокко, 1781). Периметр с северо-востока образуют одноэтажная пекарня, двухэтажные братский корпус и трапезная. С северо-восточной стороны периметр создают одноэтажный склад и двухэтажный Феодоровский корпус. С южной стороны периметр образован парой двухэтажных братских корпусов и одноэтажным больничным корпусом. С северной, южной и восточной сторон ансамбль замыкается подпорной стеной. Пространственная композиция ансамбля представляет сложную скомпонованную массу с живописным силуэтом и центром — монументальным пятиглавым собором.

Западнее Святых ворот располагается двухэтажный дом наместника (первоначально гостиничный корпус), рядом старая гостиница, у сенового бора — кладбищенская Владимирская церковь (ампир, 1806). Транспортная связь города и монастыря осуществляется по дороге через село Алексеевку на левом берегу Мокши, пешеходная — из центра города по мосту через реку по пойме мимо озера Жегалово.

Важнейшую роль в формировании выразительного пространственного образа играет окружающий природный ландшафт — прекрасный сосновый лес и обширные пойменные луга, прорезанные неглубокими озерами и руслами. Ансамбль властно входит в живописный ландшафт и создает впечатление неисчерпаемой энергии человека.

В расположенном неподалеку от монастыря селе Алексеевка провел последние годы жизни адмирал российского флота Ф. Ф. Ушаков (1744–1817). Он был похоронен в Санаксарском монастыре, и ныне могила святого воина является местом паломничества наряду с другими святынями.

В 1930–1960-х гг. Темников утратил многие из своих архитектурных достопримечательностей, являвшихся символом русского уездного города. В 1937 г. на Центральной площади был установлен тиражный памятник В. И. Ленину на конструктивистском пьедестале.

В 1970-е гг. город разделился на две части: старую — с доминирующей одноэтажной деревянной усадебной застройкой и новую — с каменными среднеэтажными строениями. Но пространственное развитие города наступило лишь в 1980-х гг. В историческом центре были построены по типовым проектам дворец культуры (1959), гостиница, пристрой к школе, здание администрации района (1968), универмаг, детский сад, новые корпуса районной больницы. В 1983 г. на Центральной площади был установлен второй монумент В. И. Ленина (скульптор А. С. Хижняк, памятник искусства регионального значения).

Сегодня силуэт города со стороны реки Мокши — наиболее пострадавшая часть исторически складывавшейся пространственной композиции. Береговая застройка функционально изменилась незначительно (если не учитывать ликвидацию пристани), но с утратой многоглавых храмов и колоколен силуэт города значительно обеднел. Со стороны реки исторический центр воспринимается двумя-тремя крупными памятниками на ул. Коммунистической и Интернатской (они возвышаются над одноэтажной жилой застройкой, спускающейся длинными кварталами к реке). В силуэте южной части городского центра главную роль играет только колокольня Успенской церкви (ампир, 1827).

В 1984 г. был утвержден генеральный план Темникова (Московский Гипрогор; корректировка 1993 г., «Мордовгражданпроект», главный архитектор А. Ф. Меньшова, руководитель группы Л. В. Кузина). В этот период территория города

выросла в северо-восточном и юго-восточном направлениях. Частными жилыми домами были застроены кварталы между ул. Новикова, Заводской и Заозерной, был возведен из железобетонных панелей овощесушильный завод. Была застроена крупная территория между ул. Октябрьской, Гагарина, Интернациональной и Р. Люксембург — жилой район Восточный. Здесь вдоль ул. Бараева были возведены 4 квартала с 4–5-этажной типовой застройкой, 14 восьмиквартирных жилых домов, школа, детский сад, поликлиника, столовая, магазин, также были разбиты парк им. С. В. Астраханцева и сквер в честь 40-летия Победы. Между ул. Интернациональной и Дорофеева была создана промышленно-складская зона с заводом «Лисма» и другими предприятиями. Ул. Гагарина выходила на автовокзал (1985) и стадион в южной части города и продолжалась дорогой 89Н-15; в северном направлении улица продолжалась дорогой 89Н-16. Восточнее ул. Гагарина был построен поселок с частной усадебной застройкой, а рядом с автостанцией проложена взлетная полоса аэродрома. При въезде в город был сохранен лесопарк им. 50-летия ВЛКСМ. В 2010-х гг. в исторической и новых частях города строились двухэтажные кирпичные жилые здания, некоторые из них выделяются своим интересным обликом.

Изобр. 4. Темниковский краеведческий музей. Фото В. Б. Махаева, 2020 г.

Сегодня Темников представляет собой типичный малый город, удаленный от транспортных магистралей федерального значения районный центр. Численность его населения падает: в 1998 г. она составляла 9600 человек, в 2014 г. — 6689, в 2020 г. — 5778, в 2024 г. — 6266 человек. Современную планировочную структуру Темникова можно охарактеризовать как компактную и регулярную со следами средневековой планировки. На макроуровне она разделяется на две зоны ул. Октябрьской — на западную и восточную части города. Структурообразующие элементы двух зон — пеше-

ходные связи (улицы), что типично для малого города. В целом объемно-пространственная структура города расчленяется на две зоны — традиционной застройки (где доминируют памятники истории и культуры) и современной застройки (где доминирует застройка микрорайона).

Ценным материальным памятником Темникова можно считать планировку исторического центра: в целом она сохранила исторический ландшафт (рельеф, водоемы); планировка сохранила некоторые следы XVII века (участки ул. Коммунистической, Войнова, Первомайской, Пролетарской); она во многом сохранила следы регулярной городской структуры, заложенной в конце XVIII — начале XIX века (ул. Коммунистическая, Интернатская, Люксембург, Крупской, Маркса, Ленина, Пензенская, Московская, Октябрьская, Интернациональная, Дзержинского, Кирова). Квартальная система, заложенная регулярным планом и развитая в середине XIX века, сохранилась с незначительными изменениями: кварталы имеют те же параметры, но застроены все площади, где в начале XX века находились собор и приходские церкви.

Исторический центр города застроен малоэтажными жилыми зданиями усадебного типа, как старыми (конец XIX — начало XX века), так и советского периода. Новые коттеджи органично входят в эту среду, некоторые из них выстроены по интересным архитектурным проектам, имеют качественную отделку фасадов. Вторжение общественных зданий советского периода (типовых построек крупного размера) в исторической части города незначительно, их этажность не нарушает силуэт центра. Сохранность не большей части исторических памятников неудовлетворительная.

Если в пригородной зоне Темникова находится первоклассный ансамбль Санаксарского монастыря, то говорить об ансамблях в пределах городского центра не представляется возможным. Вместе с тем на этой территории можно выделить целостные комплексы — большие отрезки улиц с исторически ценной застройкой. Они хорошо воспринимаются с разных точек, с тротуаров и перекрестков, хотя их перспективы и не завершаются значимыми ориентирами (утраченными храмами).

Как и в большинстве провинциальных городов России, в Темникове благоустройство и городской дизайн до недавнего времени оставались крайне низкого качества. С этой целью город участвовал во Всероссийском конкурсе лучших проектов создания комфортной городской среды. На первом этапе были взяты локальные

зоны в историческом центре. В 2018 г. был получен грант на благоустройство Центральной площади (сцена, кафе, читальный павильон), аллеи молодоженов, аллеи героев, сквера адмирала Ф. Ф. Ушакова (архитекторы И. С. Орлова, Д. Д. Канев). Благоустройство, малые архитектурные формы и постройки были выполнены в 2020 г. Здания собраны из дерева в лаконичном функциональном стиле, они вписались в обширное пространство Центральной площади по периметру.

На втором этапе были взяты локальные зоны в новой части города: благоустройство и малые формы в парке им. С. В. Астраханцева и бульвара (архитекторы И. С. Орлова, А. Передникас). Грант на выполнение проекта был получен в 2020 г., в следующем году проект был реализован. В парке были выделены зоны: творческого развития и отдыха, чтения, лесной бульвар, спортивная зона и канатный парк, детский парк, кафе «Таверна», туристический комплекс «Старый Город», визит-центр, крытый павильон, гриль-беседки, палаточный лагерь лазертаг-полигон. Здания запроектированы в стиле кантри в каменно-деревянном или деревянном исполнении. Ул. Бараева, проходящая вдоль трехэтажной жилой застройки, превратилась в городской бульвар, наполненный малыми архитектурными формами — деревянными навесами, скамьями, киосками.

Важным звеном городской среды нового Темникова является скульптурный памятник адмиралу Ф. Ф. Ушакову, святому праведному воину, установленный в 2020 г. на ул. Коммунистической лицом на восток южнее дома культуры. Автор монумента московский скульптор Ю. В. Злотя. Пьедестал своими волнами-ступенями напоминает иконные горки, статичная фигура смиренно замерла в молитвенном порыве, напряженное лицо склонено. В правой руке адмирал держит православный шестиконечный крест, в левой треуголку. Парадное одеяние и шпага напоминают о боевых заслугах адмирала. Бронза патинирована в яркий зеленоватый цвет, символизирующий морскую стихию. Близ памятника в 2022 г. была освящена деревянная часовня.

Следующим этапом реконструкции Темникова станет проектирование исторической зоны ул. Коммунистической и примыкающих к ней участков, а также берега реки Мокши в связи с включением Темниковского района в паломническо-туристический кластер^{6, 7}.

В 2019 г. в Нижегородской области начал создаваться паломническо-туристический кластер «Арзамас — Дивеево — Саров»⁸. Особенности Дивеевского кластера «Земля Серафима

Изобр. 5. Памятник адмиралу Ф. Ф. Ушакову в Темникове. Скульптор Ю. В. Злотя. Фото В. Б. Махаева, 2020 г.

Саровского» является единство природы, истории и религии. Духовная история края связана с именами патриархов Никона, Сергия, св. Серафима Саровского, историей монастырей и храмов юго-западной части Нижегородской области. Здесь сохранилось более 40 объектов культурного наследия; показывается также история создания ядерного оружия.

23 января 2021 г. было подписано соглашение между Нижегородской областью и Республикой Мордовия о сотрудничестве в сфере туризма и реализации проектов развития паломническо-туристического кластера. Темниковский район включается в структуру Дивеевского кластера в качестве модуля. В него войдут центр Темникова, Санаксарский монастырь, деревня Алексеевка и Мордовский заповедник.

Преподобный Серафим Саровский — общеправославный святой, великий подвижник Русской Церкви, один из наиболее почитаемых простым народом монахов в ее истории. Святой праведный воин Феофор Ушаков является символом державной истории России. Знаменательно, что два православных святых — общеправославный и державный — прославили эту часть России и нашли здесь свой вечный покой. Кроме общей православной, монастырской истории, микрорегион объединяется

стилистически родственной церковной и гражданской архитектурой, а также замечательной природой. Таким образом, для Мордовии Темников становится драйвером туризма, и если в других муниципальных районах республики акцентируется мордовская культура, то в Темниковском районе приоритетной является русская культура.

Объекты кластера имеют хорошую транспортную доступность: между Саранском и Темниковом 159 км, от Нижнего Новгорода до Арзамаса 112 км, от Арзамаса до Дивеево 57 км, от Дивеево до Сарова 12 км, между Саровом и Темниковом 45 км. Предлагаемый проект предусматривает строительство автомобильной дороги Старый Город — Вещерка протяженностью 21 км, за счет которой расстояние между Санаксарским и Дивеевским монастырями сократится со 130 до 60 км.

В Темникове проектом предусматриваются: создание современного мультимедийного музейно-просветительского комплекса «Ушаков центр»; реконструкция комплекса исторических зданий; восстановление утраченного собора; создание пешеходной исторической зоны по ул. Коммунистической с соборной площадью; благоустройство центральных общест-

венных пространств; реконструкция краевого музея им. Ф. Ф. Ушакова. Проектом предусмотрено продолжение реставрации Рождество-Богородичного Санаксарского монастыря. В Алексеевке планируется восстановить дом адмирала Ф. Ф. Ушакова для создания в нем музея. В Мордовском заповеднике им. П. Г. Смиловича планируется дальнейшее развитие инфраструктуры экотуризма, семейного отдыха, экологического просвещения.

В настоящее время разработаны концепция Темниковского модуля и основа мастер-плана: пространственно-коммуникационная структура; классификация объектов туристической инфраструктуры с учетом запросов целевых аудиторий, структуры туристского потока по сезонам; подбор экологических решений и экологических технологий⁹. Выполнена концепция архитектурно-планировочных решений и принципиальных решений дизайн-кода территории в соответствии с историко-архитектурными и ландшафтными особенностями туристического модуля. Также разработана модель функционирования территории, включая технико-экономические показатели ее развития и социально-экономический эффект реализации проекта.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Махаев В. Б. Уездный стиль. — Саранск: Издатель Константин Шапкарин, 2014. — С. 118–144.
2. Беляков А. В. Темников XV–XVII вв. — город с особым статусом // Вызовы времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV–XVII в. — Калуга, 2019. — С. 423–430.
3. Махаев В. Б. Градостроительная эволюция г. Темникова // Региональная архитектура и строительство. — 2018. — № 3. — С. 205–213.
4. Махаев В. Б. Православные храмы уездного города Темникова в XVIII–XIX вв. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. — 2018. — № 1. — С. 7–20.
5. Махаев В. Б. Город Темников: градостроительная эволюция, архитектура, система историко-культурных памятников // Актуальные вопросы архитектуры и строительства. — Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, — 2014. — Вып. 13. — С. 123–143.
6. Кицис В. М., Неяскина А. В. Формирование паломническо-туристического кластера «Саранск — Темников — Санаксарь» // География и туризм. — 2021. — № 2. — С. 42–46.
7. Силаева Т. Б., Ямашкин С. А., Зарубин О. А., Мучкаева Н. С., Лямзина И. С. Структура геосистем туристического кластера «Санаксарь — Темников» // Московский экономический журнал. — 2021. — № 7.
8. Стратегический план развития паломническо-туристического кластера Арзамас — Дивеево — Саров / Фонд ДОМ.РФ. — М., 2019. — С. 220.
9. Материалы мастер-плана Темникова / Фонд ДОМ.РФ.

Научный комитет по наследию промышленной архитектуры и инженерному искусству, НК ИКОМОС, Россия: опыт «первой пятилетки» и планы на будущее

Штиглиц М. С., Морозова О. А., Орлова О. Ю.

Аннотация: В статье отражена деятельность Научного комитета по наследию промышленной архитектуры и инженерного искусства на протяжении пяти лет с момента основания, приводятся примеры реализованных проектов, рассматриваются ключевые проблемы и методы решения, намечаются дальнейшие задачи в сфере сохранения индустриального наследия России.

Ключевые слова: промышленная архитектура, инженерное искусство, ЮНЕСКО, всемирное культурное наследие, сохранение, реконструкция, приспособление для современного использования, ИКОМОС, Санкт-Петербург

Наследие промышленных предприятий играет ключевую роль в формировании культурного облика городов и регионов нашей страны. Оно является живым свидетельством индустриального прошлого, демонстрирует успехи инженерии и технологии прошлых эпох и вдохновляет новые поколения творчески переосмысливать промышленное пространство. Сохранение промышленной архитектуры позволяет сохранить уникальные архитектурные формы, создать комфортные общественные пространства и вдохнуть новую жизнь в бывшие промышленные зоны, превращая их в центры притяжения творчества, культуры и бизнеса. Начало XXI столетия отмечено существенными сдвигами в сфере охраны индустриального наследия. Сейчас речь идет не только о статусе, но и о выборе возможных направлений и способах сохранения и включения в новую среду.

Научный комитет как член международного экспертного сообщества ИКОМОС, Россия является профильным объединением, куда входят архитекторы, культурологи, инженеры, реставраторы из разных регионов Российской Федерации. В настоящее время комитет включает более двух десятков специалистов из крупных промышленных центров — Санкт-Петербурга, Москвы, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода и Ярославля.

Решение о создании Научного комитета было принято и утверждено протоколом от 13 марта 2020 г. на организационном (установочном) совещании.

Первое заседание членов Научного комитета, на котором был сформирован начальный состав и избрано бюро, состоялось 3 февраля 2021 г. на территории преобразованного промышленного пространства «Севкабель Порт» — в самой старой промышленной части Петербурга — на Васильевском острове в Чекушах.

Этому событию предшествовал подготовительный период, в течение которого члены НК ИКОМОС, вовлеченные в сферу охраны индустриального наследия, неформально объединились и работали на разных участках уже с 2016 г., то есть с самого начального этапа существования НК ИКОМОС, Россия.

Собрались люди, понимающие ценность сохранения и развития важной области национального достояния, большая часть которого находится в зоне риска. Остро ощущалась необходимость не только изучения памятников индустриальной истории, но и разработки методики их сохранения, приспособления и включения в новый контекст.

Изобр. 1. Осмотр построек комплекса Адмиралтейского судостроительного завода. 2023 г.

Приложенные усилия получили заслуженное признание — присуждение Санкт-Петербургу в 2019 г. международной премии Организации городов всемирного наследия Жана-Поля Л'Алье за проекты приспособления для современного использования объектов промышленной архитектуры «Севкабель Порт», «Новая Голландия», Планетарий № 1. Разноплановый с точки зрения функций, но одновременно бережный подход к реставрации и реконструкции был высоко оценен международными экспертами,

Штиглиц М. С., Морозова О. А., Орлова О. Ю.
Научный комитет по наследию промышленной архитектуры и инженерному искусству, НК ИКОМОС, Россия:
опыт «первой пятилетки» и планы на будущее

а памятный знак победителя можно увидеть, прогуливаясь по территории указанных объектов.

Таким образом, определилось место базирования Научного комитета, и сейчас, спустя пять лет, сложно представить иное: ведь именно в Санкт-Петербурге можно встретить огромное разнообразие исторических производств, обрамленных в разные уникальные архитектурные и инженерные формы от классических красно-кирпичных объектов до ярких образцов конструктивизма.

Промышленное наследие Северной столицы — неотъемлемая часть объекта всемирного наследия «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников».

Способствовать изменению отношения к промышленному наследию, содействовать сохранению и современному использованию исторической промышленной архитектуры и инженерного искусства на основе единых методических рекомендаций, воспитывать уважение и пробуждать интерес у молодого поколения — главные цели Научного комитета.

Члены комитета расширяют изучение памятников промышленного и инженерного искусства по всей России, привлекают международный опыт, осуществляют профессиональные выезды на объекты в целях определения их состояния, рассматривают и обсуждают проекты по консервации, реставрации и приспособлению под современное использование.

Научный комитет в своей работе руководствуется принципами открытости и всестороннего участия, таким образом, вокруг него сложилось неравнодушное сообщество ассоциированных членов, которыми стали собственники объектов промышленной архитектуры и профессионалы, реализующие успешные концепции создания новых пространств в исторических комплексах. За прошедшие годы рассмотрено более 20 проектов приспособления под современное использование, осуществлено более 30 выездов на промышленные и инженерные объекты, по итогам которых вынесены рекомендации и оценки, позволившие достигнуть оптимальных решений, сохранив ценные индивидуальные особенности памятников.

Так, многие владельцы в результате обсуждения приняли к сведению рекомендации экспертов, меняли решение в пользу более бережного сохранения предмета охраны и музеефикации наиболее значимых пространств.

Одними из самых интересных и масштабных примеров современного использования стали

объекты культурного наследия: «Комплекс построек фабрики "Красное знамя" (главный трикотажный цех, красильный цех, отбельный цех, чулочно-красильный цех)», «Канатный цех с водонапорной башней завода "Красный гвоздильщик"», «Левашовский хлебозавод», «Казенный винный склад Министерства финансов».

В отношении фабрики «Красное знамя» пришлось пройти сложный путь комплексной реконструкции с целью вдохнуть жизнь в столь уникальный объект и сохранить его доминирующую роль в среде. Научный комитет неоднократно рассматривал проекты по его приспособлению и различные сценарии функционального насыщения, при этом рекомендовал максимально сохранять параметры пространств и предусматривать возможность посещения отдельных сохранившихся помещений для неограниченного круга лиц.

Канатный цех с широко известной высотной доминантой — башней Чернихова — стал еще одним примером аккуратной реставрации, раскрывающей ценные особенности объекта.

Интереснейшие объекты рассматривались и за пределами Санкт-Петербурга, например, члены комитета совершили выезд на объект культурного наследия регионального значения «Общественная баня» (г. Тюмень). Доклад о приспособлении данного сооружения был представлен на круглом столе в рамках популярности деятельности Научного комитета на всероссийском фестивале «Архнаследие» и обсужден широким кругом специалистов по всей России, приглашенных к дискуссии. Научный комитет неоднократно участвовал в выездных заседаниях по вопросу развития территории «Уралмаш» в городе Екатеринбурге. Специалисты Научного комитета ежегодно принимают участие в работе и являются организаторами профильных дискуссий в рамках регионального фестиваля «Дни архитектурного наследия. Екатеринбург-2025», «Архитектурное наследие» и «ПРОреставрацию» (г. Москва).

Изобр. 2. Посещение экспертами объекта культурного наследия «Общественная баня» в г. Тюмень. 2024 г.

Изобр. 3. Встреча экспертов по промышленной архитектуре в Екатеринбурге

Члены Научного комитета активно сотрудничают с профильными экспертами по промышленной архитектуре. Осенью 2025 года члены комитета, совместно с И. Ю. Крыловой, куратором Экспертного совета по промышленному наследию АУПИК, посетили завод им. Степана Разина, один из наиболее значительных исторических промышленных комплексов Санкт-Петербурга. Пивоваренный завод, основанный в устье Фонтанки в конце XVIII века, является одним из старейших промышленных комплексов в Санкт-Петербурге. К середине XIX века предприятие занимало обширную территорию между Обводным каналом и Рижским проспектом. В конце XX века началось постепенное сокращение объемов производства и приспособление заводских корпусов под различные цели. В настоящее время в границах исторического предприятия сосуществуют различные организации, как общественно-деловые, так и промышленные, в том числе связанные с производством пива. Эксперты осмотрели фасады и интерьеры уникального объекта, а также обсудили решения по консервации и приспособлению отдельных зданий.

Изобр. 4. Дискуссия с членами Научного комитета. Выставка «ПРОреставрацию», Москва. 2025 г.

Одним из направлений деятельности Научного комитета является рассмотрение обращений граждан. Так, на протяжении 2025 г. в адрес комитета неоднократно поступали обращения граждан в связи с планируемым приспособлением для современного использования объекта культурного наследия «Двухъярусный мост» (г. Калининград). Специалисты Научного комитета посчитали необходимым сохранение исторического облика моста — важнейшего элемента исторического ландшафта Калининграда, неразрывно связанного с довоенной историей города Кёнигсберга и послевоенным советским периодом, единственного сохранившегося вертикально-подъемного двухъярусного моста на территории Российской Федерации, а также направили обращение в органы исполнительной власти г. Калининграда.

Сохранение историко-культурного наследия неразрывно связано с формированием сознания горожан о ценности окружающего их наследия. Формирование бережного отношения к памятникам и исторической городской среде возможно через планомерную деятельность по популяризации историко-культурного наследия среди детей и молодежи.

В 2025 г. Научный комитет принял участие:

— в XXXIV Международном смотре-конкурсе лучших выпускных квалификационных работ по архитектуре, дизайну и искусству в Магнитогорске, которые посвящены объектам промышленного наследия;

— во Всероссийском турнире для школьников «Инженерное наследие» (организовал для его победителей посещение одного из уникальных предприятий Санкт-Петербурга — ТЭЦ-1 на Обводном канале);

Изобр. 5. Заседание членов Научного комитета на территории ТЭЦ, Санкт-Петербург. 2025 г.

— в проведении лекций для школьников и студентов в рамках культурно-просветительских проектов Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга («Урок наследия» и лекторий).

Изобр. 6. Члены Научного комитета в городе Светогорск. 2025 г.

В дальнейшем Научный комитет ставит перед собой целый ряд задач разного плана.

Академические задачи — дальнейшее изучение и постановка под охрану объектов промышленного наследия, проведение семинаров и круглых столов; формирование единой инфор-

мационной базы исторических производств по регионам и информационного портала с интерактивной картой объектов промышленного наследия России; сбор актуальной информации по действующим или законсервированным экспозициям (включая ведомственные музеи) на территориях Москвы, Санкт-Петербурга, Урала и других городов России.

Практические задачи — участие в разработке и реализации проектов реставрации, реконструкции и приспособления памятников промышленной архитектуры и инженерного искусства; создании экспозиций на исторических производствах и временных межмузейных тематических выставок по инженерному и архитектурному наследию.

Методические задачи — выработка рекомендаций по корректировке регламентов и предмета охраны, учитывающих специфику промышленных памятников.

Просветительские задачи — популяризации промышленного наследия и формирования исторического самосознания у широкой общественности, и особенно у молодежи.

Новости о деятельности Научного комитета доступны на официальном сайте Санкт-Петербургского отделения ИКОМОС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция об охране всемирного природного и культурного наследия 1972 года/Официальный сайт Организации объединенных наций.
2. Рекомендации по сохранению исторических ландшафтов, ЮНЕСКО. 2011.
3. Официальный сайт Центра всемирного наследия ЮНЕСКО.
4. Официальный сайт Санкт-Петербургского отделения ИКОМОС.

О разграничении процедур внесения изменений в проектную документацию и авторском надзоре

Половцев И. Н.

Введение. Ответственность проектировщика за качество проекта

Многими участниками инвестиционно-строительного процесса (как заказчиками, так и самими проектировщиками) авторский надзор рассматривается как способ исправления недостатков проектной документации, ее доработки и корректировки по пожеланиям заказчика.

При этом справедливо отмечается, что законодательно определенный лимит затрат на проведение авторского надзора в размере 0,2% от стоимости строительства, предусмотренный пунктом 173 Методики определения сметной стоимости строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства, работ по сохранению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации на территории Российской Федерации, утвержденной приказом Минстроя России от 4 августа 2020 № 421/пр, весьма скромна для решения данных задач.

Подобное отношение к авторскому надзору полностью соответствует сложившейся практике и, к нашему сожалению, свидетельствует о недопонимании участниками инвестиционно-строительного процесса роли и места авторского надзора в этом процессе.

Заказчик (застройщик, технический заказчик), привлекая для разработки проектной документации специализированное лицо, профессионально занимающееся разработкой проектной документации, предполагает получить качественный результат работ (проектную документацию), не требующий каких-либо корректировок и доработок. Иное понимание предполагало бы заказ заведомо некачественно выполненной работы.

Возможные ошибки и недочеты, допущенные проектировщиком в разработанной им документации, должны устраняться на стадии проведения экспертизы проектной документации, проводимой независимой организацией и работающими в ней экспертами, аттестованными Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства по результатам профессионального экзамена на право проведения экспертизы по конкретным разделам проек-

тной документации. В общем случае предполагается, что проектная документация, разработанная профессиональной проектной организацией и проверенная экспертной организацией, не должна иметь ошибок и должна позволять осуществить строительство (реконструкцию, ремонт) здания или сооружения безопасно для пользователя и окружающих.

Гражданский кодекс Российской Федерации в своей статье 761 закрепляет ответственность проектировщика за правильность принятых им проектных решений как для этапа строительства, так и для этапа эксплуатации соответствующего объекта. Выявленные ошибки и недочеты проектной документации, в силу указанной статьи, подлежат исправлению автором проекта бесплатно, вне зависимости от осуществления им авторского надзора и оговоренных в договоре гарантийных сроков.

Таким образом, авторский надзор не связан с процессом исправления ошибок и недочетов проектной документации.

Ранее существовала практика выпуска листов авторского надзора — документов, исправляющих или корректирующих проектную документацию. Однако в настоящее время действующее законодательство также не предполагает возможность оформления проектировщиком подобных документов.

Ныне процесс внесения изменений (в том числе исправления ошибок или внесения корректив) в проектную документацию описан в частях 3.8 и 3.9 статьи 49 Градостроительного кодекса РФ^{1, 2, 3}.

Авторский надзор — процедура защиты авторских прав

Основной задачей авторского надзора является реализация автором проекта своих прав на результат своего творчества⁴, поскольку в силу пункта 1 статьи 1259 части IV Гражданского кодекса произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства, выполненные в том числе в виде проектов, чертежей, изображений и макетов, являются объектами авторских прав.

Статья 1266 части IV Гражданского кодекса закрепляет право на неприкосновенность произ-

ведения и защиту его от искажений. Она предполагает, что без согласия автора внесение в его произведение изменений, сокращений и дополнений не допускается. Применительно к проектной документации ее искажением будет являться любое отступление от принятого проектировщиком решения независимо от того, направлено ли это изменение на улучшение проектного решения или на его ухудшение.

В целях реализации права автора на неприкосновенность его произведения пункт 2 статьи 1294 части IV Гражданского кодекса явно предусматривает право автора произведения архитектуры, градостроительства или садово-паркового искусства на осуществление авторского контроля. Это право распространяется на контроль за разработкой документации для строительства (то есть за созданием рабочей документации) и право авторского надзора за строительством здания или сооружения.

Этот же пункт статьи 1294 ГК РФ прямо уполномочивает федеральный орган исполнительной власти по архитектуре и градостроительству на установление порядка осуществления авторского контроля и авторского надзора. В силу этого указания федерального закона своды правил по авторскому надзору, утверждаемые ныне Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства, имеют обязательную силу и не требуют подтверждения Правительством России или каким-либо иным органом.

В настоящее время на территории России действует утвержденный Приказом Минстроя России от 09.01.2024 № 5/пр свод правил СП 246.1325800.2023 «Положение об авторском надзоре при строительстве, реконструкции и капитальном ремонте объектов капитального строительства», которое распространяется на ведение авторского надзора при всех видах строительно-монтажных и ремонтно-реставрационных работ.

В Положении указано, что авторский надзор на объектах культурного наследия выполняется с учетом особенностей, установленных ГОСТ Р 56200. Здесь следует отметить спорность данного узаконения, поскольку согласно Федеральному закону «О стандартизации в Российской Федерации» от 29.06.2015 № 162-ФЗ национальные стандарты являются документами добровольного применения. Разработчиками национальных стандартов являются технические комитеты по стандартизации, формируемые из представителей различных коммерческих и некоммерческих организаций. Такие комитеты нельзя отнести к категории органов власти и управления. Соответственно,

эти комитеты не могут формировать общеобязательные нормы и правила. Статья 1294 части IV Гражданского кодекса уполномочила федеральный орган исполнительной власти по архитектуре и градостроительству на установление порядка осуществления авторского контроля и авторского надзора. Возможность этому федеральному органу делегировать свои функции негосударственному коллективному органу Гражданский кодекс не предусматривал.

Отличие научного руководства от авторского надзора

Стоит особо отметить, что национальный стандарт ГОСТ Р 56200–2014 «Научное руководство и авторский надзор при проведении работ по сохранению объектов культурного наследия. Основные положения» пытается регламентировать две схожие, выполняемые одними и теми же лицами, но различные по своей природе деятельности: авторский надзор, который, как нами показано выше, является формой реализации права автора на неприкосновенность произведения, и научное руководство, являющееся формой научно-исследовательской работы, продолжающейся в ходе работ по сохранению объекта культурного наследия.

Поскольку проект является результатом интеллектуальной деятельности автора (авторов), то после его завершения и проверки экспертизой ни одно лицо не может обязать автора внести изменения в законченный проект. Выявленные ошибки проекта, как нами указано выше, исправляются автором в силу требования закона. При этом у автора есть выбор — исправить явные ошибки в ходе работ или дожидаться завершения работ и вместе с исправлением ошибок компенсировать заказчику нанесенный этими ошибками ущерб.

Применительно к объектам культурного наследия большинство изменений проектных решений связано не с ошибками, допущенными при проектировании, а с недостатком исходных данных, не позволившим принять правильное проектное решение. В таком случае необходимость внесения изменений нельзя увязывать с убытками, возникшими по вине проектировщика.

В данном случае имеет место объективная невозможность заказчика предоставить проектировщику исчерпывающие исходные данные, в частности сведения об абсолютно всех работах, проводившихся в здании за весь период его существования, невозможность обеспечить доступ к 100% конструкций для выявления всех дефектов и заложенных ранее проемов, ниш, шахт и отверстий.

Поэтому приходится признать, что разработка проекта приспособления и реставрации объективно связана со сложностью, обусловленной невозможностью предусмотреть все вопросы, возникающие при выполнении работ по сохранению объекта культурного наследия, поскольку на стадии проектирования невозможно получить 100%-ную информацию обо всех особенностях памятника.

Таким образом, в ходе ремонтно-реставрационных работ проектировщиком должна проводиться научно-исследовательская работа, связанная с уточнением особенностей памятника и корректировкой по мере необходимости принятых им ранее проектных решений. Эта работа именуется научным руководством за проведением работ по сохранению объекта культурного наследия.

Финансирование данной работы, полагаем, должно оцениваться отдельно от работы по осуществлению авторского надзора, с использованием той же сметно-нормативной базы, которая используется для оценки стоимости разработки проектных решений.

Проблема изменения проекта приспособления и реставрации

Применительно к объектам культурного наследия правовой проблемой является порядок внесения изменений в ранее утвержденный органом охраны проект.

В отличие от градостроительного законодательства, предусмотревшего в статье 49 Градостроительного кодекса РФ процедуру изменения проектных решений, федеральное законодательство об охране памятников процедуры изменения проектных решений для проектов по сохранению объектов культурного наследия не предусматривает.

Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» предусматривает, что согласованию органом охраны памятников проектной документации, необходимой для проведения работ по сохранению объекта культурного наследия, предшествует проведение государственной историко-культурной экспертизы, которая обосновывает принятие решения органом охраны по согласованию проектной документации. Статья 28 указанного федерального закона устанавливает, что государственная историко-культурная экспертиза проводится аттестованным лицом или лицами в том числе в целях определения соответствия проектной документации на проведение работ

по сохранению объектов культурного наследия требованиям государственной охраны объектов культурного наследия. Таким образом, органы охраны памятников исключены из процесса оценки и не имеют права самостоятельно оценивать проектные решения на соответствие требованиям государственной охраны объектов культурного наследия. Отсутствие права оценки проекта порождает отсутствие прав и на оценку изменений к этому проекту.

В профессиональной среде широко бытует мнение о том, что в ходе проведения работ по сохранению объекта культурного наследия автор проекта может своим решением внести корректировки в проект на основании выявившихся особенностей объекта или вновь обнаруженных исторических сведений. Считается, что профессионализм разработчика проекта достаточен для того, чтобы оценить, повлияет или не повлияет такое изменение на облик памятника и его элементы, подлежащие государственной охране.

Однако следует признать, что проектировщик является заинтересованной стороной и может, заблуждаясь, а при определенных условиях в большей степени руководствоваться интересами заказчика, нежели интересами сохранения объекта культурного наследия.

Именно для устранения возможных объективно или субъективно возникших в ходе проектирования нарушений охраняемых особенностей памятника и была введена процедура государственной историко-культурной экспертизы.

В некоторых случаях считается, что изменение проекта может быть санкционировано органом охраны памятников или созданным им научно-методическим советом. Это мнение опосредовано формирует пункт 6.5.7 ГОСТ Р 56200, согласно которому научный руководитель принимает решение о направлении предложений о необходимости принципиальных изменений проектных решений на рассмотрение соответствующего органа охраны объектов культурного наследия и заказчика. Однако из этого положения не следует наличие у органа охраны памятников или у заказчика права самостоятельно принять решение об изменении проектных решений.

По общему правилу изменение проектных решений приводит к появлению нового (откорректированного) проектного решения.

Отсутствие у органа охраны памятников самостоятельно, без проведения государственной историко-культурной экспертизы

права утверждения проектной документации по сохранению памятника истории и культуры лишает этот орган права утверждать без проведения новой историко-культурной экспертизы изменения к проекту.

Изложенное выше приводит к выводу о необходимости проведения государственной историко-культурной экспертизы на каждое изменение проектного решения в ходе работ по сохранению памятника истории и культуры. Необходимо признать, что проведение новой государственной историко-культурной экспертизы для каждого изменения проекта по сохранению памятника будет существенно затягивать процесс реставрации или приспособления и существенно увеличивать стоимость работ.

Выводы. Предложение по совершенствованию законодательства

Для решения выявленной нами проблемы предлагается дополнить законодательство по сохранению памятников истории и культуры народов Российской Федерации положением, схожим с положением статьи 49 Градостроительного кодекса о порядке внесения изменений и допол-

нений в проект по сохранению памятников. Представляется целесообразным закрепить право внесения изменений в утвержденный органом охраны памятников проект на основании решения главного архитектора проекта, являющегося научным руководителем, с согласованием этого решения одним из экспертов, принимавших участие в проведении государственной историко-культурной экспертизы по проекту в целом.

По аналогии с градостроительным законодательством, когда экспертная организация, проводившая первоначальную экспертизу, может оценить допустимость изменения проектных решений, один из экспертов, проводивших первоначальную историко-культурную экспертизу, то есть лицо, детально знакомое с проектом, полагаем, с независимых позиций способно и правомочно оценить допустимость предлагаемых изменений.

Предлагаемое решение позволяет, по нашему мнению, систематизировать порядок внесения изменений в проектные решения по сохранению объектов культурного наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Половцев И. Н. О замене авторских листов процедурой проектного сопровождения / И. Н. Половцев // Юрисконсульт в строительстве. — 2020. — № 5. — С. 19–23.
2. Тищенко В. Н. Экспертное сопровождение: застройщики Екатеринбурга выбирают новый формат работы с госэкспертизой / В. Н. Тищенко // Вестник государственной экспертизы. — 2020. — № 2(15). — С. 70–75.
3. Ермилов Е. Г. Проблема регламентирования законодательством процесса внесения изменений в проектную документацию для строительства / Е. Г. Ермилов // Вестник Академии права и управления. — 2023. — № 3 (73). — С. 41–44.
4. Белецкий Д. А. Авторский надзор: личное неимущественное или иное право автора? / Д. А. Белецкий // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. — 2024. — № 9. — С. 69–73.

Сохранить или снести?

Лосин Д. О.

Как вы считаете, что лучше: сохранить уникальный жилой дом или снести «старую рухлядь», чтобы построить новый, современный дом, отвечающий актуальным требованиям?

Изобр. 1. Передвижка доходного дома И. С. Кузнецова, ныне Саввинского подворья

Одна из главных улиц столицы — Тверская. Она во многом сохранила дух и архитектуру дореволюционного города. Да, не все дома и строения дожили до нашего времени, но те, что сегодня величественно располагаются на одной из главных артерий города, могут рассказать удивительные истории своей жизни.

Изобр. 2. Передвижка доходного дома И. С. Кузнецова, ныне Саввинского подворья

Например, здание, которое когда-то стояло прямо по красной линии Тверской улицы, а сегодня прячется во дворах. Дом-терем, дом-жемчужина псевдорусского стиля в архитектуре Москвы — объект культурного наследия федерального значения «Саввинское подворье, 1907 г., арх. И. С. Кузнецов», расположенный по адресу: Тверская улица, дом 6, строение 6.

Почему же здание оказалось во дворах? По генеральному плану реконструкции Москвы горячие головы определили подворье под снос. Однако жильцы не захотели мириться с этой участью. Осенью 1937 г. они обратились в Моссовет за поддержкой, и власти пошли им навстречу.

Единственной альтернативой сносу стала передвижка здания — к тому времени эта технология уже была отработана. Загвоздка заключалась в том, что насколько трудно было

расстаться с памятником псевдорусского стиля, настолько же сложно было его передвигать: вес здания составлял почти 23 тыс. тонн. Это был мировой рекорд. До этого нигде в мире не приходилось иметь дело с такой массой передвигаемого сооружения. Самым тяжелым зданием, перемещенным ранее, считалась телефонная станция в Индианаполисе, передвинутая в 1930 г.; ее вес составлял 11 тыс. тонн. На большее не замахивались даже в Америке — исторической родине подобных инженерных работ.

Изобр. 3. Передвижка доходного дома И. С. Кузнецова, ныне Саввинского подворья

Никита Сергеевич Хрущёв, занимавший в то время пост первого секретаря Московского обкома ВКП (б), лично осмотрел участок на улице Горького, 24 (нынешняя Тверская) и провел в Моссовете встречу с жителями «московского терема». Было поставлено условие: здание должно стоять на новом месте уже в марте — всего пять месяцев на реализацию принципа «догнать и перегнать Америку». Трест по разборке и передвижке зданий имел необходимый опыт и привык справляться с задачами повышенной сложности. Подготовительные работы начались уже на следующий день после утверждения проекта. По просьбе архитектора Аркадия Мордвинова здание решили

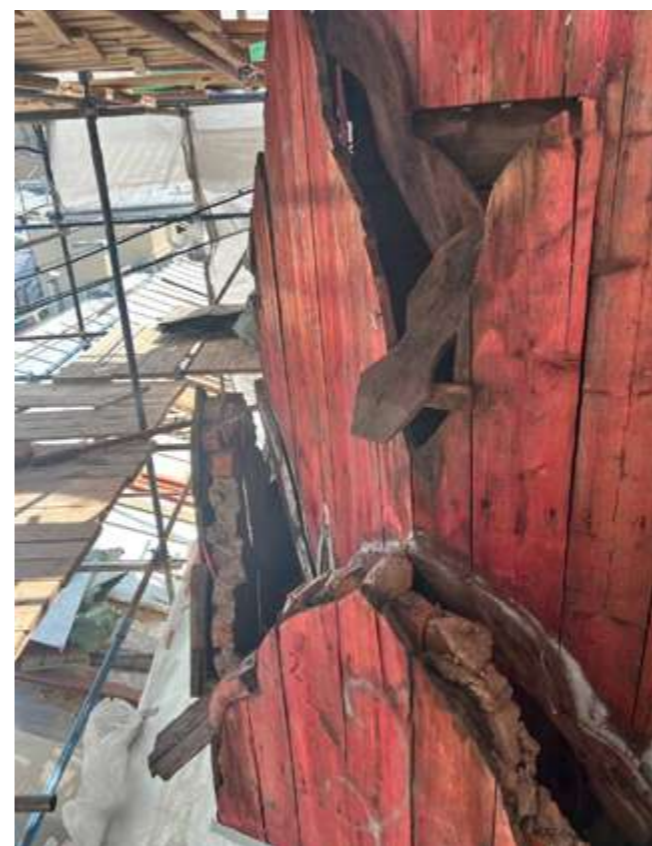
Изобр. 4. Передвижка доходного дома И. С. Кузнецова, ныне Саввинского подворья

передвигать не на первоначально запланированные 35, а на все 50 метров. Согласно плану, сохраненный дом в псевдорусском стиле должен был располагаться во внутриворотовом пространстве.

Изобр. 5. Расширение Тверской улицы

Переезд состоялся 4 марта 1939 г. Дом двигался настолько плавно, что жильцы даже не проснулись. Московский писатель Александр Василькин писал: «<...> многие безмятежно спали, так и не узнав, что перемещаются в московском пространстве вместе со своими кроватями и буфетами. А наиболее нервным гражданам сообщили иную, более позднюю дату переезда. Так что паники не было».

Изобр. 6. Работа по сбору деревянных щитов для облицовки воссоздаваемой под черепицу кровли на угловых башнях

Изобр. 7. Воссоздание блоков Фальконе в исторических проемах подвезда

Саввинское подворье передвинули на 50 метров вглубь квартала всего за одну ночь. Перед ним архитектор Аркадий Мордвинов и инженер Павел Красильников возвели жилой дом в стиле сталинского ампира.

Таким образом, уникальный архитектурный объект был сохранен в первый раз.

Дальнейшая судьба дома оказалась типичной для большинства дореволюционных доходных домов Москвы: в советский период

Изобр. 8. Студенты кафедры реставрации архитектурного факультета РУДН на практическом занятии по специальности

Изобр. 9. Ремонт кровли здания

здесь располагались коммунальные квартиры. В 1990-е гг дом стал многоквартирным, а затем вошел в программу капитального ремонта многоквартирных домов города Москвы на 2015–2045 гг.

С учетом того, что с момента постройки здание ни разу капитально не ремонтировалось и его состояние вызывало серьезные опасения, объект был включен в перечень многоквартирных домов — объектов культурного наследия. Благодаря субсидии города Москвы стало возможным проведение не только капитального ремонта, но и полноценной реставрации тех уникальных элементов, которые определяют его ценность как памятника истории и культуры народов Российской Федерации.

К началу работ здание находилось в плачевном состоянии. Фасады буквально осыпались на головы жителей и случайных туристов, бродивших по дворам Тверской улицы. Крыша, многократно латанная поверх старых заплат, фактически утратила защитную функцию. В подъездах «тропическими лианами» свисали километры слабых, телефонных и давно не работающих кабелей. Ремонт подъездов выполнялся фрагментарно и силами самих жильцов, в соответ-

Изобр. 10. Раскрытие рекламной вывески «Красильня»

Изобр. 11. Раскрытие рекламной вывески «Ц. М. Молчадская»

ствии с их собственными представлениями о допустимом. Так, в первом подъезде было принято решение не сохранять исторический облик: остатки лепнины были сбиты, а интерьер оформлен в условном «лофт-стиле». Жильцы второго подъезда, устав от некачественных ремонтов управляющей компании, уложили собственную напольную плитку на лестничные марши и площадки. Все это впоследствии пришлось исправлять силами специалистов, включая реставраторов подрядной организации, выполнявшей ремонтно-реставрационные работы.

Изобр. 12. Реставрационные работы по лепному декору на главном фасаде

Очевидно, что здание нуждалось в срочном спасении. И реставрация началась.

Специалистами-реставраторами были полностью очищены и подготовлены поверхности для проведения работ. В ходе обследований выяснилось, что более 40% штукатурного слоя и свыше 50% лепного декора фасадов буквально рассыпались в руках. В подъездах сохранилось лишь около 30% лепного декора. Все столярные заполнения оказались выполненными не из дуба, а из хвойных пород и к моменту начала работ практически полностью исчерпали свой ресурс. Было принято решение о полном воссоздании деревянных окон и дверей в местах общего пользования, что и было реализовано. По воссозданным образцам восстановили и латунную фурнитуру.

В процессе расчистки элементов главного фасада под слоями краски были обнаружены рекламные вывески. Одна из них содержала надпись «Ц. М. Молчадская»: Ципа Моисеевна Молчадская владела конторой по торговле радиопринадлестностями. Вторая надпись — «Красильня» — вероятно, указывала на мастерскую по окраске тканей и кожи.

Изобр. 13. Работа по восстановлению утраченной керамической части фриза под венчающим карнизом

Кроме того, выяснилось, что центральная арка главного фасада, выходившего когда-то на Тверскую улицу, не была оштукатурена и окрашена, как считалось многие десятилетия. Под сло-

Изобр. 14. Реставрационные работы по лепному декору на фасадах

ями краски открылось мраморное основание: арка была выполнена из мрамора и украшена мраморными «жемчужинами». Специалисты восполнили многочисленные сколы и утраты с применением специальных реставрационных составов и воссоздали утраченные декоративные элементы.

В подъездах также не обошлось без открытий. Были восстановлены все «зеркала» лепного декора — гипсовые тяги в виде рамок на стенах и лестничных маршах, возвращено первоначальное колористическое решение

Изобр. 15. Реставрационные работы по лепному декору на фасадах

Изобр. 16. Реставрационные работы по лепному декору на фасадах

по результатам расчисток. Кроме того, в советский период были практически утрачены оконные заполнения блоками Фальконье, которые в ходе реставрации были восстановлены.

В результате была проделана колоссальная работа по возвращению Саввинского подворья к его первоначальному облику — пусть и с поправкой на то, что в советский период здание было перемещено во внутриворонное пространство.

Изобр. 17. Реставрационные работы по лепному декору внутри здания

По сути, это стало вторым рождением уникального памятника архитектуры в псевдорусском стиле.

За организацию и контроль проведения работ, в том числе на данном объекте культурного наследия, Фонд капитального ремонта Москвы был награжден дипломом лауреата премии «Московская реставрация — 2025».

Храм Гребневской иконы Божией Матери на Лубянке как объект наследия. История его защиты и разрушения

Пирогов В. Ю.

Советское время значительно переформатировало исторический облик центра Москвы. Большевицкая власть в довоенные годы активно реконструировала старинные кварталы и здания в целях модернизации архитектурной и транспортной составляющей города на новых, как она считала, гуманистических началах. Коренной переделке должны были подвергнуться многие городские районы в пределах Садового кольца. Генеральный план реконструкции Москвы, принятый в 1935 г., узаконил градостроительные решения высшего партийного руководства города.

Изобр. 1. План Москвы М. Мериана. 1638 г. Фрагмент листа с обозначением местоположения храма

Под каток борьбы с «проклятым наследием» феодального или недавнего буржуазного прошлого попадало и множество церковных зданий. Сносились они, как правило, под предлогом улучшения транспортной ситуации, но была и вторая причина — антирелигиозная. Одним из таких уничтоженных храмов стало здание церкви Гребневской иконы Божией Матери на Лубянке, стоявшей в самом начале Мясницкой улицы. Истории этого храма, защиты его от сноса и будет посвящена эта статья.

Существование храма Гребневской иконы Божией Матери берет свое начало с 1472 г., когда Великий князь Иван III построил на северной окраине Кучкова поля церковь Успения. «Повествование об образе» связывает его основание с обетом Ивана III, поставившего церковь после покорения Великого Новгорода в лето 6980, в которой поместил чудотворный образ Успения: «... и по обещанию своему зало-

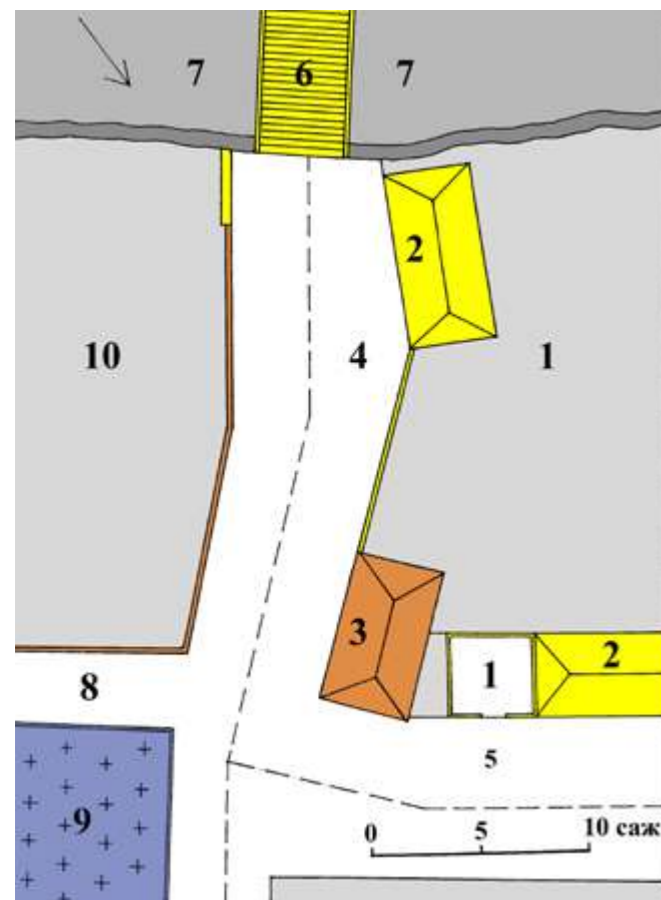
жил церковь Успения Пресвятыя Богородицы на Бору древяну и построя поставил сии образ чудотворный пресвятыя и сим образом чудо сотворися ему супостатов победы»¹.

Линия нынешней Мясницкой улицы была одной из ветвей дорог, шедшей от кремлевского поселения вверх по левому берегу Неглинной в сторону Красного села и села Стромынь. Активное заселение района началось здесь не ранее XV века, когда в непосредственной близости от храма образовалась слобода переселенцев из завоеванного Великого Новгорода. «Улица, как и многие другие, называлась различно — по именам стоявших на ней церквей. Укрепившееся позже название — Мясницкая — восходит, видимо, к поселению мясников у Коровьей площадки с бойнями, занимавшей в XVII веке часть плацдарма рядом с Поганым прудом»².

Изобр. 2. Вид на храм Гребневской иконы Божией Матери в сторону петровских земляных бастионов и Китай-города в 1707 г. Рисунок-реконструкция автора. 2025 г.

Как считают исследователи, с возведения Гребневского храма на еще полуосвоенной северной окраине Москвы за Великим Посадом и Кучковым полем начинается история Мясницкой улицы. Упоминание слова «бор» в топониме названия церкви указывает на полулесистый характер возвышения в междуречье рек Неглинной и Москвы. Известный историк И. М. Снегирёв так описывает это место: «По-видимому, обрывистые вершины Китайгородских холмов некогда покрыты были бором, который найден в Белом городе; но только одно урочище там напоминает нам о существовании вяза, именно: урочище церкви Св. Иоанна Богослова под Вязом, у городской стены.

Изобр. 3. «План церковной земли ц. Гребенские Богородицы, что на Лубянке, в 1-й команде в Белом городе для подачи в Московскую полицмейстерскую канцелярию». Копия с чертежа 1757 г. ОПИ ГИМ, д.942, л. 120.
1 — Церковная земля, на которой желает построить лавку священник Ив. Степанов; 2 — Лавки разных владельцев; 3 — Богадельня; 4 — Ул. Мясницкая; 5 — Ул. Стретенская, которая следует к Никольскому мосту; 6 — Никольский мост; 7 — Ров; 8 — Переулок, следующий на Ильинку; 9 — Часть кладбища ц. Гребенские Богородицы; 10 — Аптека каменная

В восточной части Белого города бор простирался по Лубянке, Мясницкой и Покровке, по Старым Садам в Кулишкам до прибрежья Яузы. Это самое подтверждают урочища: на Бору, или под Сосенками (ц. Гребневская Божией Матери) на Лубянке»³.

Свое общеизвестное название Гребневский храм получил по упомянутому образу Богоматери. «Сюда была поставлена считавшаяся чудотворной икона Богоматери, подаренная великому князю Дмитрию Донскому казаками, жившими между реками Донцом и Калитвою возле Гребневских гор. С тех пор как икона, так и церковь стали называться Гребневской (Гребневской)»⁴. По преданию, этому образу перед походом на непокорный Новгород молился внук Донского — великий князь Иван III и «получил в деле сём скорый и желанный успех».

«В 1534–1535 гг. фрязин <...> Петрок Малый соорудил вокруг Большого посада (нынеш-

него Китай-города) ров и земляной вал, а в 1536–1538 гг. поставил каменные стены с башнями <...>. Перед стенами и рвом был образован плацдарм — свободная от построек площадь, опоясывавшая Китай-город с севера и с востока — от Неглинного проезда до Москвы-реки <...>. По приблизительным вычислениям, этот плацдарм, вместе со рвом, имел на нынешней площади Дзержинского в ширину около 60 саж. (128 м) — от <...> Гребневской церкви до стен Китай-города»⁵.

Царь Иоанн IV Васильевич Грозный соорудил на месте деревянной Гребневской церкви каменную, «доныне в целости пребывающую, а в ограду каменную приказал вделать три государственных герба, изображающие орлов с крыльями, мало расширенными, чего ни одна в Москве церковь не имеет»⁶.

Судя по реставрационным отчетам и обмерам конца XIX — первой четверти XX веков, «изначально это был бесстолпный одноглавый храм с развитым по длине алтарем с тремя апсидами; его четверик был перекрыт крещатым сводом: стены и своды сложены из маломерного кирпича на известковом растворе <...> своды и, возможно, глава были покрыты лотковой чернolощеной черепицей. <...> Размер кирпича (4,5 × 11 × 22 см) характерен для московского строительства 1550–1560-х гг. Это определяет время постройки между эпохой Василия III и бесстолпными храмами Москвы 1560-х гг. — судя по кирпичу, черепице и конструкции свода, каменный храм могли построить в 1540-е — 1550-е гг.»⁷.

Изобр. 4. Вид церкви Гребневской Богоматери и Владимирских (Никольских) ворот Китай-города. Худ. Ф. Я. Алексеев. Акварель. 1800-е гг.

С течением времени храм обзавелся приделами, отмеченными в «Актах исторических», изданных в середине XIX века: «На Бору, под

Сосенками, у Литовского двора ц. Успения Богородицы с приделами: 1) во имя Гребневские Божия Матери, 2) св. Димитрия Селунского, 3) преп. Сергия и 4) св. Иоанна Белоградского. Ныне по приделу она называется Гребневские Божия Матери на Лубянке»⁸.

Изобр. 5. Реконструкция застройки квартала в Мясницкой части города Москвы, где находился храм Гребневской иконы Божией Матери на начало XIX века. Рисунок автора на основе историко-архивных исследований Моспроекта-2. Техническое исполнение — С. П. Петухов. 2025 г.

Над самым большим приделом — полукруглым в плане храмом во имя Дмитрия Солунского в конце XVI века была надстроена шатровая колокольня лаконичных форм, древнейшая такого типа. Из-за этого Гребневский храм получил необычную архитектурно-пространственную композицию.

Изобр. 6. Вид Лубянской площади с храмом Гребневской иконы Божией Матери. Неизвестный художник. Цветная литография первой пол. XIX века

Придел Дмитрия Солунского «известен с 1585 г. и устроен, скорее всего, в честь рождения в 1582 г. царевича Димитрия. Он долго имел не только свой причт, но и отдельный приход»⁹. Придел Иоанна Нового Белоградского освящен

в 1635 г. в честь царевича Ивана Михайловича, сына первого царя из династии Романовых.

В XVII веке с запада к храму была пристроена трапезная. Упрощены формы изначально трифоллийных фасадов. Их завершения срезали горизонтальные карнизы четырехскатного покрытия крыши. Барабан купола получил луковичное завершение. На западном фасаде устроен прямоугольный киот со списком иконы Гребневской Божией Матери.

В итоге всех перестроек и добавлений Гребневский храм во второй половине XVII века представлял собой сложный конгломерат приделов, возникших по разным поводам. Это обогатило его объемную структуру и силуэт, но скрыло изначальные архитектурные формы середины XVI века.

В районе храма с XVI века находилась одна из городских стрельеческих слобод. Ближе к Китай-городской стене в середине XVII века сооружен приходской храм слободы — церковь св. Феодосия Печёрского. «На Малой Лубянке, против Никольских ворот Китай-города, ц. св. Феодосия общих житий начальника упоминается в 1657 г. <...> упразднена и разобрана в 1707 г. по Государеву указу, для Московской крепости, какая

Изобр. 7. План инструментальной топографической съемки города Москвы и ее окрестностей. 1838 г. Фрагмент листа с обозначением местоположения храма

делана была по случаю ожидаемого нападения на Москву Карла XII <...> а земля приписана к ближайшей церкви Гребневская Божией Матери»¹⁰. Все постройки на участке новых фортификационных сооружений были снесены.

Изобр. 8. Общий вид Москвы с высоты птичьего полета с обозначением местоположения храма. Гравюра на стали Моттрама по рис. И. Шарлеманя (фрагмент). Кон. 1860-х гг.

Между Китайгородской стеной и храмом в 1707 г. образовался незастроенный гласис с дерево-земляными бастионами, сооруженными по системе голландского военного инженера Менно ван Кугорна. Напротив церкви располагался многогранный Царевичев бастион, устроенный коштом сына Петра I царевича Алексея Петровича.

К середине XVIII века ров и петровские бастионы за ненадобностью потеряли свою строго геометрическую форму. Срыты они были после наполеоновского нашествия. На чертеже 1757 г., хранящемся в Историческом музее Москвы, показано место пересечения дорог у Гребневского храма. Некогда пустой гласис уже застроен частными домами. Через ров перекинут деревянный Никольский мост, ведущий в Китайгород. На углу проездов виден участок некрополя храма.

На храмовом приходском кладбище захоронивались представители известных родов, в том числе семей Толстых, Щербатовых, Урусовых. При церкви был похоронен думный дьяк, учитель Петра I Н. М. Зотов (1644–1717), автор первой русской арифметики Л. Ф. Магницкий (1669–1739).

Церковный участок в XVIII веке был обнесен кирпичной стеной со входом на двор причта с Мясницкой улицы. Это хорошо видно на акварели Ф. Я. Алексеева начала 1800-х гг. В пер-

вой половине XIX века глухая ограда была заменена на железную кованую, устроенную между каменных столбов. Входные воротные пилоны с арочными калитками были украшены белокаменными рельефными изображениями двуглавых орлов древнего типа.

Этот храм практически никогда не страдал от крупных пожаров. Его обошли стороной такие бедствия, как пожары 1737 и 1812 гг., когда выгорала практически вся Москва.

Изобр. 9. Церковь Гребневской иконы Божией Матери на Лубянке. Фото 1881 г. из альбома «Москва. Соборы, монастыри и церкви». Издание Н. А. Найдёнова. М., 1883 г.

Застройка квартала, угол которого по Мясницкой улице и Лубянской площади закреплял храм Гребневской Богоматери, окончательно сформировался к концу XVIII века. Его неправильный многоугольник ограничивали Мясницкая улица, Лубянский проезд, Большой Златоустовский и Лучников переулки.

Помимо храма Гребневской иконы Божией Матери в квартале стояла еще одна церковь, отстроенная в камне в конце XVII века и известная на этом месте с XV века — Св. Георгия в Старых Лучниках, сохранившаяся до наших дней.

«Наличие в квартале двух храмов определяло большое количество дворов церковно- и священнослужителей, находившихся в нем. Все

они, правда, занимали небольшие участки. Значительная часть территории квартала принадлежала в XVIII веке князьям Куракиным: Александру Борисовичу — обер-штальмейстеру и послу в Париже; затем его сыну — Леонтию Александровичу — президенту Коллегии экономии и Камер-коллегии, а затем его сыновьям: Александру — вице-канцлеру и действительному тайному советнику, и Алексею — соратнику Павла I и министру внутренних дел при Александре I»¹¹. Кроме того, здесь в разное время находились владения дворянских родов — Волынских, Зыбиных, Нелединских-Мелецких, Колычевых, Тюфякиных. В приходе церкви св. Георгия проживал математик Л. Ф. Магницкий.

Изобр. 10. Вид на ворота храма Гребневской иконы Божией Матери со стороны Мясницкой улицы. Фото М. П. Волкова. Нач. XX века

В позднейшее время вплоть до советской власти в квартале проживали и были владельцами домов купеческие фамилии — Кузнецовы, Елисеевы, Стахеевы и другие.

К 1917 г. в квартале сложилась характерная для торговых и доходных домовладений объемно-пространственная структура с высокой плотностью застройки и выстроеными по красной линии улиц 3–4-этажными зданиями, формирующими сплошной фронт фасадов. Но территории храмов сохраняли традиционную планировочную структуру с домиками причта и торговыми лавками.

После октябрьского революционного переворота жизнь в городе круто поменялась. Была отменена частная собственность на землю,

церковь отделена от государства. Купеческие, доходные, конторские и торговые дома национализировались. Такой участи не избежала и застройка квартала, где стоял храм Гребневской иконы Божией Матери.

Новая большевистская власть в силу своей богоборческой политики проводила линию на ликвидацию в обществе священнослужителей как класса и вместе с этим осуществлялось постепенное упразднение церковных приходов и снос храмов.

На приходской жизни Гребневского храма сказывалось и то, что буквально через дорогу от него в зданиях бывшего страхового общества «Россия» находилась ВЧК. Возможно, в силу этих причин храм для служб использовали священники так называемой обновленческой православной церкви, сотрудничающей с советской властью. Так, «с 1918 по 1922 г. настоятелем храма Гребневской Богоматери был деятельный обновленец о. С. В. Калиновский, который в 1923 г. отрекся от сана, стал антирелигиозником и в конце концов умер в безвестности в тридцатых годах. После него обновленцы назначили настоятелем о. Александра Эндека, расстрелянного в 1929 г. за спекуляцию»¹².

В тот период по поручению Моссовета архитектурные мастерские начали разрабатывать различные планы модернизации города и улучшения его транспортной инфраструктуры. Это влекло за собой многочисленные реконструктивные мероприятия и неизбежные сносы.

Одним из первых под каток идей по «социалистической реконструкции» Москвы попадал Гребневский храм. Самые ранние покушения на целостность церкви наблюдаются с 1923 г., когда служба Московского коммунального хозяйства (МКХ) под предлогом расширения проезжей части Лубянской площади решила уничтожить трапезную и приделы древнего здания. «В 1924 г. Москоммунхоз предложил приходу принять меры к изолированию сохранявшейся главной части храма и к «удалению из разбираемой части предметов культа». Приход собирался закрыть арку между храмом и уничтожаемой трапезной оштукатуренным деревянным щитом. Разборка, однако, отложилась»¹³.

Но тогда же стали проводиться исследовательские и реставрационные работы на храме под руководством архитектора Д. П. Сухова, что дало новые сведения об изначальной архитектуре здания.

Новый этап большевистского натиска на московскую старину начался осенью 1926 г. 19 ноября президиум Моссовета принял решение

о согласовании с руководством службы МКХ и Главнаукой Наркомпроса вопроса о сносе Красных ворот, церковью Рождественской в Столешниках и Гребневской на Лубянке. 9 декабря в МКХ состоялось совещание его руководства с представителями Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ), где коммунальщики частично «продавили» свое решение. Не видя выхода из сложившейся ситуации, директор ЦГРМ И. Э. Грабарь «согласился на возможность сноса поздних пристроек — трапезной и колокольни церкви Рождества в Столешниках и части древней трапезной Гребневской церкви. Однако работники МКХ (Кнорре, Корабьин, Рюмин) настаивали на сносе всей трапезной последней церкви»¹⁴.

Несмотря на твердую позицию Наркомпроса и ЦГРМ по отставлению древних памятников, президиум Моссовета дал указание о сломе церквей в целях «разгрузки уличного движения». Это решение было опротестовано лично А. В. Луначарским, его обращением во ВЦИК. В январе 1927 г. Наркомат юстиции принял решение о рассмотрении этого вопроса «высшими органами Республики» и ненадолго приостановил декабрьское решение Моссовета.

Изобр. 11. Вид на храм Гребневской иконы Божией Матери с Лубянской площади. Фото нач. XX века. Фрагмент

Вопрос о сносах архитектурных памятников тогда озаботил многие научные и общественные организации. Против их ликвидации выступили: Государственная Третьяковская галерея, Московское архитектурное общество, комиссия «Старая Москва», религиозная община церкви Гребневской иконы Божией Матери, известные ученые.

Активно высказывался в защиту памятников архитектуры академик архитектуры А. В. Щусев. Разработанный под его руководством на заре советской власти в 1918–1925 гг. план «Новая Москва» гармонично сочетал сохранение старинных построек в городской структуре.

Изобр. 12. План «Новая Москва» А. В. Щусева. 1918–1920-е гг. «Перспективный вид перепланировки центрального района города Москвы» с обозначением местоположения храма

Предложенный архитектором перенос правительственного центра из Кремля в район Ходынского поля позволял разгрузить центральную часть столицы и оставлял в неприкосновенности его ценную историческую среду. Щусев отрицал сносы храмов и считал, что они заслуживают бережного отношения как «памятники былой культуры зодчества».

Изобр. 13. Церковь Гребневской иконы Божией Матери. Реконструкция на конец XVI века. Акв. рисунок архитектора Д. П. Сухова. 1927 г. ГНИМА

В начале 1927 г. на волне кампании по сносу Красных ворот, церковью Рождества в Столешниках и Гребневской, будучи в должности директора Третьяковской галереи, Щусевым было отправлено письмо в Совнарком РСФСР. В нем «он довольно резко высказался против сносов в рамках реализации нового плана города. <...> Зодчий писал: «В Москве, этом древнем и вместе с тем новом центре архитектурной культуры, где каждый лучший памятник и нового, и старого служит народу и его развитию, не должны совершаться события, аналогичные злomu и бесполезному поступку Герострата <...>. Скажу прямо: как Красные ворота, так и Гребневская церковь на Мясницкой <...> не должны быть истреблены вопреки выработанному в проектировочном бюро Моссовета Плану Новой Москвы. <...> В СССР не должно быть архитектурных пасынков, как нет их в других искусствах, если произведения признаются высокохудожественными»¹⁵.

Сохранились письма против разборки Красных ворот и двух упомянутых церковью секретаря АН СССР академика С. Ф. Ольденбурга, секретаря общества «Старая Москва» П. Н. Миллера, академика С. А. Жебелёва.

В обращении комиссии «Старая Москва» есть такие строки: «Комиссия убеждена, что памятники старинной архитектуры в их характерных образцах являются одним из лучших украшений города и создают его индивидуальный облик, сложившийся за время его истории. <...> Гребневская церковь, построенная в XVI веке и совершенно исключительная по ряду деталей, отразивших влияние Новгородской архитектуры и занимающая совершенно особое место среди московских памятников по своеобразной живописной группировке ее частей»¹⁶.

Академик С. Ф. Ольденбург, являющийся по совместительству общественным председателем Центрального бюро краеведения, в своем письме в защиту Гребневского храма справедливо отмечал: «Уничтожение этого драгоценного памятника было бы невознаградивой утратой. При том он занимает такую незначительную площадь, такой, в сущности, небольшой уголок, что его уничтожение нисколько не расширит ни Мясницкой улицы, ни Лубянского проезда, и жертвовать таким памятником искусства, не достигая расширения проездов, было бы совершенно нецелесообразно»¹⁷.

Изобр. 14. Церковь Гребневской иконы Божией Матери. Вид нижней части с юга. Акв. рисунок архитектора Д. П. Сухова. 1920-е гг. ГНИМА

Примечательно в этом плане письмо профессора-инженера В. Н. Образцова в котором он написал: «Нужно во всех этих вопросах рубить не сплеча и не сгоряча по случайным соображениям, а действительно взвешивать <...> кроме фискальных и культурные интересы городского населения»¹⁸.

Но, несмотря на все обращения в защиту памятников, 7 марта 1927 г. ВЦИК рассмот-

рел вопросы «О сносе молитвенных зданий» и «О сносе Красных ворот». Причем если Красные ворота разрешено Моссовету снести полностью, то у Гребневской церкви подлежали сломке все приделы и ограда»¹⁹. Протестные письма людей науки и культуры оказались «гласом вопиющего в пустыне». Большевистские власти уже давно решили для себя вопрос о ликвидации старинных зданий как «мешающих» дорожному движению.

Изобр. 15. Вид на западный фасад храма после сноса трапезной и приделов в момент реставрационного воссоздания портала входа. Фото 1927 г.

В июне — июле службы МКХ сломали приделы и пристройки храма, так что реставраторам не удалось сделать их полноценные обмеры.

После всех сносов 1927 г. все-таки удалось сохранить древнейшую часть Гребневской церкви, частичную реставрацию которой осуществил архитектор Д. П. Сухов. По его проекту восстановлены лопатки, членящие фасады храма по вертикали, и западный портал в первоначальных формах. Воссоздана и отреставрирована кирпичная лестница, ведущая к входу на колокольню над Дмитриевским приделом. Архитектором сделаны прекрасные акварельные виды храма в разные периоды существования. Выполнен чертеж-реконструкция

основного объема храма с трифолийным завершением фасада и другими деталями на период его постройки в середине XVI века.

В «усеченном» виде Гребневская церковь просуществовала еще несколько лет, и в ней продолжали совершать богослужения. Общественность как могла защищала то немногое, что осталось от церкви, пыталась воспитывать уполномоченных коммунального хозяйства и других представителей московской власти. Так, комиссия «Старая Москва» обращала внимание «на крайнюю нежелательность загромождения фасадов открытой от пристроек древней Гребневской церкви ларьками и киосками. Эти киоски не только нарушают вид на замечательный памятник древней архитектуры, но и мешают движению прохожих на этом оживленном месте <...> Этот исключительный памятник <...> должен быть наивыгоднейшим образом использован в облике этой части города, и поэтому загораживание вида на него не должно быть допустимо»²⁰.

Изобр. 16. Вид на храм с Мясницкой улицы. Фото 1933 г.

Нужно отметить, что Лубянская площадь и улица Мясницкая, как одни из основных узловых точек и направлений столицы, всегда были в фокусе внимания советских градостроителей. Так, еще в 1922 г. архитектор В. Ф. Кринский спроектировал на площади свой знаменитый экспериментальный небоскреб ВСНХ напротив Гребневского храма.

Первой советской проектной разработкой по реконструкции города стал упоминавшийся план «Новая Москва». В основу его планировочной подосновы легла традиционная радиально-кольцевая структура города. «Новая Москва» (по крайней мере центральная часть) должна была представлять собой упорядоченную систему городских ансамблей, очищенных от слу-

чайной малоценной застройки»²¹. Согласно плану, в структуре кварталов сохранялись все храмы как ценные исторические реперы городской ткани.

Изобр. 17. Проект устройства станции метро «Лубянка» на Лубянской площади рядом с храмом. Чертеж немецкой фирмы Siemens Bauunion GmbH. Конец 1920-х гг.

В тот период большую роль в реконструктивных мероприятиях в городе взял на себя Москомхоз. Планы реконструкции города были в то время больше рекомендательными, а реальная жизнь диктовала свои условия во многом вопреки охранительным, консервативным установкам. Отсюда идут и многочисленные сносы храмов, мешавших с точки зрения МКХ движению транспорта и новой застройке.

Но серьезной угрозой московскому наследию стал утвержденный 10 июля 1935 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) Генеральный план реконструкции Москвы. В постановлении говорилось, что генпланом отвергаются «проекты сохранения существующего города как законсервированного музейного города старины <...>, при определении плана Москвы необходимо исходить из сохранения основ исторически сложившегося города, но с коренной перепланировкой его путем решительного упорядочения сети городских улиц и площадей»²². Основные положения нового плана стали приговором многочисленным объектам культурного наследия, не вписывавшимся в широкие рамки современных площадей и магистралей.

Проектные разработки положений нового градостроительного документа уже велись с начала 1930-х гг., и Мясницкая улица была одним из приоритетных направлений в плане реконструкции основных радиусов центра. Диаметр, затрагивающий улицу и Лубянскую площадь, проектировался как часть проспекта Дворца Советов. Под каток идей нового генплана попадали многочисленные храмы, зани-

мавшие видное место в сложившейся городской среде, в том числе и Гребневский храм.

Изобр. 18. Фоторазвертка застройки у храма по Лубянскому проезду. Фрагмент. 1933 г.

В полемике с архитектором Щусевым, защищавшего храмы на Мясницкой от надвигающегося сноса, заведующий Московским управлением недвижимого хозяйства Н. Ф. Попов писал: «Мясницкой не нужны ни церкви, ни больницы <...>. Мясницкой нужны витрины, заставленные машинами и залитые светом»²³.

Храмы как носители чуждой идеологии и религиозные оплоты сносились целенаправленно, и городская власть почти открыто поощряла это. Ликвидация храмов, начавшаяся в 1920-е, достигла своего апогея в 1930-е гг.

«Ликвидация не всегда предполагала уничтожение сооружения, но обязательно — ликвидацию некоторых его характерных признаков — снятие креста или уничтожение главы, снятие колоколов, в интерьере — разборку иконостасов. Очень быстро эта кампания почти везде превратилась в практику сноса объектов культовой архитектуры. Музейный отдел Наркомпроса, Центральные научно-реставрационные мастерские (ЦНРМ) <...> пытались отстаивать хотя бы наиболее ценные произведения, отдавая менее значительные. Борьба, отмеченная частными успехами и громадными потерями, продолжалась до 1934 г., когда ЦНРМ были ликвидированы, сопротивление со стороны каких-либо органов охраны наследия практически прекратилось. <...> Небольшие церкви, живописно располагавшиеся в разнохарактерном окружении, легко было квалифицировать как нечто незначительное, мешающее. Одна за другой они постепенно «ликвидировались», а затем многие уничтожались. В пределах Садового кольца было уничтожено более половины храмов <...>. В Китай-городе пропало 40% церквей, в Белом городе — 55»²⁴.

Участь древнего Гребневского храма была предрешена. Катализатором его скорой «ликвидации» стало решение правительства о строительстве метро в Москве.

Здесь, справедливости ради, нужно отметить, что предварительный проект метро создавался при техническом отделе Московских городских железных дорог специальным отделом «Метрополитен» в конце 1920-х гг. и предполагал щадящий по отношению к объектам культурного наследия вариант прохождения подземной дороги. Приоритет в направлении первой линии метро отдавался Мясницкому радиусу от Сокольников до Охотного Ряда. По трассе сохранялись все храмы, в том числе и Гребневский. Схожий, по сути, проект был у проектировщиков немецкой фирмы Siemens Bauunion GmbH, привлеченной властями Москвы к проектированию метро. На одном из их чертежей, изображающем трассу и станцию на Лубянской площади, видно, что Гребневский храм, Китайгородская стена и окружающая застройка полностью сохраняются. Но этим проектам было суждено лечь на архивную полку.

Окончательное решение о сооружении метро принято на июньском пленуме ЦК ВКП (б) 1931 г. По новому плану строительства первой очереди приоритет, как и в вышеуказанных проектах, отдавался трассе Мясницкого радиуса.

«С весны 1932 г. стало ясно, что речь идет не об обычной новостройке, а о пропагандистском проекте высшей важности. Строили ведь не просто метрополитен, а лучшее и красивейшее в мире метро для мировой столицы пролетариата, которую в течение нескольких лет было обещано превратить в самый прекрасный и удобный для проживания город на свете»²⁵.

С мая 1932 г. СНК СССР работы по сооружению метро были включены в число приоритетных государственных строек страны. Защита храмов, попадавших в жернова этого ударного проекта, приравнивалась фактически к контрреволюционной деятельности.

«Тучи над Гребневской церковью начали сгущаться летом 1932 г. В архивах культкомиссии при президиуме Мособлсполкома сохранилась записка-просьба секретаря этой комиссии Чернавской в ЦГРМ. В этом документе, датированном 2 июня 1932 г., она просила дать заключение о возможности сноса двух древних храмов: Владимирской Божией Матери у Никольских ворот и Гребневской церкви. Реставраторы из мастерских и сотрудники сектора науки Наркомпроса высказались против уничтожения этих выдающихся памятников архитектуры XVI–XVII веков. «Тем более что здание Гребневской церкви, — писали они в своем ответе, — стоит отступая от улицы и движению никак не мешает». Но уже был подготовлен проект «О разборке церкви (Гребневской) на углу Мясницкой

Изобр. 19. Стенд с археологическими предметами, обнаруженными бригадой археологов на строительстве первой линии метро на дистанции от Охотного Ряда до Мясницкой улицы. Выставка в зале заседаний ГАИМК на улице Волхонка, 14. Фото 1935 г. Из архива ИА РАН

и Лубянского проезда в связи с необходимостью занятия этого участка под застройку». Трудно сказать, что помешало тогда осуществлению этого проекта, вынесенного на обсуждение председателем Моссовета Н. Булганиным»²⁶.

Но в недрах Архитектурно-планировочного управления Москвы в начале 1933 г. родился план расширения Мясницкой улицы и, как следствие, очередное решение о сносе храма. На территории церкви предполагалось открыть метростроевские шахты № 13 и № 14. Комитет Наркомпроса и ЦГРМ опять выступили в защиту памятника и просили пересмотреть расположение шахт.

Сам храм как молитвенное место уже прекратил свое существование, и его физическая сохранность полностью зависела от решения московских большевистских властей.

«Точку в летописи храма Гребневской иконы Божией Матери поставил Моссовет. 25 марта 1933 г., заслушав ходатайство Метростроя, церковь решили закрыть, а здание передать метрострою для установки компрессоров. <...> И реставраторы, и представители сектора науки Наркомпроса легко смирились с закрытием храма и столь "нетрадиционным" его использованием. Лишь одно условие было поставлено ими: церковь нельзя перестраивать. Но ведь именно интерьер Гребневского храма, древний иконостас и церковная утварь, были столь же ценны, как и его архитектурный облик. Вскоре из закрытого храма вывезли церковное имущество. <...> Куда все это исчезло? На каких утилизационных заводах погибло имущество древнего храма? Ведь музеи Москвы сохранили лишь небольшую часть убранства Гребневской церкви, в том числе многоглавую напрестоль-

ную сень, попавшую в фонды музея-заповедника "Коломенское"»²⁷.

Давление Метростроя на органы защиты памятников возымело свое действие. Технологическую шахту № 14 заложили в начале мая 1933 г. рядом со стенами храма, и там начались земляные работы. Одновременно были организованы и охранные археологические исследования.

Кадры археологов для ударной стройки метро обеспечивал головной научно-исторический институт — ленинградская Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК), возглавляемая академиком Н. Я. Марром. Для более полного изучения археологических объектов и артефактов, обнаруживаемых на строительстве первой трассы метрополитена, Московским отделением ГАИМК создана особая археологическая комиссия по работам на Метрострое, входящая в систему Комитета по новостройкам.

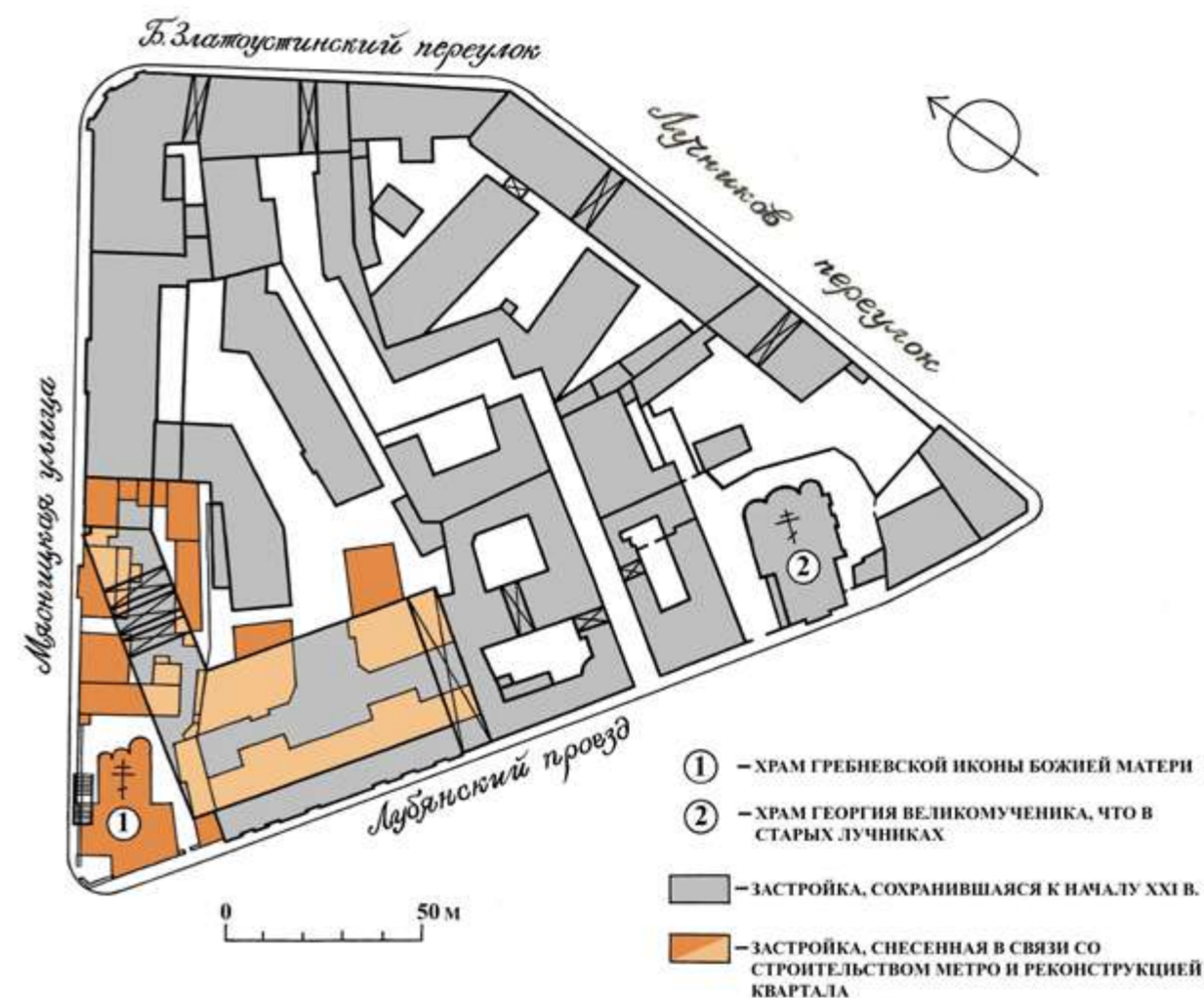

Изобр. 20. Вид на Лубянскую площадь с высоты птичьего полета. В начале Мясницкой улицы обозначено место, где до 1935 г. стоял храм Гребневской иконы Божией Матери. Фото сер. 1990-х гг.

Начальником бригады археологов при комиссии был назначен археолог А. В. Арциховский. Его заместителем и научным секретарем комиссии стала археолог Т. С. Пассек.

Храм Гребневской иконы Божией Матери попал на четвертый участок строительства метро, который шел от Каланчёвской площади до Моховой улицы. Археологическими исследованиями на нем руководил Н. М. Коробков.

В архиве Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге — преемнике ленинградского ГАИМК сохранился краткий отчет этого археолога по наблюдениям на шахтах № 10–23 Мясницкого радиуса за период с 7 октября по 20 декабря 1933 г. Коробков подробно

Изобр. 21. План современной застройки квартала, где располагался снесенный храм. Чертеж автора. 2025 г.

описывает в нем свои работы, находки и еще сохраняющийся храм: «Ввиду отсутствия в Москве подобного рода здания XVI в. (вообще сохранившихся в очень небольшом количестве), памятник представляет крупный научный интерес, как в области истории зодчества, так и истории техники и технологии строительного искусства.

Вокруг церкви располагалось обширное кладбище с надгробными плитами. Ряд плит с резными надписями, вделанными в настоящее время в стены церкви. На некоторых из них имеются обычные эпитафии, другие представляют собой стеновые синодики, относящиеся к XVI–XVII и XVIII веку. Из поздних плит необходимо отметить интересную по стилю и оформлению, а также и по содержанию надгробную плиту первого русского математика Л. И. Магницкого и пышно орнаментированную плиту его жены, урожденной Окуньковой.

При производстве земляных работ на территории площади обнаружено большое количество погребений, располагавшихся рядами

друг над другом. Извлечено несколько плит с надписями, некоторые из них весьма крупного размера. Эпиграфические памятники эти были разбиты на куски и использованы для забутовки»²⁸.

Под полом юго-восточной части церкви, где уже расположилось трансформаторное отделение дистанции метро, обнаружен подпольный коридор, ведущий в сторону Лубянки, который в короткое время был забетонирован.

Во время археологических наблюдений на церковном погосте, проводимых в ритме ударной стройки, найдено много человеческих останков: «Количество извлеченных из земли черепов весьма велико, около 40 их было извлечено из одного шурфа у колокольни. Вообще говоря, они при всех более значительных земляных работах извлекались десятками и отправлялись на свалку. Разрушено большое количество склепов, часто встречавшихся при работах вокруг церкви, в частности у западной ее стены, и местами расположенных один

над другим в два, три этажа. <...> Высокий интерес <...> представляет производство обследования обнаруженных пустот, более детальное изучение фундамента, а также подвала (подклет?) под центральной частью церкви и сохранившихся еще на территории площадки склепов, а также необходимость извлечения некоторых найденных и вновь засыпанных плит требовали производства раскопок, которые не могли быть проведены вследствие недостатка на шахте рабочей силы. Они должны быть обязательно осуществлены в 1-м квартале 1934 года, вместе с выемкой плит из стен церкви, частью испорченных при производстве различных работ и находящихся под угрозой дальнейшей порчи»²⁹.

Как мы видим из строк отчета, прослеживается спешка, с какой велись земляные и строительные работы на шахте у храма. Археолог едва успевал фиксировать то, что ему позволяли темпы строительства.

Н. М. Коробков переживал за судьбу храма, предчувствуя, какая опасность нависла над ним в связи со строительством метро. В своем письме ученому секретарю Комитета по новостройкам ГАИМК Б. А. Латынину осенью 1933 г. он пишет: «При сём препровождается характеристика здания церкви Гребневской Б. М., которую предполагается снести при производстве работ при устройстве подземного вестибюля метро на углу Мясницкой ул. и Лубянской пл.

В настоящее время памятник находится под охраной комитета ВЦИКА и вопрос о его сносе официально еще не выдвигался. Ввиду того, что работа по устройству подземного вестибюля будет вестись закрытым способом, памятник может быть сохранен и в дальнейшем при условии устройства специальных креплений. <...> Приложение: Проект реставрации памятника архитектора Д. П. Сухова»³⁰.

Письмо археолога к руководству академии возымело свое действие. 2 декабря 1933 г. за подписью заместителя председателя ГАИМК Ф. В. Кипарисова и ученого секретаря Комитета по новостройкам Б. А. Латынина начальнику строительства Московского метрополитена П. П. Ротерту было направлено обращение в защиту Гребневского храма: «Приняв на себя согласно договору от 7/Х с. г. работу по изучению, фиксации и охране памятников на строительстве Московского метрополитена, ГАИМК считает необходимым обратить Ваше внимание на вопрос о сохранении одного из весьма ценных архитектурных комплексов Москвы XVI в., — т. н. Гребневской церкви, расположенной на углу Мясницкой ул. и Лубянской пл.

Изобр. 22. Вид на место, где до 1935 г. стоял храм Гребневской иконы Божией Матери. Фото 1998 г.

Примыкая непосредственно к территории шахты № 14 и к месту, намеченному для сооружения подземной станции метро, памятник этот, по полученным академии сведениям, становится под угрозу исчезновения.

При решении этого вопроса необходимо, однако, учесть, что этот памятник в силу ряда архитектурных особенностей и исторических условий своего возникновения, имеет несомненное большое научное и художественное значение и находится под охраной действующего законодательства.

Академия со своей стороны считала бы крайне желательным, если это возможно по техническим соображениям, принять все меры к тому, чтобы почти единственный в своем роде архитектурный комплекс Москвы <...> был сохранен»³¹.

Подобные письма, писавшиеся неравнодушными гражданами в защиту сносимых памятников руководству города, прочитывались и просто клались под сукно. Писавшие их брались на заметку «компетентными органами» как политически неблагонадежные. Через некоторое время, после убийства в Ленинграде 1 декабря 1934 г. С. М. Кирова, подписавшие письмо в защиту храма археологи Кипарисов и Латынин будут репрессированы. Первого — по постановлению коллегии Верховного суда СССР 19 декабря 1936 г. как участника троцкистско-зиновьевской террористической организации приговорят к «высшей мере социальной защиты», а второй будет осужден ОСО при НКВД СССР к ссылке, а затем за «контрреволюционную деятельность» будет этапирован в Колымские лагеря и вернется оттуда инвалидом.

В 1933–1934 гг. в связи с сооружением первой линии метро по пути прохождения ее трассы

состоялись целенаправленные сносы церквей и других сооружений, стоявших в зоне ударного подземного строительства. Это были храмы: Успения на Остоженке, Воскресения Словущего у Зачатьевского монастыря, Сошествия Св. Духа у Пречистенских ворот, Никитского девичьего монастыря на Б. Никитской улице, Св. Троицы в Старых Полях, Флора и Лавра у Мясницких ворот, Св. Тихона Амафунтского у Арбатских ворот, части стены Китай-города и снос, не связанный с метростроевской эпопеей, — ликвидация знаменитой Сухарева башни. Таким образом, в короткий промежуток времени Москва лишилась многих уникальных построек, составлявших неповторимое архитектурно-историческое лицо города.

Беспрецедентные сносы исторических памятников столицы получили международный резонанс. На эти события откликнулся в своей публикации 1936 г. «Разрушающие свою родину» известный русский эмигрант евразиец П. Н. Савицкий. В полных горечи строках он писал: «Разрушения, произведенные в Москве, более других известны широкой публике, и мы не будем останавливаться на каждом из них в отдельности. Чудов и Вознесенский монастыри в Кремле, почти все (к настоящему моменту) церкви Китай-города, Китайгородская стена, почти все здания Симонова монастыря, Красные ворота, Сухарева башня, длинный ряд художественно примечательных церквей, составляют этот печальный список. В нем немало уникальных зданий. Список этот настолько обширен, что к настоящему времени с полным правом можно говорить о происходящей широкой "демонументализации Москвы". <...> Разрушение же предельно ценных (с художественной точки зрения) построек охватило чуть-ли не все ее районы. <...> Зачем эта нелепая, ни с чем не сообраз-

ная концепция: или — или: или сохранение памятников прошлого, или новое строительство. С точки зрения национальных интересов страны единственной правильной постановкой вопроса является концепция — и: и сохранение памятников прошлого, и новое творчество. Будем надеяться, что рано или поздно советская архитектура найдет свой (а не заимствованный у "капиталистического окружения" и не извлеченный из европейского прошлого) стиль. Соседство старинных сооружений будет тогда для нее тем более желательным: она будет измерять на них собственные свои достижения»³².

Весной 1935 г. настал черед и Гребневской церкви. Ее снесли в преддверии открытия первой линии метрополитена, намеченного на 15 мая. После долгой борьбы за существование храма город лишился еще одной материальной частички своей истории.

Новопостроенное метро затмило своим блеском все сносы церквей, как образы уходящей в прошлое природы. Автор передовой статьи в честь открытия метро «Детище социализма» в газете «Вечерняя Москва» патетически писал: «Победа, которая вводит каждого пассажира метро в мир, полный богатства и довольства, в мир творческого расцвета и многообразия, каким является социализм. Пошляки и тупорылые клеветники пытались изобразить социализм однообразной и скучной казармой. Каждая строка в великой летописи наших побед говорит о том, как торжествующе и окрыленно цветут в стране социализма подлинное творчество, подлинное искусство, подлинная красота»³³.

На месте Гребневского храма, простоявшего здесь около четырехсот лет сегодня пустое пространство с вытяжной будкой метро и выходом из подземного перехода.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Баталов А. Л., Беляев Л. А. Сакральное пространство средневековой Москвы. — М., 2010. — С. 167.
2. Памятники архитектуры Москвы. Белый город. — М., 1989. — С. 231.
3. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. Издание А. Мартынова, текст составлен И. М. Снегирёвым. — М., 1863. — Т. 1. — С. 90.
4. Сорокин В. В. Белый город. — М., 2008. — С. 269.
5. Сытин И. В. Застройка по трассе от площади Дзержинского до Красноворотской площади с XIV по XX в. // По трассе первой очереди Московского метрополитена имени Л. М. Кагановича. Архивно-исторические и археологические работы Академии в 1934 г. — Л., 1936. — С. 66.
6. Малиновский А. Ф. Обзорение Москвы. — М., 1992. — С. 170.
7. Баталов А. Л., Беляев Л. А. Указ. соч. — С. 167.
8. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. — С. 23.
9. Сорок сороков. — М., 1994. — Т. 2. — С. 253.
10. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. — С. 62.
11. Историко-архитектурное обследование квартала № 111. Альбом 1. Мастерская 17. Моспроект-2. — М., 1998. — С. 56. (Архив ДКН города Москвы. Ш. 926/98.)
12. Сорок сороков. — Т. 2 — С. 254, 255.
13. Памятники архитектуры в Советском Союзе. Очерки истории архитектурной реставрации. — М., 2004. — С. 154.
14. Козлов В. Ф. Без альтернативы // Памятники Отечества. Альманах ВООПИК. — М., 1989. — С. 147.
15. Оксенюк А. А. Деятельность А. В. Щусева по реставрации и охране памятников архитектуры // Щусев. 150. — М., 2023. — С. 126.
16. Козлов В. Ф. Без альтернативы — С. 149.
17. Указ. соч. — С. 152.
18. Указ. соч. — С. 148.
19. Указ. соч. — С. 148.
20. Вульфина Л., Дудина Т. Москва как место проживания. Дмитрий Петрович Сухов. Архитектор. Реставратор. Художник. — М., 2014. — С. 146–147.
21. Яковлева Г. Н. Три проекта реконструкции Москвы (1918–1925) // Советское градостроительство. 1917–1941. Книга первая. — М., 2017. — С. 276.
22. Щенков А. С. Архитектурно-градостроительное наследие в советском городе довоенного периода // Советское градостроительство. 1917–1941. Книга первая. — М., 2018. — С. 747.
23. Указ. соч. — С. 753, 755.
24. Нойтатц Д. Московское метро. От первых планов до великой стройки сталинизма (1897–1935). — М., 2006. — С. 438–439.
25. Козлов В. Ф. Жертвы Метростроя // Московский журнал. — 1992. — № 3. — С. 27–28.
26. Указ. соч. — С. 28.
27. Архив ИИМК РАН СПб. Ф. 2, оп. 1933, д. 277, с. 24.
28. Архив ИИМК РАН СПб. Ф. 2, оп. 1933, д. 277, лл. 25, 26.
29. Архив ИИМК РАН СПб. Ф. 2, оп. 1933, д. 277, л. 23.
30. Архив ИИМК РАН СПб. Ф. 2, оп. 1933, д. 277, л. 40.
31. Савицкий П. Н. Разрушающие свою родину (Снос памятников искусства и распродажа музеев СССР). Издание евразийцев. — Berlin. — 1936. — С. 18–20.
32. Детище социализма // Вечерняя Москва. 14 мая 1935 г.

Вовлечение местных сообществ к сохранению и популяризации объекта всемирного наследия ЮНЕСКО «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников» на примере культурно-просветительского проекта «Наследие окраин»

Козырева Е. А., Орлова О. Ю., Морозова О. А.

Аннотация: Статья посвящена анализу механизмов вовлечения местных сообществ в процесс сохранения и популяризации объектов всемирного наследия ЮНЕСКО, в том числе на примере объекта всемирного наследия ЮНЕСКО «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников». В статье представлен анализ действующего международного законодательства и принципов по охране наследия. В качестве успешной практики Санкт-Петербурга приведен пример реализации культурно-просветительского проекта «Наследие окраин».

Ключевые слова: всемирное культурное наследие, Санкт-Петербург, вовлечение сообществ, ЮНЕСКО, наследие окраин, популяризация.

«Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников» — первый российский объект (далее — Объект), включенный в Список всемирного наследия ЮНЕСКО в 1990 г. В 2025 г. он отметил свое 35-летие. Отличительной особенностью Объекта является его протяженная территория (расположение в двух субъектах Российской Федерации — Санкт-Петербурге и Ленинградской области) и многокомпонентный состав: 36 компонентов и 86 элементов. Данная территориальная и составная специфика объекта усложняет его целостное восприятие среди горожан, а также требует индивидуализированного подхода с точки зрения сохранения, управления и популяризации.

Исторический центр Санкт-Петербурга (компонент № 540–001) — главный компонент Объекта. Многие жители, как молодежь, так и представители старшего поколения, считают, что из-за высокой концентрации объектов культурного наследия именно исторический центр является объектом всемирного наследия ЮНЕСКО. Это ошибочное представление особенно распространено среди туристов, приезжающих в Санкт-Петербург. Территории, обладающие исторической и культурной ценностью, гораздо шире, чем центр города, и разнообразнее по характеру застройки. В массовом созна-

нии по-прежнему доминирует образ памятника архитектуры как дворцово-паркового ансамбля или доходного дома, однако наше наследие значительно многограннее: оно включает памятники промышленной архитектуры, набережные, фортификационные сооружения, объекты ландшафтной архитектуры и иные объекты, несущие ценность не только с точки зрения визуального облика, но и исторического содержания.

Изобр. 1. Открытие проекта «Наследие окраин» в поселке Комарово

В международной практике, закрепленной ЮНЕСКО, очевидно, что устойчивое сохранение наследия невозможно без активного участия тех, кто живет рядом с ним. Международное сообщество постепенно переходит от модели «охранного администрирования» к модели «совместного управления» (participatory governance), при которой местные сообщества становятся равноправными участниками процесса сохранения и исследования наследия.

Современная практика охраны культурного и природного наследия показывает: без участия местных сообществ невозможно обеспечить подлинную устойчивость объектов всемирного наследия. Центр всемирного наследия ЮНЕСКО и Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС) подчеркивают, что вовлечение жителей, коренных народов и локальных сообществ — не только этическая обязанность,

но и практическая необходимость. Такое участие укрепляет социальную устойчивость, способствует сохранению традиционных знаний и ремесел, передаче нематериальных ценностей, формирующих идентичность территории.

Изобр. 2. Открытие проекта «Наследие окраин» в поселке Комарово Курортного района Санкт-Петербурга

Согласно статье 12 Руководства по выполнению Конвенции по охране Всемирного культурного и природного наследия 1972 г., государства-участники призваны обеспечивать вовлечение широкого круга участников, включая местные сообщества, в работу по сохранению объектов всемирного наследия. Вовлечение населения — неотъемлемая часть стратегии устойчивого управления наследием.

За последние пять лет в библиотеке Центра Всемирного наследия ЮНЕСКО появляется все больше публикаций, брошюр и постеров, посвященных важности участия жителей и общественных организаций в управлении наследием.

Под работой с местными сообществами Центр Всемирного наследия ЮНЕСКО подразумевает взаимодействие с образовательными, культурными и гражданскими институтами, проведение обучающих мероприятий, привлечение ресурсов и инвестиций, создание возможностей для «соучастия» в управлении объектами ЮНЕСКО.

В последние годы международные документы Центра Всемирного наследия ЮНЕСКО и ИКОМОС — от оперативных руководств по выполнению конвенции до сборников World Heritage Papers — настойчиво продвигают принципы «совместного управления». В них подчеркивается, что диалог между органами охраны, экспертами и жителями должен быть не формальным, а подлинным, что особенно важно для поддержания живого характера наследия и укрепления доверия между структурами и населением.

Популяризация знаний о всемирном наследии — еще один ключевой элемент сотрудничества. Через образовательные программы, инициативы устойчивого туризма и цифровые платформы ЮНЕСКО и ИКОМОС формируют новую культуру осознания ценности наследия как общего достояния человечества. Это способствует вовлечению молодежи и стимулирует участие всех граждан в сохранении культурных и природных сокровищ.

Во исполнение принципов ЮНЕСКО о включенности населения в процесс управления объектом в 2021 г. по инициативе КГИОП был создан культурно-просветительский проект «Наследие окраин». Его основная цель — побудить жителей города, особенно молодежь, изучать наследие своих районов, отражающих многообразие культуры и истории Санкт-Петербурга.

К 2025 г. проект охватил восемь районов города и привлек более 15 тыс. участников. Один сезон проекта длится около полугода. В сентябре 2025 г. он завершается в Курортном районе, а в октябре стартует в Калининском районе Санкт-Петербурга. Каждый район обладает уникальными памятниками, хранит воспоминания жителей и особенности культурной среды.

Главным событием каждого сезона становится торжественное открытие. В 2025 г. оно состоялось в Курортном районе в середине мая, что позволило провести концерт и выставку под открытым небом и собрать множество жителей и гостей поселка Комарово.

Изобр. 3. Открытие выставки в поселке Комарово

Партнерами КГИОП являются районные администрации, централизованные библиотечные системы, краеведческие сообщества и учреждения культуры и образования: СПб ГБУ «Культурный центр "Троицкий"», Центр культуры и досуга «Кировец», Детский музейный центр исторического воспитания (Болотная, 13) Музея политической истории России, музей-диорама «Невская битва», музей истории Ижорских

заводов, Краеведческий музей г. Ломоносова, музеи «Невская застава», «Нарвские Триумфальные ворота», «Оранэла», музей истории науки и техники ОАО «Кировский завод», музей «Анна Ахматова. Серебряный век» и другие.

Изобр. 4. Выставка в поселке Солнечное Курортного района Санкт-Петербурга

В рамках проекта проводится изучение архива КГИОП для создания уникальной экспозиции — фотовыставки «Из архивного собрания КГИОП». Она включает фотографии объектов культурного наследия районов и исторической среды, ранее не публиковавшиеся. Выставка помогает вспомнить утраченные места и осмыслить историю районов. Она имеет передвижной характер и экспонируется в библиотеках и выставочных центрах, продолжая путешествовать по районам даже после завершения сезона.

Каждый сезон проекта включает более 50 открытых мероприятий: пешеходные прогулки, экскурсии, квесты, лекции и субботники. Программа охватывает разные возрастные катего-

рии — детей, семьи, молодежь и граждан «серебряного возраста». Активное участие последней группы особенно ценно: оно помогает наполнить проект живыми историями и укрепить связи между поколениями.

Знаковые события проекта широко освещаются в СМИ. За пять лет опубликованы десятки новостей, среди которых: «В проекте "Наследие окраин" прошла экскурсия по территории Ижорских заводов в Колпино» и «Если ты гордишься своим районом и его историей, то иначе относишься к сохранению его памятников: пятый этап проекта "Наследие окраин" стартовал в Кировском районе».

Изобр. 5. Выставка из архивного собрания КГИОП в Зеленогорске

В 2024 г. были собраны материалы всех выставок по пяти районам и издан специальный выпуск журнала «Зодчий». Для многих жителей окраинных районов проект стал значимым событием, позволившим открыть уникальные памятники рядом с домом и приобщиться к культурному наследию города.

Таким образом, через популяризацию локальных объектов наследия, входящих в состав объекта всемирного наследия ЮНЕСКО «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников», формируются прочные связи между жителями и их культурным окружением, что способствует устойчивому сохранению всего Объекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция об охране всемирного природного и культурного наследия 1972 года / Официальный сайт Организации объединенных наций.
2. Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного природного и культурного наследия 1972 года / Официальный сайт Организации объединенных наций.
3. Рекомендации по сохранению исторических ландшафтов, ЮНЕСКО, 2011 год / Официальный сайт Организации объединенных наций.
4. Официальный сайт Организации объединенных наций.
5. Официальный сайт КГИОП (раздел «Санкт-Петербург и всемирное наследие»).
6. Официальный сайт Центра всемирного наследия ЮНЕСКО
7. ICOMOS. Heritage and Community Involvement: Principles and Practice. — ICOMOS Discussion Paper, 2021.
8. UNESCO World Heritage Papers No. 40. Community Involvement in the Management of World Heritage Properties. — Paris: UNESCO, 2015.
9. Heritage: Capacity-Building Programmes and Case Studies. — Rome: ICCROM, 2019.
10. ICOMOS. Our Common Dignity: Rights-Based Approaches in World Heritage Management. — ICOMOS Norway, 2017.

Гиперболоиды В. Г. Шухова в аспекте сохранения всемирного наследия

Шумилкин А. С., Грачёва Е. Е.

Одна из актуальных тем современной проблематики наследия связана с выявлением и закреплением в мировом поле разработок русского инженера Владимира Григорьевича Шухова (1853–1939). Пространственные конструкции системы Шухова внесли революционный импульс в развитие архитектуры на рубеже XIX–XX веков. Профессор Райнер Грефе, директор Института строительной истории и охраны памятников архитектуры (Инсбрук, Австрия), исследователь наследия великого инженера, называет Шухова «гигантом мировой инженерной мысли» и ставит его в один ряд с Гюставом Эйфелем, Фрайем Отто, Бакминстером Фуллером¹.

Изобр. 1. Инженер Владимир Григорьевич Шухов.
Фото 1891 г. Фото из открытых источников.
Интернет-источник <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

Особое место в творчестве В. Г. Шухова заняли высотные башни — сооружения в виде однополостного гиперболоида вращения, ставшие воплощением инженерной мысли в архитектурном образе конструкций. В условиях промышленного роста и формирования связанной с ним новой эстетики в начале XX века сетчатые металли-

ческие башни по патенту Шухова были востребованы для различного типа высотных сооружений. Распространившись по многим городам провинции, они стали узнаваемым элементом промышленного ландшафта России. Шуховский гиперболоид признан международными экспертами одним из высших достижений инженерного искусства и внесен в число архитектурных шедевров русского авангарда.

Факт выдающегося значения памятников инженерного искусства, связанных с именем академика Шухова, включая предложения о внесении в список ЮНЕСКО, неоднократно находил отражение в международных и отечественных инициативах². Между тем, несмотря на всемирное признание, из огромного количества построенных гиперболоидных башен системы В. Г. Шухова (по разнообразным сведениям, в дореволюционный и советский периоды строительной конторой А. В. Бари, где Шухов занимал должность главного инженера, было спроектировано и возведено более 200 сооружений) до настоящего времени уцелела их минимальная подлинная часть. На базе Мюнхенского технического университета в 2007–2013 гг. проводилась самая масштабная на сегодняшний день работа по поиску сохранившихся башен-гиперболоидов на территории бывших советских республик. В опубликованных результатах этого исследования приведены сведения о примерно 30 объектах, включая башни в России, на Украине, в Белоруссии, в Узбекистане, в Туркменистане. Около 30 башен указывались как утраченные, более 90 не имели выявленного статуса сохранности¹.

В настоящее время на основе разных источников можно сделать вывод о том, что на территории РФ сохраняется не более двух десятков объектов этой категории. К знаменитым гиперболоидным конструкциям авторства Шухова относятся многосекционные Шаболовская радиобашня в Москве и опора НигРЭС на Оке в Нижегородской области. Наиболее численной функциональной группой являются односекционные водонапорные башни (редкие примеры ранее существовавших двухсекционных башен, например в Ярославле, утрачены). Подобные башни сохранились в городе Лобне и поселке Николина Гора (Московская область), селе Полибино (Липецкая область), совхозе «Победа» (Калужская область), Выксе (Нижегородская область), Котовске (Тамбовская область), Кукморе (Республика Татарстан), Иваново, Ярославле, Вологде, Казани, Краснодаре. Два сооружения,

единственные представители группы смотровых пожарных вышек, сохраняются в Нижнем Новгороде и в поселке Ляхово Нижегородской области³.

Ряд водонапорных башен гиперboloидной конструкции находится за пределами РФ: в Борисове, Коханово (Белоруссия), Шостке, Песковке, Белой Церкви, Помошной, Черкассах, Конопте, Часовом Яре, Николаеве (Украина), Бухаре (Узбекистан), Джебеле (Туркменистан), Гюмри (Армения). Уникальными по функции сооружениями являются два маяка в устье Днепра под Херсоном (Украина), один из которых — большой Станислав-Аджигольский маяк — самый высокий из шуховских башен односекционный гиперboloид.

Отдельные башни были разрушены еще в советское время, а с 1990-х по 2020-е гг. появились новые утраты: демонтированы башни в Шуе, Подольске, Ярославле, Марьиной Горке, Гусь-Хрустальном, Орехово-Зуево, Великом Новгороде, Тамбове, Полтаве, Фастове и др. Недопустимой утратой стало уничтожение одной из парных пятисекционных башен системы ЛЭП в Нижегородской области в 2005 г., на тот момент уже признанных уникальными и имевших статус объектов культурного наследия⁴.

Подавляющее число сооружений находится в ограниченно работоспособном состоянии, связанном с износом и прогрессирующими повреждениями металлических конструкций. Ремонтные работы крайне редки или выполняются не в полном объеме — так, начатый процесс по восстановлению Шуховской башни в Москве в 2016 г. был остановлен после заведения внутрь дополнительных массивных опор, призванных разгрузить многоярусный гиперboloид. Искаженный архитектурный облик и нерешенные проблемы сохранности памятника на данный момент ограничивают этому признанному шедевру архитектурной и инженерной мысли путь во Всемирное наследие ЮНЕСКО⁵.

Значительные пробелы в исследованиях существующего наследия объясняются тем, что многие башни расположены на закрытых территориях промышленных предприятий, — например, в настоящее время отсутствует доступ к группе трех водонапорных башен Казанского порохового завода, которые были обнаружены сравнительно недавно. Единичны упоминания о сохранности двух уникальных башен на территории Тамбовского порохового завода (ныне город Котовск) — единственных построенных парных гиперboloидов с соединительным мостиком и общей винтовой лестницей⁶. Недостаточная степень исследованности, фрагментар-

ные разрушения, искажение первоначального облика поздними неквалифицированными ремонтами, отсутствие или низкий охранный статус, нерешенные вопросы функционального использования объектов — эти и другие проблемы ведут к тому, что подавляющая часть уникального шуховского наследия сегодня находится под угрозой.

Изобр. 2. Водонапорная башня на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Нижнем Новгороде. Фото А. О. Карелина, 1896 г. Фото из открытых источников. Фонды Русского музея фотографии

На этом фоне на лидирующие позиции в сохранении инженерных сооружений В. Г. Шухова выходит Нижегородский регион, где находятся четыре башни-гиперboloида. Нижегородская земля — родина первой сетчатой башни в виде однополостного гиперboloида вращения, впервые в истории инженерного искусства представленной на обозрение в 1896 г. на нижегородской Всероссийской промышленной и художественной выставке^{4,7}. Конструкция водонапорной башни высотой 32 метра была составлена из 80 пересекавшихся металлических стержней и восьми колец жесткости. Внутри башни находилась винтовая лестница, ведшая сквозь резервуар на смотровую площадку — с нее открывалась редкая по красоте и грандиозности панорама выставки (изобр. 2). Изящный гиперboloид получил признание,

став сенсацией в сфере мировых достижений и прототипом для подобных башен в разных регионах страны.

После закрытия выставки фирма Бари продала башню промышленнику Ю. С. Нечаеву-Мальцову. Сооружение разобрали и перевезли в Липецкую область в село Полибино (изобр. 3). Демонтаж и установка конструкции на новом месте выполнялись под личным наблюдением В. Г. Шухова с сохранением всех архитектурно-конструктивных особенностей. Сейчас сооружение находится в удовлетворительном техническом состоянии. Башня имеет эффектный вид и органично дополняет структуру усадебного ландшафта, выполняя роль градостроительной доминанты. Первый нижегородский гиперboloид — один из нескольких примеров перемещения конструкций башен вскоре после строительства (также подобная практика была реализована при возведении малого Станиславского маяка под Херсоном и водонапорной башни в Харькове, впоследствии перенесенной в Полтаву).

Изобр. 3. Водонапорная башня в усадьбе Нечаева-Мальцова, с. Полибино Липецкой области. Фото из открытых источников. Интернет-источник: yandex.com

В современной практике метод перемещения как способ сохранения памятника был осуществлен на территории города Выкса Нижегородской области. За основу при строительстве гиперboloида в Выксе в 1930-х гг. был принят

стандартный проект односекционной водонапорной башни по патенту В. Г. Шухова⁸. Ее сооружение пришлось на период реконструкции металлургических заводов: башня была задумана как элемент системы водоснабжения мартиновского производства. Конструкция башни представляла собой гиперboloид вращения из 50 наклонных стальных стержней, связанных по горизонтали 20 уменьшающимися в диаметре кольцами жесткости (изобр. 4). Узлы пересечения четных и нечетных ног и горизонтальные кольца, выполненные в разных уровнях, образовывали треугольные ячейки, обеспечивающие геометрическую неизменяемость конструкции. В завершении башни общей высотой около 40 метров располагался массивный цилиндрический резервуар с обходной галереей — к нему из центра опорного кольца шла металлическая винтовая лестница⁹. После ввода в эксплуатацию около 1950 г. конструкция использовалась по назначению, но в 1980-х гг. сгорел деревянный водяной бак, и несколько последующих десятилетий сооружение стояло на закрытой территории завода в виде металлического остова.

Изобр. 4. Водонапорная башня на территории Выксунского металлургического завода. Фото А. В. Косицына, 1976 г. Архив УГО ОКН Нижегородской области

Работы по детальному исследованию и сохранению водонапорной башни велись с 2016 г. Первоначальная концепция предусматривала реставрацию сооружения на историческом месте на современной территории ОАО «Выксунский

металлургический завод». Методика работ предполагала консервацию металлических конструкций с устранением повреждений, а также восстановление объемно-пространственной структуры башни. Утраченные конструкции верхнего яруса планировалось воссоздать в соответствии с первоначальными геометрическими параметрами резервуара по оригинальным чертежам¹⁰. Однако из-за невозможности широкого доступа к памятнику в случае его сохранения на прежнем месте решение было пересмотрено в сторону разработки концепции реставрации сооружения с переносом и музеефикацией в центральной исторической части Выксы на территории Верхне-Выксунского завода, где сохранились подлинные объекты усадебно-промышленного комплекса Баташёвых XVIII века. В 2025 г. работы были реализованы (изобр. 5). Пересобранная башня более чем на 90% состоит из оригинального материала: геометрическая форма сечений элементов восстанавливалась лазерным напылением порошкового металла¹¹, и только в случае невозможности восстановления предусматривалась их замена¹². В данном случае решение о переносе водонапорной башни с закрытой территории действующего завода стало не только способом физического сохранения памятника, но и дало возможность раскрыть его высокий градоформирующий потенциал в структуре индустриального ландшафта Выксы (изобр. 6).

Изобр. 5. Шуховская башня в историческом центре Выксы. Фото 2025 г. Интернет-источник: newsnp.ru

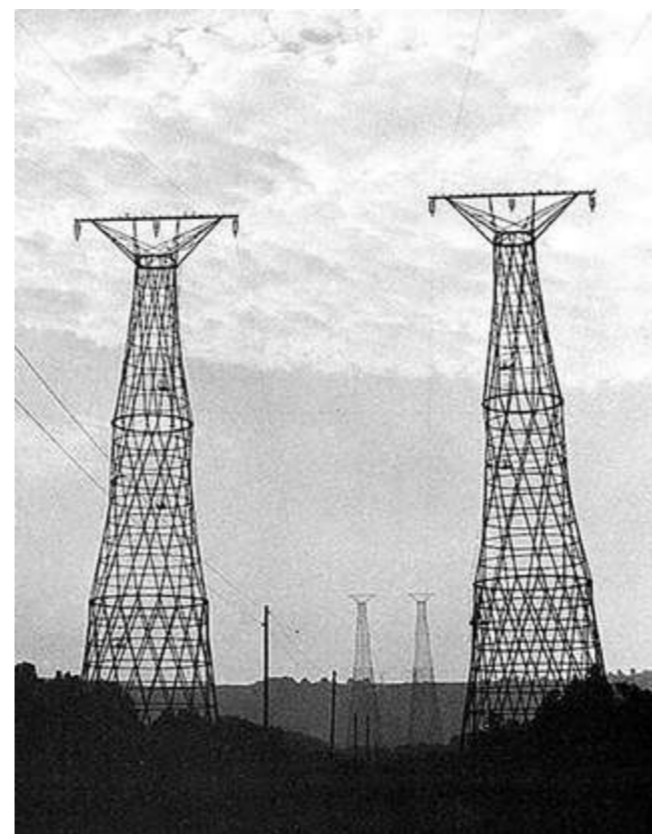

Изобр. 6. Шуховская башня в историческом центре Выксы. Архитектурная подсветка. Фото В. Хабарова. Интернет-источник: decornews.ru

Впервые в Нижегородском крае гиперboloидные башни стали использоваться как опоры линии электропередачи в рамках строительства Нижегородской государственной районной электростанции (НиГРЭС) в районе Балахны в 1920-е гг. Инженеру Шухову принадлежала разработка уникального проекта перехода около Дзержинска (бывшее село Растяпино) для передачи электроэнергии в районы противоположного берега Оки. Учитывая особенности ландшафта с разницей высотных береговых отметок почти в сто метров, проект предусматривал создание каскада стальных опор из восьми башен, шесть из которых имели форму гиперboloидов. На левом берегу Оки были сооружены две гигантские парные пятисекционные башни высотой 128 метров (изобр. 7), ставшие на тот момент, наряду с Шаболовской башней, самыми высокими сооружениями в СССР³.

Система ЛЭП проработала до 1980-х гг., после чего основная часть башен, кроме двух самых высоких, была демонтирована. В 2005 г. незаконному уничтожению подверглась и одна из парных башен. Вторая башня также получила критические повреждения. Проект ее восстановления разработали специалисты ННГАСУ в сотрудничестве с европейскими коллегами, со временем он был успешно реализован. По словам профессора Р. Грефе, «спасение мачты электропередачи — почти чудо, которое свершилось благодаря усилиям русских и западных специалистов и организаций»³.

В настоящее время продолжают ремонтно-реставрационные работы бывшей опоры ЛЭП и благоустройство ее территории¹³. Решена проблема укрепления берега, исследовано состояние фундаментов, выполнена очистка конструкций от коррозии. Эффективной частью выполненных работ стало создание художественной иллюминации башни (изобр. 8). Сегодня это легкое и грациозное сооружение,

Изобр. 7. Пары сетчатых многосекционных мачт-опор ЛЭП НиГРЭС на Оке. Фото из открытых источников. Интернет-источник: pastvu.com

названное лебединой песней великого инженера, — символ и неотъемлемый элемент культурного ландшафта нижегородского региона.

Историко-культурный потенциал нижегородских гиперboloидов В. Г. Шухова позволяет говорить о нем как о выдающемся объекте не только российского, но и мирового культурного наследия¹⁴. Первая шуховская гиперboloидная башня — образец уникального инженерного решения, давшего старт подобным сооружениям в мире. Им принадлежит важнейшая роль в создании новой промышленной эстетики рубежа XIX–XX веков на основе

Изобр. 8. Опора ЛЭП НиГРЭС на Оке. Фото: ЗАО «СМУ-77», 2021 г. Интернет-источник: tehne.com

синтеза архитектуры и инженерного искусства, без них немыслимо современное архитектурное формообразование¹⁵. Особым качеством архитектуры шуховских гиперboloидов является изящество их пропорций в сочетании с исключительными прочностными характеристиками, «биологичность», слитность с ландшафтом. Особенностью их проектирования был индивидуальный подход, позволявший достигать вариативности конструкций и придававший каждой башне оригинальный архитектурный облик. Нижегородские гиперboloидные башни отражают эволюцию творческого развития инженерного гения В. Г. Шухова от первой в мире односекционной башни до наивысшей точки развития — последнего многосекционного гиперboloида, сопоставимого по значимости с Шаболовской радиобашней. Они сохраняют подлинные характеристики замысла и исполнения.

Работы по спасению башни на Оке, характеризовавшиеся поиском уникальных реставрационных методов консервации металлических конструкций посредством применения аутентичных технологий, стали значительным достижением российской реставрации в консолидации со специалистами международной школы.

По результатам анализа основных составляющих выдающейся универсальной ценности в контексте Конвенции о всемирном наследии сооружения системы Шухова отвечают условиям целостности и подлинности, удовлетворяют ряду критериев:

— являются шедевром творческого гения человека;

— отражают воздействие на развитие архитектуры или технологии, градостроительства или планирования ландшафтов;

— являются выдающимся образцом типа строения, технологического ансамбля, иллюстрирующим важный этап развития в истории человечества.

Шуховские гиперboloиды обладают безусловным потенциалом для включения в номинации Списка всемирного наследия XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гений легких конструкций. Владимир Шухов (1853–1939): в 2 томах. Том 2 / Составители Р. Грефе, О. Перчи, Э. Грефе, А. Кутный; авторы предисловий Седых А., Шухов В., Концетт Ю. — Москва: Фонд «Связь эпох», 2023. — С. 512.
2. Постановление Государственной Думы Российской Федерации от 2003 г. № 4415-III о наследии В. Г. Шухова; Международная научная конференция «Heritage at Risk. Сохранение архитектуры XX века и Всемирное наследие», Москва, 2006 г.; включение инженерных сооружений Шухова в 2017 г. в перечень объектов, рекомендованных для продвижения в почетный список, составленный под эгидой МКРФ и др.
3. Зеленова С. В. Шухов В. Г.: нижегородские проекты. Территория уникальных объектов: книга-альбом / Зеленова С. В., Виноградова Т. П., Коротаева Д. И., Ометова Г. Н. — Н. Новгород, 2016. — С. 169.
4. Виноградова Т. П. Два гиперboloида Шухова: истоки и вершина творчества инженера / Т. П. Виноградова // Вестник государственной экспертизы. — 2022. — № 02. — С. 104–111.
5. Душкина Н. Требуется воля: как сохранить шуховское наследие / Н. Душкина // Вестник государственной экспертизы. — 2022. — № 02. — С. 112.
6. Сдвоенные шуховские башни Тамбовского порохового завода живы!
7. Виноградова Т. П. Шухов В. Г. Нижегородские проекты / Виноградова Т. П.; под ред. Багдасарьян Н. Г. // Гений В. Г. Шухова и современная эпоха. Материалы международного конгресса. — М., 2015. — С. 108–114.
8. Ковельман Г. М. Творчество почетного академика инженера Владимира Григорьевича Шухова. — М., 1961. — С. 73–75.
9. Отдел капитального строительства Выксунского металлургического завода. Технический проект водонапорной башни / Фонды Музея истории завода усадебно-промышленного комплекса Баташёвых-Шепелевых. № 284 / 10 от 1937 г.
10. Объект культурного наследия (памятник истории и культуры) федерального значения «Усадебно-промышленный комплекс: Водонапорная башня», расположенный по адресу: Нижегородская область, г. Выкса. Проект реставрации. — Архив ООО «Асгард», 2016.
11. Гранев В. В. Некоторые свойства порошкового металла при его лазерном напылении для восстановления сечений стальных строительных конструкций / В. В. Гранев, А. Н. Мамин, Э. Н. Кодыш, К. И. Еремин, М. Н. Ершов, Г. Р. Шнейдеров. — Строительные материалы. — 2018. — № 9. — С. 54–57.
12. Мамин А. Н. Реставрация архитектурного наследия В. Г. Шухова / А. Н. Мамин, К. В. Авдеев, В. В. Бобров, А. В. Рэуцу // Строительство и реконструкция. — 2023. — №5 (109). — С. 3–10.
13. Выполнение работ по приспособлению объекта культурного наследия федерального значения «Опора ЛЭП НиГРЭС конструкции инженера Шухова В. Г., 1927–1929 г.» для современного использования. Авторы: В. А. Молоканов, П. А. Селезнева, Д. А. Кашаев. — Архив ЗАО «СМУ-77», 2020.
14. Душкина Н. О. Российский потенциал XX века для Всемирного наследия. Упущенные возможности и новые инициативы / Н. О. Душкина // Революция и наследие. Наследие революции. VI Санкт-Петербургский международный культурный форум. — Спб., 2017. — С. 198–208.
15. Волчок Ю. П. Сумма технологий В. Г. Шухова. У истоков четвертой технологической революции / Ю. П. Волчок // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. — 2018. — № 11. — С. 53–60.

Церковь Успения с росписью 1724 г. в селе Тетеринское Костромской области. История создания. Мониторинг и правовая защита объектов культурного наследия в условиях развития туризма

Рябчиков С. В.

Познавайте свой край, свою горушку или речонку. Не бойтесь, что малы те горушки и реки, ведь из малого вырастает большое.

А. Е. Ферсман

К северу от города Нерехты на старой Костромской дороге — древнем Владимирском тракте из Галича через Кострому в Суздаль и Владимир — расположено древнее село Тетеринское, отмеченное высокой колокольней, видимой из районного центра и на подъездах к нему.

Село Тетеринское в средние века занимало высокий мыс надпойменной террасы реки Солоница, образованный оврагом с протекающей по нему речкой Бобровец и поймой реки Солоницы. Глубокий ров с востока и крутая гора, поросшая вековым лесом, заменяли фортификационные сооружения и были естественными препятствиями, защищавшими от возможного неприятеля¹.

Изобр. 1. А. Диев. Вид села Тетеринского из-под горы от дороги из г. Нерехты. 8 сентября 1844 г.¹

В конце XIV — начале XV веков село Тетеринское с деревнями принадлежало наместнику Коломны боярину Александру Остею, который в 1385 году вероломно был пленен со многими боярами рязанским князем Олегом, разграбившим Коломну. Материалы археологических раскопок 2013 г. дают основание утверждать, что в Тетеринском Остеевыми была устроена барская усадьба для приезда владельцев.

В 1720 г. настоятелем Горицкого монастыря назначается архимандрит Лев из рода дворян Юрловых. Побывав в Тетеринской вотчине, новый настоятель Горицкого монастыря архимандрит Лев решил вместо старого деревянного

Никольского храма построить новый каменный. По его распоряжению 18 июня 1720 г. в Синодальный Казенный приказ подано было прошение от тетеринских церковнослужителей о постройке каменного храма.

Комплекс расположен на вершине пологого холма, рядом со старой Костромской дорогой, и доминирует в открытом ландшафте; высокая тетеринская колокольня видна из Нерехты, отстоящей на 6 км (изобр. 1.) Приглашенным на строительство каменной церкви мастерам Гавриилу и Василию Степановым предстояло многое.

Прежде всего были найдены необходимые по качеству для изготовления кирпича сорта глины. На горе у тетеринского леса за монастырским двором были построены сараи и печи для обжига кирпича. Здесь же были выкопаны ямы для выдержки глины и гашения извести².

Изобр. 2. Вид Успенской церкви в XVIII веке. Рисунок игумена Антония (Бутина А. Ю.)¹

Храмовый комплекс церкви Успения с. Тетеринского — выразительный по архитектуре и планировочно развитый сельский культовый памятник, включающий храм в традициях XVII века (крупный бесстолпный пятиглавый четверик), получивший новый облик благодаря более поздним приделам (трапезная с Никольским и Рождество-Богородицким приделами выстроена

Изобр. 3. Ансамбль церкви Успения с. Тетеринского 1908 г. Автор неизвестен³

заново в 1805–1806 гг.), и многоярусную колокольню в стиле классицизма (изобр. 2)².

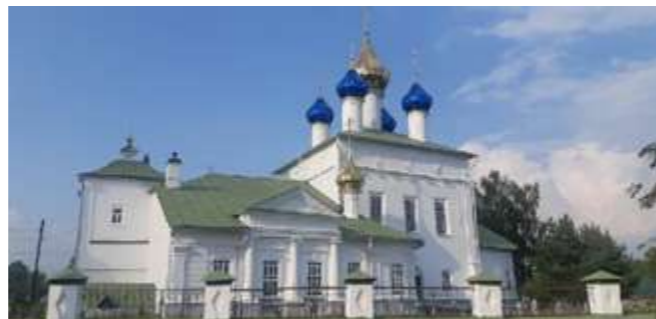
Исключительную ценность представляют росписи и иконостасы церкви, которые признанно считаются выдающимися произведениями местных живописцев и резчиков (изобр. 6).

«Корабль» — архитектурный тип православного храма, характеризующийся расположением его частей (собственно храма, трапезной и колокольни) в одну линию, образуя единое сооружение (церковь, как корабль, ведет нас по морю жизни к тихой пристани в Царстве Небесном).

Процесс развития данного архитектурно-художественного комплекса (православный храм в форме корабля) произошел в ходе

Изобр. 4. Панорамное фото ансамбля: церковь Успения 1724 г., 62-метровая колокольня 1815–1820 гг. и ворота ограды 1-й пол. XIX века¹

Изобр. 5. Церковь Успения (с росписью) 1724 г. Объект культурного наследия федерального значения. Фото автора

Изобр. 6. Шести ярусный иконостас в барочных традициях XVII века¹

становления Российской империи и вобрал в своем формировании все общегосударственные тенденции (развитие флота).

Находясь под следствием в Чудовом монастыре архимандрит Лев использовал сложившиеся обстоятельства.

В строящуюся Тетеринскую церковь им были заказаны в кремлевской Оружейной палате иконы для иконостасов (изобр. 6).

Во всю высоту восточной стены летнего холодного Успенского придела раскинулся шести ярусный иконостас, выполненный в барочных традициях XVII века, увенчанный скульптурным Распятием и поясом шестикрылых херувимов.

Таблица 1. Характеристика объекта культурного наследия (памятник) федерального значения^{4,5,6}

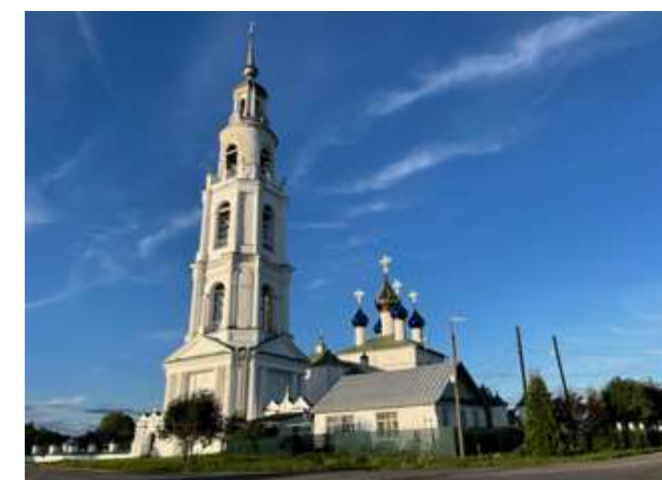
№	Наименование объекта	Церковь Успения с росписью 1724 г.
1	Адрес объекта	Россия, Костромская область, Нерехтский район, Воскресенское с. п., с. Тетеринское, 18
2	Вид объекта культурного наследия	Памятник в составе ансамбля церкви Успения XVIII–XIX веков
3	Регистрационный номер ОКН	441510364920006
4	Сведения о категории	Федерального значения
5	Решение о включении объекта в единый государственный реестр ОКН	Постановление Совета Министров РСФСР «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» № 1327 от 30.08.1960 г.
6	Границы территории	Не утверждены
7	Предмет охраны	Не утверждены
8	Зона охраны	Не утверждены
9	Защитная зона согласно п. 4 статьи 34.1 ФЗ-73 от 25.06.2002	200 метров от линии общего контура ансамбля

В середине XVIII столетия безногий калека, возвращавшийся из Нерехты, увидел на речке Бобровец икону Божией Матери, подобную «Боголюбской» (изобр. 7).

Он рассказал о явлении образа сельчанам, и икону принесли в храм. Впоследствии от иконы стали происходить чудесные знамения.

Изобр. 7. Боголюбская икона Божией Матери¹

Изобр. 8. Колокольня арх. Г. Маричелли 1815–1820 г. Объект культурного наследия регионального значения. Фото автора

Во время смертоносного поветрия в конце XVIII века ее обносили с крестным ходом вокруг села, и эпидемия не причинила вреда тетеринским жителям¹.

Защитные зоны объектов культурного наследия, предусмотренные ст. 34.1 Федерального закона № 73-ФЗ, являются временными охранными мерами, которые действуют до разработки и принятия зон охраны памятников истории и культуры. Они были призваны обезопасить ценные историко-культурные территории от бесконтрольного хозяйственного освоения. Обращаясь к ограничениям градостроительной и хозяйственной деятельности на территории защитных зон, следует отметить, что они значительно более строгие, чем в зонах охраны. Так, в п. 1 ст. 34.1 Федерального закона № 73-ФЗ запрет строительства и реконструкции объектов

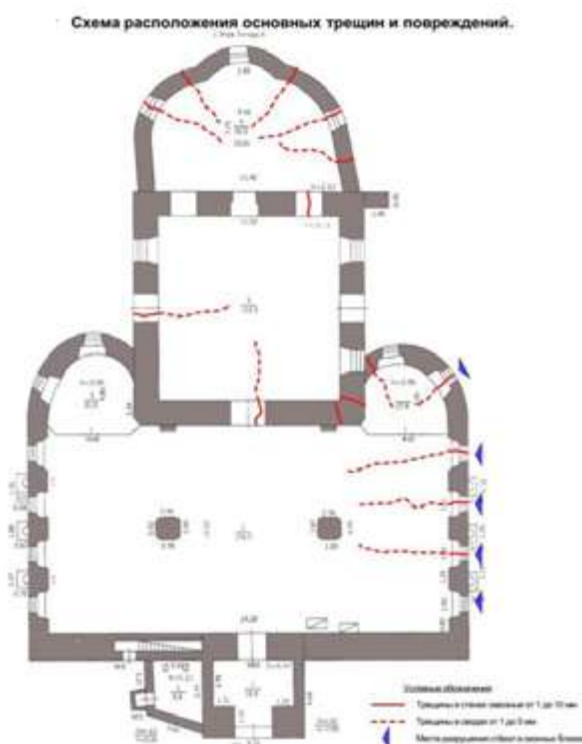

Изобр. 9. Устройство забивного свайного поля в защитной 200-метровой зоне ОКН под туристический объект «Гостиница с баней и открытым бассейном»⁷

капитального строительства на территории защитных зон предусмотрен без каких-либо дополнительных оговорок. Институт защитной зоны существует до тех пор, пока для объекта культурного наследия не разработана зона охраны и сведения о ней не включены в ЕГРН¹¹.

Защитная зона обеспечивает естественную и неразрывную связь здания с историческим местом, накрывая объект и прилегающую территорию «защитным куполом», тем самым защищает сам объект, грунтовое основание под ним, окружающую археологию (будущие раскопки) от стремительного и беспощадного изменения (уничтожения) вне зависимости от места, будь то удаленное село или крупный мегаполис.

Строительные и иные работы на земельном участке, непосредственно связанном с земель-

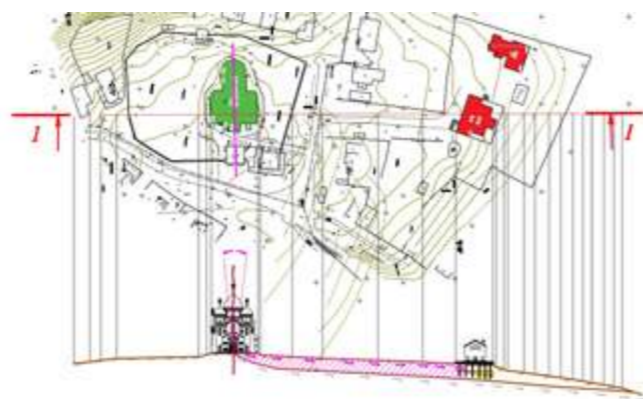

Изобр. 10. Схема расположения на плане церкви основных трещин и повреждений в результате самовольного строительства в защитной зоне ОКН⁷

Изобр. 11. Мониторинг состояния несущих конструкций стен с помощью маяков «ЗИ-2», фиксирующих величину раскрытия трещин⁷

ным участком в границах территории объекта культурного наследия (при условии утверждения границ территории и зон охраны), проводятся при наличии в проектной документации разделов об обеспечении сохранности указанного объекта культурного наследия или о проведении спасательных археологических полевых работ, или проекта обеспечения сохранности указанного объекта культурного наследия либо плана проведения спасательных археологических полевых работ, включающих оценку воздействия проводимых работ на указанный объект культурного наследия, согласованных с региональным органом охраны объектов культурного наследия (п. 3 ст. 36 34.1 Федерального закона № 73-ФЗ)¹².

Изобр. 12. Топографическая съемка с посадкой здания церкви (обозн. зеленым) и объекта самовольного строительства (обозн. красным) в защитной 200-метровой зоне ОКН (вверху). Разрез склона (внизу)⁹

Самовольное возведение объекта капитального строительства в защитной зоне ОКН спровоцировало дополнительную осадку основания и фундамента церкви.

При условии нахождения этих объектов на склоне (церковь — выше, гостиница — ниже по склону), который по своей природе (законам физики) подвержен геологическим процессам (оползание), очевидно, что вибродинамическая нагрузка от забивки свай привела к расструктурированию (потере прочности) мягкопластичных суглинков под фундаментами церкви и доуплотнению (осадке) водонасыщенных мелких песков на склоне (по результатам

Изобр. 13. Критические дефекты (сквозные трещины) в конструкциях несущих стен и уникальных росписях 1724 г. Фото автора

инженерно-геологических изысканий)⁸, что вызвало потерю устойчивости склона и оползание склона по линии скольжения (изобр. 12), как следствие появление критических дефектов в несущих конструкциях (стены и фундамент) и на уникальных росписях церкви⁷ (изобр. 10, 11, 13).

Согласно ГОСТ Р 55567–2013 «Порядок организации и ведения инженерно-технических исследований на объектах культурного наследия. Памятники истории и культуры. Общие требования», перед строительством в защитной зоне ОКН необходимо провести работы по:

- 1) Изысканиям (отчет об инженерно-техническом обследовании состояния объекта культурного наследия).
- 2) Проектированию (разработка мероприятий по снижению влияния нового строительства на ОКН).
- 3) Мониторинг технического состояния зданий и сооружений ОКН (до начала строительных работ, в процессе и после работ)¹⁰.

Мониторинг технического состояния зданий и сооружений — система наблюдений, прогноза и рекомендаций, осуществляемая путем отслеживания изменений параметров технического

Изобр. 14. Критические дефекты (сквозные трещины) в несущих конструкциях стен и уникальных росписях 1724 г. Фото автора

состояния и эксплуатационных качеств объекта с целью обеспечения безопасного функционирования и своевременного выявления факторов, ухудшающих техническое состояние.

Отчет об инженерно-техническом обследовании состояния объекта культурного наследия — документ, составленный по результатам инженерно-технических исследований, характеризующий состояние объекта культурного наследия на момент обследования и содержащий информацию, необходимую и достаточную для решения задачи обеспечения его сохранности.

Изыскательские, земляные, строительные, хозяйственные работы и иные работы, проведение которых может ухудшить состояние объекта культурного наследия, включенного в реестр, выявленного объекта культурного наследия (в том числе объекта культурного наследия, включенного в реестр, выявленного объекта культурного наследия, расположенных за пределами земельного участка, в границах которого проводятся указанные работы), нарушить их целостность и сохранность, должны быть немедленно приостановлены заказчиком указанных работ, техническим заказчиком (застройщиком) объекта капитального строительства, лицом, проводящим указанные работы, после получения предписания соответствующего органа охраны объектов культурного наследия о приостановлении указанных работ (п. 7 ст. 34.1 Федерального закона № 73-ФЗ)¹².

Таблица 2. Незаконное строительство объектов туристической инфраструктуры в защитной зоне ОКН, кроме критических дефектов, повлекло за собой множественные нарушения законов и действующих нормативных актов

№	Нарушения	Федеральный закон / ГОСТ / СП
1	Строительство объекта капитального строительства в защитной зоне ОКН (памятника) федерального значения	П. 1 и п. 4 статьи 34.1 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ
2	Отсутствие проектной документации и разделов проектной документации, направленной на обеспечение сохранности ОКН	П. 3 и п. 9 статьи 36 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ
3	Отсутствие инженерных изысканий для проверки влияния устройства свайных фундаментов на существующее сооружение	П. 7 статьи 36 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ П. 4.1, 4.6, 4.7 СП 24.13330.2011
4	Отсутствие геотехнического мониторинга и измерения контролируемых параметров в зоне влияния нового строительства	П. 4.1, 4.4. и 5.2.5 СП 305.1325800.2017 П. 4.8 СП 24.13330.2011
5	Отсутствие технического обследования ОКН в зоне влияния нового строительства	П. 6.1.1, 6.1.2, 6.1.3, 6.1.10, 6.1.12 СП 361.1325800.2017
6	Отсутствие проекта и мероприятий, снижающих деформацию окружающей застройки	П. 5.1.3. СП 22.13330.2016
7	Отсутствие проектных решений по оценке безопасности динамических воздействий (забивка свай) и мероприятий по снижению воздействий	П. 12.1.1–12.1.2 СП 45.13330.2017
8	Отсутствие оценки зоны влияния нового строительства и исследований вибродинамических воздействий на ОКН	П. 1, п. 5.3.8, п. 6.4.2, п. 6.4.5 ГОСТ Р 55567-2013

Изменение проекта проведения работ, представляющих собой угрозу нарушения целостности и сохранности выявленного объекта культурного наследия, объекта культурного наследия, включенного в реестр, разработка проекта обеспечения их сохранности, проведение историко-культурной экспертизы выявленного объекта культурного наследия, спасательные археологические полевые работы на объекте археологического наследия, обнаруженном в ходе проведения земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, указанных в статье 30 настоящего Федерального закона работ по использованию лесов и иных работ, а также работы по обеспечению сохранности указанных в настоящей статье объектов проводятся за счет средств заказчика указанных работ, технического заказчика (застройщика) объекта капитального строительства (п. 9 ст. 34.1 Федерального закона № 73-ФЗ)¹².

Самовольное строительство объектов туристической инфраструктуры в защитной зоне ОКН, кроме критических дефектов, повлекло за собой множественные нарушения законов и действующих нормативных актов (табл. 2).

Ответственность за самовольное строительство в защитной зоне ансамбля, вызвавшее появление критических дефектов, то есть повреждение или уничтожение объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, наказывается штрафом от 3–5 млн рублей либо лишением свободы на срок от 3 до 6 лет (статья 243. УК РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ)¹³, а также обязательной компенсацией ущерба, нанесенного ОКН (по предварительной оценке, рассматриваемому в статье ОКН нанесен ущерб на сумму свыше 150 млн рублей).

Заключение

Развитие туристических направлений и инфраструктуры в России, безусловно, положительная тенденция.

Неразрывное сосуществование (взаимовыгодное соседство) объектов наследия и объектов туристической инфраструктуры (гостиницы, музеи, ремесленные мануфактуры, рестораны, бани) должно масштабироваться и только усиливать приток туристов.

Мониторинг состояния ОКН — это защита объекта и его собственника от внезапного и агрессивного соседства в условиях развития туристической инфраструктуры.

Строительство объектов туристической инфраструктуры должно быть «умным», основанным на конструктивном диалоге с собственником ОКН и учетом требований законодательства

(Федеральный закон № 73-ФЗ), а не вероломным, как в нашем случае (без знакомства, диалога, изысканий, проекта), с печальными последствиями для состояния ОКН и нарушителей.

Изыскания и проектирование объектов туристической инфраструктуры вблизи ОКН — это надежная защита инвестиций и отсутствие рисков для бизнеса и его владельцев в будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Село Тетеринское Нерехтского уезда Костромской губернии в XII–XVIII вв. Квалификационная работа студента Бутина Андрея Юрьевича (игумен Антоний). — Кострома, 2015.
2. Архитектурно-художественный ансамбль Успенской церкви с. Тетеринского и его создатели в XVIII–XX вв. Курсовая работа студента Бутина Андрея Юрьевича (игумен Антоний). — Кострома, 2015.
3. Православный приход Успенской церкви села Тетеринского Нерехтского района Костромской области в условиях государственно-церковных отношений в советское время. Магистерская диссертация Бутина Андрея Юрьевича (игумен Антоний). — Минск, 2023.
4. Охранное обязательство № 39 от 08.04.2024 г. Охранкультуры Костромской области. — Кострома, 2024.
5. Паспорт ОКН от 08.04.2024. Охранкультуры Костромской области. — Кострома, 2024.
6. Акт технического состояния ОКН № 372/1-04 от 25.12.2023 г. Охранкультуры Костромской области. — Кострома, 2023.
7. Экспертное заключение по результатам обследования технического состояния нежилого здания Церковь Успения (с росписью) 1724 г. по адресу: Костромская область, Нерехтский район, с/п, Тетеринское, д. 18. — ООО «Архитекторы Костромы», 2024.
8. Технический отчет по результатам инженерно-геологических изысканий 05/2025-01-ИГИ. ООО «Геостройэкология». — Кострома, 2025.
9. Топографическая съемка рельефа. ООО «Геостройэкология». — Кострома, 2025.
10. ГОСТ Р 55567-2013 «Порядок организации и ведения инженерно-технических исследований на объектах культурного наследия. Памятники истории и культуры. Общие требования».
11. Андреева А. Ю., Халиков И. А. Проблемы установления и существования защитных зон ОКН / Культурное наследие России, 2021. — С. 16–20.
12. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.04.2024).
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Археология Костромского края / Под ред. Леонтьева А. Е. — Кострома, 1997.
2. Карамзин Н. М. История Государства Российского. Тт. V–VIII. — Калуга: Изд. «Золотая аллея», 1994.
3. Полетаев Н. Т. Протоиерей М. Я. Диев и его историко-археологические и этнографические труды. — Кострома: Губернская типография, 1891.
4. Смирнов М. И. Костромские вотчины Переяславского Горицкого монастыря. (Материалы). — Кострома, Тип. Губ. Земства, 1917.
5. Белоруков А. Ф. Деревни, села и города костромского края. Материалы для истории. — Кострома, 2000.
6. Брокгауз Ф. А. Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. — СПб., 1890–1907.
7. Годунов А. Б. Храмы г. Нерехты и Нерехтского уезда. — Кострома, 2013.
8. Демидов С. В., Кудряшов Е. В. Нерехта. — М.: Изд. «Отчий дом», 1996.
9. Димитрий (Самбикин). Архимандрит. Лев, епископ Воронежский // Воронежские епархиальные ведомости. — 1883. — № 5.
10. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Шуйский и Ковровский уезды. — Владимир, 1893.
11. Карташев А. В. Очерки по Истории Русской церкви. Т II. — М.: Наука, 1991.
12. Костромские епархиальные ведомости, № 3, март 2008 / Костромская епархия. — Кострома, 2008.
13. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. — Кострома: Издание Редакции Костромских Епархиальных Ведомостей, 1911.
14. Постановления Нерехтского Уездного Земского собрания. — Кострома, Типография Х. А. Гелина, 1916. — С. 132.

Архитектурная керамика Михаила Шилкина на промышленных зданиях

Ронгонен (Гонобоблева) С. Л.

Работы Михаила Николаевича Шилкина¹, известного керамиста, эмигранта из России, размещены на фасадах и в интерьерах нескольких промышленных предприятий Финляндии. Оформляя входную зону, они создают настроение сотрудникам и посетителям, на протяжении десятилетий являются локальным символом, создают визуальный код предприятий. Начиная с 1940-х и по 1960-е художник создал более двух десятков крупных настенных керамических панно в Хельсинки, Тампере, Куопио, Карью, Лахти, Котке, Миккели, Хамеенлинне. Arabia (производство керамики), Raulig (кофейная фабрика), Fazer (кондитерская фабрика), Tampella (текстильное производство), Marschan (мясокомбинат) — административные и производственные помещения этих предприятий были украшены архитектурной керамикой сотрудника дизайн-отдела фабрики Arabia М. Н. Шилкина.

Изобр. 1. Здание фабрики Arabia. Фасад, фрагмент. Керамическое панно М. Шилкина, 1943 г. Фото Л. Ронгонен, М. Кокарев, 2024 г.

В воспоминаниях о М. Н. Шилкине архитектор И. Н. Кудрявцев² писал: «Как первая проба

Изобр. 2. Здание фабрики Arabia. Портал. Керамическое панно М. Шилкина. Фото Л. Ронгонен, М. Кокарев, 2024 г.

исполнения больших художественных замыслов с видимыми соединительными швами были исполнены плиты на стене только что построенного нового флигеля фабрики Арабии — изображение в классическом преломлении "Эмблема фабрики". А на стенах внутренней лестницы разместились более "вольные" композиции. Опыт был удачен. Фабрика получила множество заказов от различных фирм и частных лиц. Появились примеры декоративной керамики, составленные из многих плит»³.

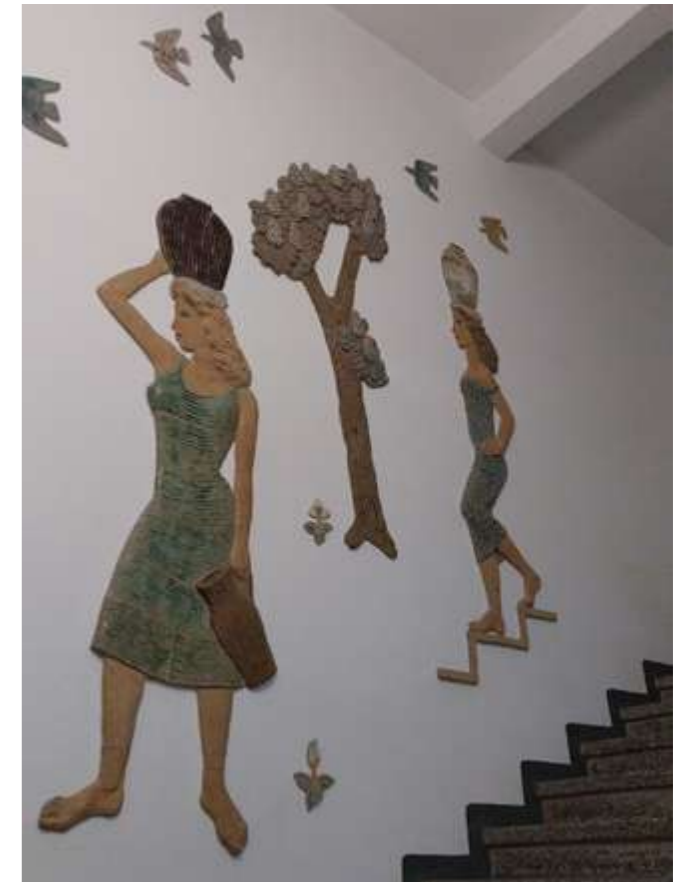
Строительство нового здания Arabia рядом с историческими помещениями керамической фабрики завершилось в 1942 г.⁴ Боковой фасад расположенного вдоль улицы Hämeentie восьмизэтажного дома, построенного в характерном

для промышленной архитектуры тех лет стиле, виден издали, если приближаешься к нему из центра Хельсинки. Высокая труба печи для обжига, ритм оконных и дверных проемов, облицовка декоративным кирпичом, рельефные буквы A R A B I A, фасадное панно — создают яркий визуальный образ «в керамических тонах», который М. Н. Шилкин позже использовал в своих работах, изображая фабричные здания.

Изобр. 3. Здание фабрики Arabia. Портал. Керамическое панно М. Шилкина. Фото Л. Ронгонен, М. Кокарев, 2024 г.

«На торцевом фасаде фабричного корпуса, обращенного на улицу, на уровне второго этажа, размещен рельеф из стеновудс, по тону глазури близкий к облицовочному кирпичу самой стены. Желая подчеркнуть глубокую древность искусства керамики, автор взял мотив — изготовление керамической вазы, изобразив его в характере фигурных композиций на греческих вазах»⁵ (изобр. 1). На панно двое в струящихся античных одеяниях держат в руках белофонные лекифы. У мужчины в руках кисть, вазу он держит на коленях, завершая роспись. Женщина уносит готовый предмет в обжиг.

Изобр. 4. Здание фабрики Arabia. Главная лестница. Керамическое панно М. Шилкина. Фрагмент. Фото Л. Ронгонен, М. Кокарев, 2024 г.

Портал, ведущий на фабрику, оформлен шилкинскими панно: «со стороны двора, по обеим сторонам входа в контору, даны два шамотных бесполивных рельефа (стенгудс), также близкие по тону к облицовочному кирпичу. Тема — различные моменты производства керамики»⁶. Правый пилон — мужской — здесь самые физически сложные моменты производства: печи, обжиг, крупные формы, фигуры мужчин. Левый — женский: гончарный круг, мелкая пластика, женские фигуры. Предметы и тела переплетены, на небольшой площади рельефа изображены 12 человек, автор создает впечатление наполненного деятельностью пространства (изобр. 2, 3).

За порталом — лестница, светлая и достаточно широкая. По ней «поднимаются» и «спускаются» герои главного панно фабрики: «За упомянутой дверью в вестибюле на стенах размещены группы фигурных изображений с глазурью в легких пастельных тонах. Поверхность штукатурки, в которую вделана керамика, оставлена без краски. Тема — картинки из жизни народов юга, где керамические изделия играют выдающуюся роль. Группа с ослом — продажа горшков. Девушки с горшками на головах несут воду или другие грузы. Виден колодец, облицованный керамикой и т. д. Среди фигур свободно

разбросаны деревья и цветы, стилизованные в характере изображений ориентальных ковров»⁷. Фигуры красивых людей в красивых разноцветных одеждах, скорее современников, выглядят не буднично; характерные для работ Шилкина образы: каштаны, ослик с тележкой, птицы и цветы также придают рельефу праздничное настроение (изобр. 4–7).

Изобр. 5. Здание фабрики Arabia. Главная лестница. Керамические панно М. Шилкина. Фрагмент. Фото Л. Ронгонен, М. Кокарев, 2024 г.

Изобр. 6. Здание фабрики Arabia. Главная лестница. Керамические панно М. Шилкина. Фрагмент. Фото Л. Ронгонен, М. Кокарев, 2024 г.

Изобр. 7. Здание фабрики Arabia. Главная лестница. Керамические панно М. Шилкина. Фрагмент. Фото Л. Ронгонен, М. Кокарев, 2024 г.

К. М. Митрофанов, декан факультета декоративно-прикладного искусства, заведующий кафедрой монументально-декоративной живописи и кафедрой художественной керамики и стекла ЛВХПУ им. В. И. Мухиной, узнал о творчестве М. Н. Шилкина через свою коллегу, посетившую Хельсинки. Он работал тогда над кандидатской диссертацией, на основе которой выпустил монографию «Современная монументально-декоративная керамика»⁸. Тогда и началась его переписка с И. Н. Кудрявцевым, сообщившим К. М. Митрофанову много сведений о работах керамиста и приславшим несколько фотографий. Некоторые из них были опубликованы в монографии. Эта переписка является источником сведений о керамических панно Шилкина, в том числе и неосуществленных. Они приведены в качестве комментариев к фотографиям: «Контра фабрики электрических агрегатов <...>. На наружном фасаде, при входе в главную контору, на уровне первого этажа помещен рельеф. Тема — появление электричества в природе <...>, исполненный в натуре глазурированный рельеф, где группы людей ищут укрытия во время грозы»⁹. Этот прекрасный рельеф и сейчас на своем месте (изобр. 8, 9). Старый цветущий каштан, мокрая собака, двое бегут от дождя, укрываясь одеждой, а под крышей стоят

пережидающие дождь люди. Эта неожиданная, возможно, необходимость остановиться и спокойно переждать дождь, видна в их позах.

Изобр. 8. Здание завода. Входная зона. Керамическое панно М. Шилкина. 2024 г.

И. Н. Кудрявцев упоминает об одном из вариантов этого рельефа: «<...> один из предложенных вариантов, оставшийся в эскизе. Здесь в крайне упрощенных формах представлено северное сияние на севере. На переднем плане фигуры лапландцев и олени. Интересно и удачно дано сочетание темного, почти черного, но все же синего матового фона со светлыми глазурированными поверхностями самого северного сияния и фигур первого плана. Остается пожалеть, что интересная и удачная композиция не была исполнена в большом масштабе»¹⁰.

Изобр. 9. Здание завода. Входная зона. Керамическое панно М. Шилкина. Фрагмент. 2024 г.

Изобр. 10. Здание фабрики Fazer. Входная зона. Керамическое панно М. Шилкина. Фото Л. Ронгонен, М. Кокарев, 2024 г.

Сюжеты для «промышленных» керамических панно М. Н. Шилкина связаны с работой конкретного производства. Поэтому для Fazer Шилкин сделал рельеф на тему производства какао, а для Paulig — на тему производства кофе. Эти масштабные работы 1950-х гг. до сих пор находятся на действующих производствах. «Одним из основных изделий, выпускаемых фабрикой (Fazer), являются шоколадные продукты, получившие широкую известность за пределами Финляндии. Поэтому сюжетом для скульптурного панно выбрана тема — сбор бобов какао»¹¹ (изобр. 10, 11). Многофигурная, невяроятно динамичная композиция представляет нам цикл производства какао в Южной Америке, где М. Н. Шилкин побывал. Деревья с плодами, их сбор и очистка, ферментация и сушка, погрузка в мешки — и отправка на фабрику на тележке, запряженной осликом. Тропические птицы, обезьянка на дереве, дразнящая собаку, две ящерицы, греющиеся на солнечной крыше, — все создает эффект присутствия.

Изобр. 11. Здание фабрики Fazer. Входная зона. Керамическое панно М. Шилкина. Фрагмент. Фото Л. Ронгонен, М. Кокарев, 2024 г.

Рельеф, сделанный для фабрики Paulig, пережил вместе с ней два переезда, сменил три здания. И. Н. Кудрявцев пишет о первоначальном помещении, где было размещено панно: «В вестибюле при входе в контору фирмы "Паулиг" керамическое панно на тему "кофе". Фирма торгует кофе, чаем, и т. п. Обе стены покрыты керамическими барельефами <...>, представлены сцены, связанные с продажей и потреблением кофе. Наверху кофе привозится в мешках с корабля в жаровню. Направо покупательница с дочкой в магазине у прилавка покупает пакет молотого кофе. Очертания двух колес

характеризует имеющиеся во всех магазинах мельницы. Таким образом покупатель получает сохранивший аромат свежесмолотого кофе. Ниже кофе сервирован на столах»¹² (изобр. 12, 13). Это панно представляет не только процесс производства кофе, включая его обжарку в заводской печи и дегустацию, но и его покупку и употребление — в одной из сцен подруги пьют кофе за изящным столиком.

Изобр. 12. Здание фабрики *Rauilg*. Входная зона. Керамическое панно М. Шилкина. Фото Л. Ронгонен, М. Кокарев, 2024 г.

Для расположенной в Тампере текстильной фабрики *Tampella* М. Н. Шилкин создает серию рельефов, посвященных обработке льна. Этапы древнего ручного производства, характерного для всего Северо-Запада: уборка, просушка, «бросание» (отделение семян), мятье, прядение, — изображены на шести панелях. На седьмой (изобр. 14) — ткацкий станок, финальная часть процесса. В Новоторжском уезде, где Шилкин родился, и в Карелии, где он жил в 1920-е, будущий керамист мог наблюдать льнопроизводство. Фабричные корпуса сейчас превращены в музейно-выставочный кластер, а административное здание сдается в аренду.

Изобр. 13. Здание фабрики *Rauilg*. Входная зона. Керамическое панно М. Шилкина. Фрагмент. Фото Л. Ронгонен, М. Кокарев, 2024 г.

Рекламный ход — оформление керамической фабрики панно собственного производства — имел внушительный результат. Самые «культурные» производства заказывали керамические рельефы М. Н. Шилкина. Что сыграло решающую роль в этой моде? Индивидуальный, неповтори-

мый стиль М. Н. Шилкина и его дарование, которое сформировалось в детстве и не угасло, несмотря на непростой путь художника. Работы Шилкина на промышленных предприятиях стали частью корпоративной культуры. И многие из них по-прежнему остаются в зданиях с первоначальной функцией. Однако если назначение изменилось, производство было закрыто и выведено в другую локацию — как это произошло на фабрике *Arabia*, то и шилкинские панно оказались в неопределенной ситуации. Комплекс зданий фабрики сейчас превращен в учебный и торговый кластер, несколько лет назад к главному корпусу был пристроен массивный высокий коридор-вход из бетона и стеклометаллических конструкций. В результате панно Шилкина оказались вне внимания посетителей.

Изобр. 14. Бывшее административное здание фабрики *Tampella*, Тампере. Входная зона. Керамическое панно М. Шилкина. Фрагмент. 2025 г.

Продолжение «культурного маршрута» по объектам архитектурной керамики авторства М. Н. Шилкина в Северной Европе возможно, благодаря сохранившимся воспоминаниям и письмам И. Н. Кудрявцева, собранным вдовой скульптора фотографиям и владельцам, сохраняющим произведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Васильева М. В. Михаил Шилкин и керамическое производство «Арабия» в Финляндии // Скандинавские чтения 2008 года / Сост. Т. А. Шрадер. — СПб.: МАЭ РАН, 2010. — С. 590; Ронгонен С. Л. Христианские сюжеты на керамических муралах М. Н. Шилкина. — Альманах ИКОМОС, Россия, 2024. — С. 21–25.
2. Кудрявцев Иван Николаевич (1904–1995), советский и финский архитектор, представитель династии архитекторов Кудрявцевых. Выслан из СССР в 1937 году. Автор проекта Ильинской церкви на православном кладбище в Хельсинки.
3. Национальная библиотека Финляндии. Kansalliskirjasto. SI Ms K. 84.6. И. Н. Кудрявцев. Михаил Шилкин. Воспоминания И. Кудрявцева (рукопись).
4. Finnish Heritage Agency's inventory of nationally significant built cultural environments RKY.
5. Письмо от И. Кудрявцева на имя К. М. Митрофанова от 15.5.1965 (рукопись). Фонд М. Н. Шилкина. Архив Музея дизайна в Хельсинки (Helsingin Designmuseum).
6. Письмо от И. Кудрявцева на имя К. М. Митрофанова от 15.5.1965 (рукопись). Фонд М. Н. Шилкина. Архив Музея дизайна в Хельсинки (Helsingin Designmuseum).
7. Письмо от И. Кудрявцева на имя К. М. Митрофанова от 15.5.1965 (рукопись). Фонд М. Н. Шилкина. Архив Музея дизайна в Хельсинки (Helsingin Designmuseum).
8. Митрофанов К. М. Современная монументально-декоративная керамика. Л. — М.: Искусство, 1967. — 84 с.
9. Письмо от И. Кудрявцева на имя К. М. Митрофанова от 15.5.1965 (рукопись). Фонд М. Н. Шилкина. Архив Музея дизайна в Хельсинки (Helsingin Designmuseum).
10. Письмо от И. Кудрявцева на имя К. М. Митрофанова от 15.5.1965 (рукопись). Фонд М. Н. Шилкина. Архив Музея дизайна в Хельсинки (Helsingin Designmuseum).
11. Письмо от И. Кудрявцева на имя К. М. Митрофанова от 15.5.1965 (рукопись). Фонд М. Н. Шилкина. Архив Музея дизайна в Хельсинки (Helsingin Designmuseum).
12. Письмо от И. Кудрявцева на имя К. М. Митрофанова от 18.12.1962 (рукопись). Фонд М. Н. Шилкина. Архив Музея дизайна в Хельсинки (Helsingin Designmuseum).

Керамические «штуки» для партеров XVIII–XIX веков из материалов исследований в Калошином переулке в Москве (результаты археологических исследований 2024 г.)

Жирова А. Г.

Ключевые слова: Москва, Замоскворечье, Калошин переулочек, поливная керамика, парковый декор, декор для партеров).

Весной 2024 г. специалисты ООО «Археологические изыскания в строительстве» под руководством Ю. А. Лихтер провели охранные археологические исследования в Калошином переулке. Участок археологических исследований расположен на третьей надпойменной террасе реки Москвы, в пределах квартала, ограниченного улицей Арбат, переулками Хохловский и Калошин, Старокоштоенный и Сивцев Вражек. Участок археологических исследований 2024 г. расположен в границах объекта археологического наследия «Культурный слой "Земляного города" (Скородома) XVI–XVII веков», выявленного объекта археологического наследия «Культурный слой в границах города Москвы XVIII века (Камер-Коллежского вала) (достопримечательное место)» (изобр. 1).

Изобр. 1. План Пречистенской части г. Москвы. Фрагмент // Атлас столичного города Москвы, составленный по распоряжению г. Московского обер-полицеймейстера... генерал-майора Лужина, А. Хотевым. М., 1852–1853 гг.

В результате археологических работ были выявлены сооружения, траншеи, а также хозяйственные ямы, датируемые XVI–XIX веками. В одной из крупных хозяйственных ям, заполнение которой датируется XVIII–XIX веками, было

обнаружено скопление белоглиняных поливных изделий (153 шт.). Изделия различного качества сохранности и цвета поливы, изготовлены из беложгущихся глин без видимых примесей. Обжиг полный, окислительный. Изделия представляют собой цельный цилиндр. Одно из изделий, покрытое бесцветной глазурью, имело полость внутри.

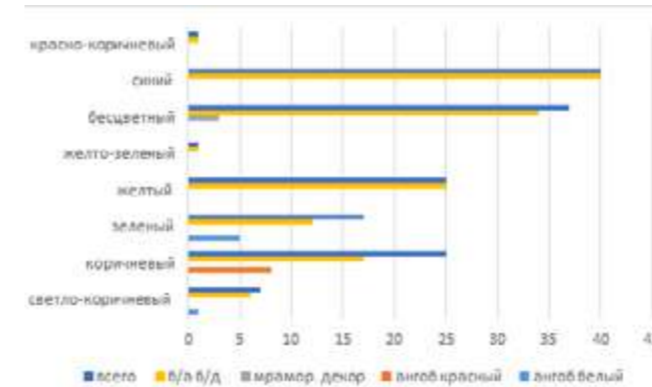
Высота изделий колеблется в пределах значений 2–4,8 см, среднее значение высоты изделий — 3,42 см. Диаметр изделий варьируется от 2,3 до 3,7 см, среднее значение — 2,8 см. Для всех изделий без сколов и утрат был установлен точный вес, он колеблется в пределах значений 25,9–61,8 г, среднее значение веса изделий составило — 41,5 г.

Изобр. 2. Коллекция керамических глазурованных «штуков» для декорирования партеров из раскопок в Калошином пер., 2025 г. Фото Моисеевой С. В.

Изделия покрыты желтой (25 ед.), желто-зеленой (1 ед.), зеленой (12 ед.), синей (40 ед.), коричневой (17 ед.), светло-коричневой (6 ед.), красно-коричневой (1 ед.) и бесцветной поливой (34 ед.). 14 из 153 изделий были покрыты глазурью поверх ангоба, в 1 случае под светло-коричневой глазурью был обнаружен слой белого ангоба, в 5 случаях белый ангоб был покрыт слоем зеленой глазури. 8 изделий были покрыты коричневой поливой по слою красного

ангоба. 3 изделия были покрыты бесцветной поливой поверх мраморовидного декора. Большая часть изделий (136 ед.) не имели ангоба или иного подглазурного декора (изобр. 2, 3; см. Приложение 1).

Изобр. 3. Таблица распределения цветности покрытия (сост. Жирова А. Г.)

Белоглиняные изделия цилиндрической формы, покрытые сверху слоем поливы различных цветов, являются частой находкой в культурном слое Москвы XVIII–XIX веков (изобр. 4). Исследователи трактуют аналогичные находки как разновесы, фигурки для настольной игры (Корзухина, 1963, с. 89), пробки, пробники глазури, декоративный элемент для клумб, однако чаще всего они упоминаются под определением «белоглиняные изделия». Аналогичные находки часто встречаются при раскопках парковых комплексов Санкт-Петербурга, где они интерпретируются как «керамические «штуки» для партеров» (изобр. 5). Данные изделия применялись в парковом искусстве для создания из «мертвых материалов» декоративного рисунка на партерах (Коренцвит, 2015, с. 377, 378).

Изобр. 4. Белоглиняные поливные изделия из раскопок в Москве (1. Китайгородский пр-д, вл. 9/5, 2019–2020 гг., 2. Дубининская наб., 59–69, 2021 г.). Фото Моисеевой С. В.

Партер — декоративная открытая геометрически построенная композиция из низких растений в горизонтальной плоскости, образует парадную часть регулярного парка, разбивается у главных зданий, у монументальных сооружений и памятников. Большое место отводится газону, цветнику из ковровых растений, которые в сочетании с водоемами, скульптурой, декоративным мощением и т. п. образуют единый ансамбль. Характеризуется строгостью линий и форм. «Партер есть род цветника, лежащий на ровном месте и украшенный цветами, травами, кусточками и прочим» (Осипов, 1793. Ч. 2, с. 119). Одним из видов партера, характерным для периода расцвета классического садового искусства конца XVII — начала XVIII века был партер кружевной — вид садового партера со сложным рисунком, выполненным из «мертвых» материалов, обычно на фоне песка (Вергунов, Горохов, 1988, с. 399–400).

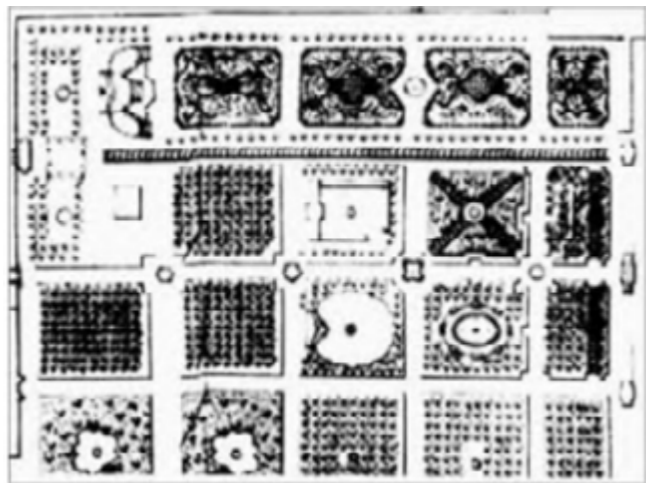

Изобр. 5. Керамические разноцветные «штуки». Раскопки в Летнем саду Санкт-Петербурга в 1977–1978 гг.

В XVIII веке партеры получили широкое распространение не только в дворцовых парках, но и в частных усадьбах. Цветы являлись не единственным средством художественной выразительности парадных партеров. Широко использовался также одноцветный газон, бордюры из брусники, а также искусственные сыпучие материалы, которые также вносили большое разнообразие в рисунок и цветовое решение партеров, среди них кирпичная и мраморная крошка, ракушки, цветной песок и т. д. (Вергунов, Горохов, 1988, с. 42).

В качестве «мертвых материалов» для декорирования партеров использовались также глазурованные керамические изделия, именуемые современниками «шариками», «глиняными раскрашенными штуками», «глиняными шкаликами». В 1754 г. из Канцелярии от строений поступило распоряжение: «Имеющиеся у Шрейдера в наличии за употреблением на партеры в новопостроющемся саду, именуемом лабиринте, глиняные шкалики, а именно: круглых белых 250, синих 2000, красных 360, зеленых 1170, желтых 3200, черных 460 и того круглых 7440,

брусковых белых 10, синих 240, зеленых 460, желтых 470 и того 1180. Всего круглых и брусковых 8640 для убирания в Петергофских садах и партерах отправить в Петергоф». На Невские кирпичные заводы были посланы образцы «глиняных раскрашенных штук», которые должны были стать украшением партер в Петербурге и Петергофе по рисункам Ф. Б. Растрелли (изобр. 6) (Коренцвит, 2015, с. 378).

Изобр. 6. Большой партер. Фрагмент плана Летнего сада. Ок. 1745 г. (Коренцвит, 2015, с. 378)

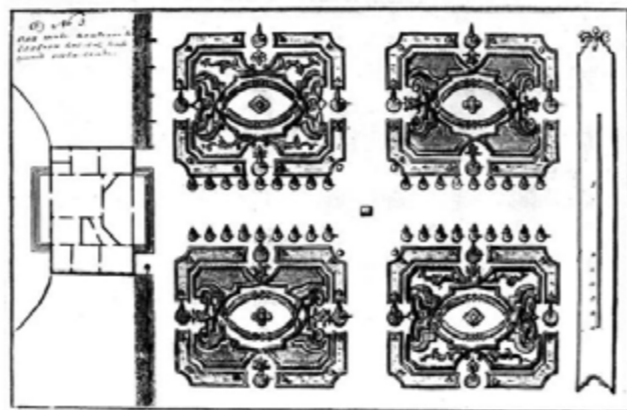
Партеры Нижнего парка Петергофа украшались разноцветными керамическими шарами и «мухоморами». Контуры сложных узоров цветников обводились глазурованными брусками или раковинами, а дорожки между ними посыпались белым, желтым и красным толченым кирпичом или измельченным стеклом (Архипов Н. И., Раскин А. Г. Петродворец. Л.; М., 1961, с. 24).

В 1762 г. Бецкой предложил использовать вместо искусственных материалов живые цветы: «В Верхнем против дворца и в Нижнем садах цветники и партеры украшаются песком, кирпичом и шкаликами стеклянными и муравленными. В случае же дождя и ветров сваливаются и своей красоты лишаются, и весь труд втуне исходит, к тому же шкалики, коих никак уберечь не можно, растаскивают <...>. Ноября, 18 дня, 1762 году» (Коренцвит, 2015, с. 380).

Изобр. 7. Панорама усадьбы Кусково. Гравюра по рисунку М. И. Махаева (Вергунов, Горохов, 1988, с. 76)

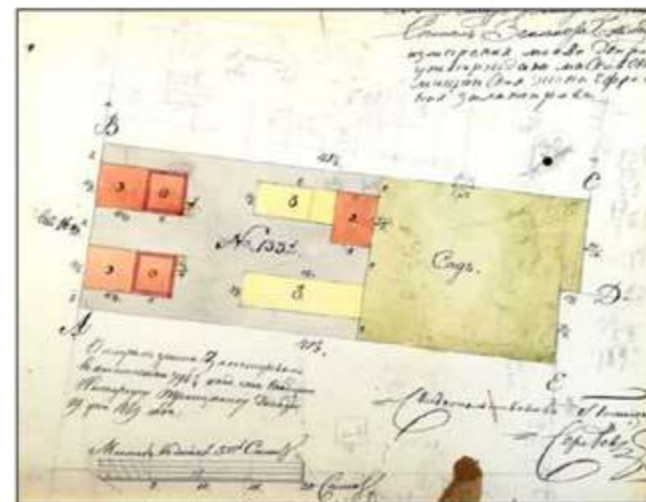
Вслед за Петербургом партеры получили распространение в парках и усадьбах Москвы. Среди московских усадеб второй четверти и середины XVIII века выделяется ансамбль Кусково, который вошел в число наиболее выдающихся шедевров русского садового искусства. В этой вотчине Шереметевых рядом с обширным прудом в первой половине XVIII века был заложен один из первых московских регулярных садов, который по своей схеме напоминает сады Петербурга этого периода. В центре — партерная полоса, ограниченная с одной стороны дворцом, а с другой — оранжереей (изобр. 7; Вергунов, Горохов, 1988, с. 76). Партеры украшали парки Останкино, Архангельска и других крупных усадеб. В середине XVIII века в Подмоскovie работали замечательные мастера садового дела, из числа которых особо выделялся Ф. Пермяков. Известны его проекты устройства регулярных садов в Братовщине, Алексеевском, Воробьеве и других усадьбах, отличающихся оригинальностью творческого подхода. Так, в Воробьеве по краям сада с партерами и боскетами были созданы большие квадратные березовые рощи, прорезанные дорогами, которые в плане образуют рисунок звезды. Излюбленным Ф. Пермяковым приемом оформления партеров было устройство «вензелей», выполненных с помощью каменной крошки и цветочных растений (Вергунов, Горохов, 1988, с. 77). Партеры украшали и городские усадьбы. Ярким примером является партер, созданный архитектором Д. В. Ухтомским перед главным домом в Нескучном (изобр. 8).

Изобр. 8. Нескучное. План партера перед главным домом, 1753 г. Архитектор Д. В. Ухтомский (Вергунов, Горохов, 1988, с. 77)

Частые находки партерного декора в Москве могут быть свидетельством того, что и небольшие сады внутри Камер-Коллежского вала украшались керамическими «штуками».

Участок, на котором производились археологические исследования 2024 г., в XVIII–XIX веках был занят садом, указанным на плане владения

Изобр. 9. План владения мещанки Е. С. Золотаревой, 1829 г. Фрагмент. ЦГА Москвы. Ф. Т-1. Оп. 9. Д. 595. Д. 1. Л. 1

купчихи Е. С. Золотаревой (до 1829 — после 1852 г.) (изобр. 9). Возможно, керамические глазурованные «штуки» использовались в декоре существовавшего здесь сада в подражание модным в то время веяниям паркового декора дворянских усадеб. Позже, когда мода на подобный декор прошла, ставший неактуальным декор был вмести с устаревшими печеными изразцами и разбитой посудой погребен в хозяйственной яме на территории сада, где и был обнаружен в ходе работ 2024 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипов Н. И., Раскин А. Г. Петродворец. — Л.; М., 1961. — С. 331.
- Вергунов А. П., Горохов В. А. Русские сады и парки. — М., 1988. — С. 441.
- Корзухина Г. Ф. Из истории игр на Руси // СА. — 1963. — № 4. — С. 85–102.
- Коренцвит В. А. Летний сад Петра Великого. Рассказ о прошлом и настоящем. — М., 2015.
- Осипов Н. П. Новой и совершенной русской садовник, или подробное наставление Российским садовникам, огородникам и наипаче любителям садоводства. — СПб., 1793.

Приложение 1

Номер п/о	Цвет поливы	Ангоб	Подглазурный декор	Высота (см)	Диаметр (см)	Вес (г)
217/1	желтая	нет	нет	3,6	2,7	36,6
217/2	желтая	нет	нет	3,5	3	39,8
217/3	желтая	нет	нет	—	2,6	—
217/4	желтая	нет	нет	3,6	3,1	41,9
217/5	желтая	нет	нет	3,8	2,9	41,1
217/6	желтая	нет	нет	3,6	2,9	—
217/7	желтая	нет	нет	3,6	2,7	36
217/8	желтая	нет	нет	3,2	2,7	27,9
217/9	желтая	нет	нет	3,8	3,2	50,7
217/10	желтая	нет	нет	3,7	2,8	39,9
217/11	желто-зеленая	нет	нет	4	2,7	—
217/12	желтая	нет	нет	3,7	2,9	40,4
217/13	желтая	нет	нет	3,4	3,1	—
217/14	желтая	нет	нет	3,5	3,1	44,9
217/15	желтая	нет	нет	3,7	2,9	39,9
217/16	желтая	нет	нет	3,3	3,1	41,3
217/17	желтая	нет	нет	4,7	3,3	60,4
217/18	желтая	нет	нет	3,6	3,1	48
217/19	желтая	нет	нет	4,8	3	57,4
217/20	желтая	нет	нет	4,1	3,4	61,8
217/21	желтая	нет	нет	3	2,7	28,2
217/22	желтая	нет	нет	3,6	2,8	39,5
217/23	желтая	нет	нет	3,9	2,8	41,7
217/24	желтая	нет	нет	3,8	2,8	39,9
217/25	желтая	нет	нет	3,5	3	—
217/26	бесцветная	нет	нет	3,9	3	44,3
217/27	бесцветная	нет	нет	3,5	3	28,45
217/28	бесцветная	нет	нет	3,4	2,7	34,24
217/29	бесцветная	нет	нет	2,8	3,4	33,4
217/30	бесцветная	нет	нет	3,1	2,7	27,2
217/31	бесцветная	нет	нет	3,4	2,8	34
217/32	бесцветная	нет	нет	3,2	2,8	33,5
217/33	бесцветная	нет	нет	3,5	2,9	35,35
217/34	бесцветная	нет	нет	3,1	2,5	—
217/35	бесцветная	нет	нет	3,5	2,7	33,7
217/36	бесцветная	нет	нет	3,3	2,7	31,8
217/37	бесцветная	нет	нет	3,6	3	38,5
217/38	бесцветная	нет	нет	3,9	3,6	61,1
217/39	бесцветная	нет	нет	3,6	3,1	47,5

217/40	бесцветная	нет	нет	2,7	3,3	28,6
217/41	бесцветная	нет	нет	3,4	2,6	28,8
217/42	бесцветная	нет	нет	3,5	3,2	50,7
217/43	бесцветная	нет	нет	3,4	3	42,5
217/44	бесцветная	нет	нет	3,2	2,6	31,2
217/45	бесцветная	нет	нет	3	2,8	29,8
217/46	бесцветная	нет	нет	3	2,7	29
217/47	бесцветная	нет	нет	2	2,7	40,1
217/48	бесцветная	нет	нет	—	2,7	—
217/49	бесцветная	нет	нет	2,8	3,4	32
217/50	бесцветная	нет	нет	3,3	2,6	30,3
217/51	бесцветная	нет	нет	3	2,8	30,1
217/52	бесцветная	нет	нет	3,7	2,6	—
217/53	бесцветная	нет	нет	3,2	2,7	30,4
217/54	бесцветная	нет	нет	3,5	2,8	37,4
217/55	бесцветная	нет	нет	3,5	2,8	33,7
217/56	бесцветная	нет	нет	3,4	3,1	39
217/57	бесцветная	нет	нет	3,8	3	45,5
217/58	бесцветная	нет	нет	3,7	2,9	40,9
217/59	светло-коричневая	нет	нет	2,9	3,7	—
217/60	светло-коричневая	нет	нет	3,5	3	—
217/61	светло-коричневая	нет	нет	3,7	2,8	40,4
217/62	желтая	нет	нет	3,6	3,1	44,4
217/63	бесцветная	нет	мраморовидная роспись	3,6	2,8	39,1
217/64	светло-коричневая	нет	нет	3,6	2,8	39,1
217/65	бесцветная	нет	мраморовидная роспись	3,5	2,7	34,7
217/66	бесцветная	нет	мраморовидная роспись	3,5	2,8	36,4
217/67	коричневая	нет	нет	3,7	2,8	40,5
217/68	коричневая	нет	нет	3,4	3,1	40,28
217/69	коричневая	нет	нет	3,4	2,9	37,3
217/70	коричневая	нет	нет	3,6	2,9	—
217/71	коричневая	нет	нет	3,5	3,2	42,7
217/72	синяя	нет	нет	3,6	3,2	43,5
217/73	светло-коричневая	белый	нет	3,3	3,1	—
217/74	светло-коричневая	нет	нет	2,9	2,8	31,9
217/75	светло-коричневая	нет	нет	3,2	2,9	36,7
217/76	коричневая	красный	нет	3,5	2,9	37,9
217/77	коричневая	нет	нет	3,1	2,7	28,6
217/78	коричневая	красный	нет	3,6	2,7	36,8
217/79	коричневая	красный	нет	3,6	2,8	37,5

217/80	коричневая	красный	нет	3,6	3	42,1
217/81	коричневая	красный	нет	2,7	3,1	29,3
217/82	коричневая	красный	нет	3,2	2,6	28,7
217/83	красно-коричневая	нет	нет	3,1	2,5	27,7
217/84	коричневая	нет	нет	3,2	2,7	29,5
217/85	коричневая	красный	нет	3,6	2,8	37,2
217/86	коричневая	красный	нет	3,1	2,7	28
217/87	коричневая	нет	нет	3,1	2,8	32
217/88	коричневая	нет	нет	3,4	2,7	30
217/89	коричневая	нет	нет	3,8	3,5	60,5
217/90	темно-коричневая	нет	нет	3,3	2,6	—
217/91	коричневая	нет	нет	3,3	2,7	30
217/92	коричневая	нет	нет	3,2	2,6	—
217/93	коричневая	нет	нет	3,6	2,3	28,5
217/94	коричневая	нет	нет	3,5	2,7	35,6
217/95	коричневая	нет	нет	3,2	2,7	31
217/96	темно-коричневая	нет	нет	3,7	3	39
217/97	темно-коричневая	нет	нет	3,6	2,7	35,4
217/98	темно-коричневая	нет	нет	3,1	2,6	28,2
217/99	темно-коричневая	нет	нет	3	2,8	—
217/100	коричневая	нет	нет	3,2	2,7	31,2
217/101	коричневая	нет	нет	3,2	2,7	31,2
217/102	синяя	нет	нет	3,4	3,1	38,7
217/103	синяя	нет	нет	2,5	3,1	—
217/104	синяя	нет	нет	3,7	2,9	—
217/105	синяя	нет	нет	3,2	2,7	30,4
217/106	синяя	нет	нет	3,2	2,7	29,5
217/107	синяя	нет	нет	3,2	2,7	30,38
217/108	синяя	нет	нет	3,1	2,8	30,3
217/109	синяя	нет	нет	3,5	3	44,2
217/110	синяя	нет	нет	3,2	2,7	29,5
217/111	синяя	нет	нет	3,3	2,6	—
217/112	синяя	нет	нет	3,2	2,8	—
217/113	синяя	нет	нет	3,4	2,7	30,8
217/114	синяя	нет	нет	3	2,8	—
217/115	синяя	нет	нет	3,5	2,7	34,9
217/116	синяя	нет	нет	3,3	2,7	—
217/117	синяя	нет	нет	3,1	2,7	28,71
217/118	синяя	нет	нет	3,5	3	37,3
217/119	синяя	нет	нет	3	2,7	29,5
217/120	синяя	нет	нет	3,1	2,8	30,1
217/121	синяя	нет	нет	3,6	3	38,7

217/122	синяя	нет	нет	3,2	2,6	30,3
217/123	синяя	нет	нет	3,6	2,9	41
217/124	синяя	нет	нет	3,1	2,4	25,9
217/125	синяя	нет	нет	3,8	—	—
217/126	синяя	нет	нет	3,5	2,8	—
217/127	синяя	нет	нет	3	2,9	29,8
217/128	синяя	нет	нет	3	2,7	28
217/129	синяя	нет	нет	3,7	2,7	—
217/130	синяя	нет	нет	3,4	2,6	28
217/131	синяя	нет	нет	3,1	2,7	28,3
217/132	синяя	нет	нет	3,1	2,7	29
217/133	синяя	нет	нет	3,1	2,7	27,4
217/134	синяя	нет	нет	3,2	2,6	—
217/135	синяя	нет	нет	3,2	2,7	—
217/136	синяя	нет	нет	3,4	3	39,4
217/137	синяя	нет	нет	3,2	2,6	—
217/138	синяя	нет	нет	3,5	—	—
217/139	синяя	нет	нет	3	2,98	30,7
217/140	синяя	нет	нет	3	2,8	26,6
217/141	зеленая	нет	нет	3,8	2,9	42,7
217/142	зеленая	нет	нет	4	3,4	58,8
217/143	зеленая	нет	нет	3,9	3,1	43,5
217/144	зеленая	нет	нет	3,8	3,1	44,2
217/145	зеленая	белый	нет	3,8	2,9	41,5
217/146	зеленая	белый	нет	3,6	3	43,8
217/147	зеленая	нет	нет	3,4	3,1	40,6
217/148	зеленая	нет	нет	3,8	2,9	40,6
217/149	зеленая	нет	нет	3,7	3	40,8
217/150	зеленая	белый	нет	3,5	3	38,4
217/151	зеленая	нет	нет	3,8	3,1	41,1
217/152	зеленая	нет	нет	3,4	3	—
217/153	зеленая	белый	нет	3,6	2,8	38,3
217/154	зеленая	нет	нет	3,9	3,4	58,7
217/155	зеленая	нет	нет	3,9	3	43,2
217/156	зеленая	белый	нет	3,6	2,8	39,4
217/157	зеленая	нет	нет	4	3,5	58,6
217/158	бесцветная	нет	нет	—	—	—

Некрополь храма пророка Божия Или в Москве: антропологическое исследование

Беркович В. А., Фролов Н. В., Афанасьева А. О., Рассказова А. В.
Некрополь храма пророка Божия Или в Москве: антропологическое исследование

Беркович В. А., Фролов Н. В., Афанасьева А. О., Рассказова А. В.

Введение

Участок исследования 2024 г. (Открытый лист — Фролов Н. В.) находился на восточном склоне обширного Обыденского холма, образованного руслом ручья Черторый (ныне Соймоновский проезд) и безымянной балкой (ныне 1-й Зачатьевский переулок). Раскоп находился на территории церкви Ильи Пророка Обыденного (изобр. 1) и приурочен к подпорной стене, находящейся к юго-востоку, северо-востоку и частично северо-западу от здания церкви, что определило его размеры (18 × 2 м) и ориентацию.

Изобр. 1. Храм пророка Божия Или (Ильи Пророка Обыденного). Фото 2024 г.

Первый деревянный храм был воздвигнут за один день, по преданию — лично Василием III. О существовании храма в конце XVI — начале XVII века свидетельствует синодик, составленный при патриархе Иове, в 1589–1607 гг. (Любимов, Соколов, 1904). Централизованно кладбище при церкви было закрыто в 1771 г. во время моровой язвы или вскоре после этого, однако захоронения производились и позже. Каменное здание храма построено в 1702–1706 гг. на средства думного дьяка Г. Ф. Деревнина. В 1837 г. сооружена каменная ограда. Трапезная и колокольня возведены в 1866–1868 гг. по проекту архитектора А. С. Каминского (Паламарчук, 1994).

В литературе опубликованы эпитафии пяти закладных надгробий с данного кладбища (Любимов, Соколов, 1904). Фрагмент еще одной могильной плиты с надписью обнаружен при работах 2024 г. (изобр. 2). Размер фрагмента 38 × 34 × 10,5 см. На торце надгробия — фрагмент резной надписи. Сохранились части двух

Изобр. 2. Надгробие (фрагмент) второй половины XVII — начала XVIII века, обнаруженное при археологических работах 2024 г. (№ 37 по полевой описи)

нижних строк. Высота строки — 2,5 см, междустрочия — 1,5 см.

Читается:

[...о]ктовр[я] 28 чи[сл]а [...]
[...тело] е[с]т под с[т]ол[ом] [каменем]

По аналогиям надгробие может быть датировано второй половиной XVII — началом XVIII века (Беркович и др., 2017, с. 107, 109, 113. УБЧ-1, УБЧ-2, УБЧ-7).

В ходе работ 2024 г. было обнаружено еще 10 небольших фрагментов надгробий этого периода. В грунте также были обнаружены отдельные археологические предметы, датированные XVII–XIX веками, находившиеся в переложном состоянии. Коллекция археологических находок включает в себя 38 предметов, переданных в музейный фонд Москвы. Человеческие останки после исследований (изобр. 3, 4) были перезахоронены по православному обряду на территории храма пророка Божия Или (Ильи Обыденного) (изобр. 5).

Изобр. 3. Расчистка скопления костей. Рабочий момент

Материалы и методы

Материал исследования представляет собой скелетированные останки разновозрастных индивидов. Все они извлечены из раскопа, где начиная с уровня –40 см вся толща грунта была насыщена отдельными человеческими костями. В ходе археологических работ не было зафиксировано ни одного труположения, а также случаев взаиморасположения костей в анатомическом порядке, что позволяет утверждать, что ко времени захоронения в данном месте тела были полностью скелетированы (изобр. 3). В некоторых случаях отмечается близкая локализация морфологически схожих костей правой и левой сторон скелета, которые можно было бы отнести к одному индивиду, что можно связать с единовременным переотложением их обнаружения.

Захоронение характеризуется как вторичное, возможно санитарное. Учитывая предполагаемую переотложенность останков, подсчет минимального числа индивидов, определение пола и возраста, а также подсчет патологических изменений велись по каждому типу костей, для правой и левой стороны скелета.

Тафономические особенности захоронения и сохранность костей

Глубина захоронения (не считая отдельных разрозненных костей) фиксируется с уровня –80...–120 см. Почвенные слои — легкие, рыхлые супеси с включениями битого кирпича и извести. Грунт не насыщен водой. Некоторые скопления останков группировались компактно; между костями остались пустоты, не заполненные грунтом. Это позволяет предположить, что изначально перезахоронение производилось в мешках или, что более вероятно, в ящиках, что больше соответствует размерам скоплений костей. Отдельно следует отметить, что остатков ящиков или мешков обнаружено не было, что связано с характером грунта.

Изобр. 4. Визуальный осмотр найденного черепа. Рабочий момент

Сохранность костей неравномерна, часть костей и почти все черепа фрагментированы. Отмечаются два основных вида сохранности костной ткани: полная сохранность структурных элементов, включая губчатую ткань эпифизов и поверхность компакты, и сохранность только наиболее плотных участков диафизов костей с потерей структуры поверхности и разрушением большей части губчатого вещества.

Практически не представлены мелкие элементы скелета, такие как кости кистей и стоп, позвонки, фрагментированные ребра. В исследованной выборке представлены 24 шейных (1,4% от количества позвонков шейного отдела, соответствующих минимальному числу индивидов в группе), 71 (2,5%) грудной и 72 (6,1%) поясничных позвонков. Вероятно, по той же причине кости детей младших возрастных групп представлены в небольшом объеме — минимальное число индивидов в возрасте до 1 года составляет 8 человек.

На костях отмечаются два вида посмертных повреждений (рубленные и колотые) с признаками затертости и долговременного воздействия различных почвенных факторов, вследствие чего они не могут быть отнесены к свежим повреждениям раскопным инструментом. Рубленные повреждения идентифицированы как следы

Изобр. 5. Церемония перезахоронения человеческих останков, извлеченных и исследованных в ходе археологических работ 2024 г.

от ударов штыковой лопаты (изобр. 6), а колотые — как следы вил с расстоянием между зубьями около 6 см (изобр. 7). Все выявленные повреждения нанесены под практически прямым углом к продольным осям костей. Такое взаиморасположение повреждающих инструментов и останков возможно, например, при изъятии костей с места первоначального захоронения.

Изобр. 6. Повреждение бедренной кости (предположительно, лопатой)

Результаты подсчета числа индивидов

Для подсчета минимального числа индивидов для каждого типа костей выбраны наиболее сохранные участки. Для черепа это затылочная кость или ее фрагменты с сохранением центральной части, лобная кость или ее фрагменты с сохранением области точки glabella, височная кость или ее части с сохранением пирамиды. Для ключицы это тело кости; для ло-

патки — латеральные структуры в области плечевого сустава; для плечевой — дистальные 3/4 диафиза; для локтевой и лучевой — проксимальные 3/4 диафиза; для таза — область сращения седалищной, подвздошной и лобковой костей; для бедренной и большеберцовой — проксимальные 2/3 диафиза. Результаты подсчетов приведены в таблице 1. Таким образом, в траншее найдены как минимум: фрагменты черепов — 97 человек, фрагменты ключиц — 22 человек, лопатки — 35 человек, плечевые кости — 128 человек, локтевые кости — 113 человек, лучевые кости — 109 человек, фрагменты таза — 81 человека, бедренные кости — 238 человек, большеберцовые кости — 162 человек. Таким образом, минимальное число индивидов, захороненных на изученном участке, будет соответствовать числу наиболее сохранных бедренных костей и составит 238 человек (табл. 1). Максимальное же число составит 985 человек — сумма минимального числа индивидов по каждому типу костей в том случае, если все кости относятся к разным индивидам.

Изобр. 7. Колотые повреждения бедренной кости (предположительно, вилами)

Анализ половозрастного состава

Определение пола производилось на основании анализа комплекса признаков на тазовых костях, а также на черепах в тех случаях, когда позволяла сохранность. В результате получены примерно равные показатели количества мужчин и женщин в выборке, что для городского некрополя XVII–XVIII века ожидаемо. Так, по тазовым костям количество мужчин незначительно превалирует (43 мужчины и 37 женщин), а по признакам на костях черепа количество мужчин и женщин примерно равно (21 мужчина и 22 женщины).

При определении возраста взрослых производилась комплексная оценка степени стертости зубов¹, зарастания швов черепа, синостозирования эпифизов длинных трубчатых костей², изношенности суставных поверхностей крупных суставов, изменения рельефа лобкового симфиза и ушковидной поверхности тазовых костей³. Основное определение возраста производилось

Таблица 1. Результаты подсчета минимального числа индивидов

	Справа	Слева	Затылочная	Лобная
Череп	74	81	97	65
Ключица	22	21	—	—
Лопатка	35	35	—	—
Плечевая	128	104	—	—
Локтевая	109	113	—	—
Лучевая	101	109	—	—
Таз	78	81	—	—
Бедренная	238	238	—	—
Большеберцовая	148	162	—	—

Таблица 2. Результаты определения возраста детей

Возраст	Плечевые кости	Бедренные кости	Большеберцовые кости	Лобная
0–1 год	74	81	97	65
1–4 года	22	21	—	—
5–9 лет	35	35	—	—

на основании оценки состояния зубной системы. При этом распределение признака по полу не производилось ввиду отсутствия достоверных критериев пола на изолированных челюстях и их фрагментах.

По нижним челюстям выделено 66 индивидов, по верхним — 44. Наибольшее количество челюстей по степени стертости зубов может быть отнесено к возрастным категориям 25–35 и 35–45 лет. Только 10 нижних челюстей (15%) и 6 верхних (14%) отнесены к категории старше 45 лет. На долю наиболее молодой категории 15–25 лет приходится 17 нижних челюстей (25%) и 9 верхних (20%). Такое распределение близко к нормальному распределению возрастного состава городской выборки XVII–XVIII веков.

Таким образом, половозрастной состав взрослой части выборки соответствует картине нормального распределения показателей в городской выборке.

При определении возраста детей оценивались стадии развития и прорезывания зубов⁴, синостозирования эпифизов длинных костей, а также проводилось соотношение продольных размеров длинных костей с возрастными категориями⁵. Возраст детей определен с точностью до года в младших возрастных когортах и до двух лет — в старших.

Челюстей и фрагментов черепов детей мало, подсчет количества индивидов в каждой возрастной категории велся по длинным костям

(плечевые, бедренные, большеберцовые) одной из сторон. Результаты представлены в таблице 2. На их основании рассчитан показатель детской смертности, который относительно общей смертности в группе составляет всего 15%, что значительно ниже ожидаемых для городского некрополя XVII–XVIII веков нижних пороговых показателей в 30–40%. Такая картина объясняется тафономическими особенностями, прежде всего — потерей мелких детских костей при перезахоронении.

Палеопатологический анализ

Программа фиксации маркеров стресса и патологических состояний включала регистрацию патологий зубочелюстного аппарата, травм, периостальных реакций, дегенеративно-дистрофических изменений (Бужилова, 1995; Aufderheide et al, 1998; Waldron, 2009). Также была произведена оценка степени развития костного рельефа в местах прикрепления мышц.

Зубочелюстные патологии

Кариес — деминерализация и деструкция твердых тканей зуба. Распространенность кариеса обычно ассоциируется с углеводным компонентом рациона и считается надежным его индикатором. В исследованной выборке кариес наблюдается на 60% челюстей взрослых старше 30 лет. Этот показатель характерен для городских жителей со смешанным типом питания, в рационе которых при значительной доле углеводов присутствует и белковый компонент.

Изобр. 8. Карииес: а) — пришеечный карииес боковой поверхности премоляра верхней челюсти; б) — кариозные разрушения коронок премоляров и моляров верхней челюсти

На изобр. 8 представлены примеры поражений зубов взрослых.

Гипоплазия эмали зубов — линейные дефекты толщины эмали вследствие нарушения ее формирования на ранних этапах онтогенеза. Причинами могут стать значительные по силе и продолжительности стрессы, связанные с инфекционными заболеваниями, лихорадками, недостатком питательных веществ, глистными инвазиями и т. д. В исследованной выборке линейная эмалевая гипоплазия зарегистрирована на 35% доступных для исследования челюстей, преимущественно на клыках нижних челюстей, процесс формирования эмали которых приходится на один из уязвимых периодов детства — 2,5–4 года (изобр. 9). На других зубах эпизоды задержки роста отражались значительно слабее. Такой показатель свидетельствует о том, что как минимум треть обследованных взрослых в детстве в возрасте около 2–4 лет не имели достаточно ресурсов для беспрепятственного роста и развития организма. Однако для наблюдаемых взрослых эти пережитые в детстве эпизоды не стали фатальными. Причиной дефицита могли служить перенесенные (в том числе в еще более раннем возрасте) инфекционные заболевания, длительная алиментарная недостаточность и др.

Изобр. 9. Гипоплазия эмали клыка верхней челюсти справа

Утрата зубов — регистрировалась в случае полной или значительной (больше 50%) облитерации альвеолярной ячейки (изобр. 10). В рассматриваемой группе утрата зубов коррелирует с возрастными изменениями челюсти. Только в двух случаях наблюдалась утрата передних зубов в относительно молодом возрасте — на челюстях, предположительно принадлежавших мужчинам 25–35 лет. Характер повреждения лунок позволяет предположить, что утрата зубов в этих двух случаях — следствие удара в челюсть, вероятнее всего, бытовая травма.

Пародонтопатии — обобщенный термин для нескольких групп патологий, включая пародонтоз и пародонтит. При их регистрации учитываются признаки гиперваскуляризации альвеолярного края челюсти с изменением формы альвеолярной ячейки; обнажение более половины корня зуба; наличие периапикальных абсцессов. Признак характерен для большей части обследованных челюстей, в том числе молодого возраста, что говорит о неблагоприятном в целом состоянии здоровья полости рта у рассматриваемого населения.

Сколы эмали — фиксировались макроскопически различные повреждения эмали со следами

прижизненного затирания и износа. Встречаются у большинства взрослых выборки (изобр. 11), что может свидетельствовать как о специфике диеты (твердые включения в пищу), так и об использовании зубов в качестве вспомогательного инструмента в повседневной деятельности.

Изобр. 10. Прижизненная утрата зубов с полной облитерацией альвеолярной ячейки

Зубной камень — минерализованные отложения на поверхности зуба — встречается у 80% взрослых изученной группы, однако значительной степени выраженности не наблюдается (изобр. 12), что соответствует сделанным ранее выводам о смешанном характере диеты населения.

Изобр. 11. Сколы эмали премоляра и моляра верхней челюсти слева

Признаки инфекционных заболеваний

Наиболее многочисленная группа патологий, признаки которых отмечаются на плоских костях свода черепа и длинных костях посткраниального скелета. Проявляется в виде костных новообразований, рост которых происходит со стороны надкостницы. Реакции неспецифические, проявляются в ответ на патологические изменения подлежащей кости вследствие инфицирования или травмы. Такие периостальные реакции костной ткани обусловлены способностью надкостницы сохранять остеобластические свойства на протяжении всей жизни. Эта

Изобр. 12. Отложения зубного камня на зубах верхней челюсти

группа патологических состояний отмечается чаще всего на костях свода черепа (8 случаев) и большеберцовых костях (35 случаев), реже на бедренных (7 случаев). Несмотря на то что патология является неспецифической, следует отметить, что периапикальные реакции на костях, находящихся вблизи поверхности кожи (большеберцовые и кости черепа), характерны для трепанематозных инфекций (прежде всего сифилиса) (Бужилова, 1999; Ortner, 2003). Характер периостальных реакций (в 13 случаях периостит сочетается с гуммозным остеоитом) также свидетельствует в пользу этого диагноза. На фото представлены примеры предположительных случаев сифилиса: гуммозные поражения лобной кости (изобр. 13) и сочетание

Изобр. 13. Гуммозные изменения лобной кости при сифилисе

Изобр. 14. Гуммозный остеит большеберцовой кости

периостита с гуммозным остеитом большеберцовых костей (изобр. 14, 15). Распространенность данного патологического состояния в выборке дает основание предположить общее неблагоприятное состояние здоровья группы.

На верхних челюстях — в 14 случаях из 40 доступных для исследования — наблюдаются периостальные новообразования на внутренней поверхности верхнечелюстных пазух. Этот признак является одним из проявлений хронического синусита. Частота встречаемости его (35%) в изученной выборке близка к нижнему пороговому значению для средневековой Европы (Козак, 2007).

Изобр. 15. Гуммозный остеит большеберцовой кости

Остеома — доброкачественное новообразование костной ткани — встречена в выборке 4 раза на костях черепа. Остеомы такого типа бессимптомные и не меняют качества жизни.

Поротический гиперостоз (Cribra orbitalia и Cribra cranii)

Данная патология ассоциируется с анемиями различного генеза и считается их индикатором, но может расцениваться и как маркер патогенной инвазии, перенесенной в детском возрасте. Cribra orbitalia — частный случай поротического гиперостоза на верхней стенке орбиты. Определялся макроскопически. В исследованной выборке не встречается у мужчин, а на женских черепах отмечается в 35% случаев. Cribra cranii (в теменно-затылочной области) отмечается на 30% доступных для исследования кос-

тей этой зоны. Из-за фрагментированности останков распределение Cribra cranii по полу не производилось.

В рассматриваемой группе проявление признаков поротического гиперостоза преимущественно на женских черепах может быть связано как с анемиями из-за меняющейся физиологической потребности женщин в железе, так и с различными условиями жизни для детей и подростков разного пола, например с худшим питанием для девочек. Однако вопрос требует дальнейшего изучения.

Дегенеративно-дистрофические изменения

Дегенеративно-дистрофические изменения позвоночника — обобщенный признак, куда были включены такие патологии позвоночника, как спондилез, спондилоартроз, хрящевые грыжи, краевые костные разрастания, окостенение участков продольных связок и т. д. Учитывались по количеству вовлеченных позвоночных сегментов (шейный, грудной и поясничный отделы). На изобр. 16 представлен частный случай таких изменений — окостенение передней продольной связки нижней части грудного отдела позвоночника. В остальном дегенеративно-дистрофические изменения позвоночника в изученной выборке не выходят за рамки нормальных возрастных изменений и проявлены незначительно. Однако такая благополучная картина может быть обусловлена тафономическими особенностями — утратой позвонков при перезахоронении.

Изобр. 16. Оссификация передней продольной связки нижней части грудного отдела позвоночника

Дегенеративно-дистрофические изменения суставов также обобщенный признак, куда были включены изменение состояния суставных поверхностей разного типа и разной степени выраженности (новообразования костной ткани, порозность, стертость суставной поверхности), а также краевые разрастания и изменение контура сустава. Большая часть зафиксированных изменений суставов не выходит за рамки возрастных изменений связанных с ними костей. Артриты, не соответствующие возрастным изменениям и превышающие их, встречены в выборке 8 раз и связаны с нагрузкой на коленный, тазобедренный и голеностопный суставы.

Изобр. 17. Энтезопатии на большеберцовой кости в месте крепления камбаловидной мышцы

Оценка степени развития костного рельефа

В выборке представлено значительное количество костей ног с видимым усилением рельефа в местах прикрепления мышц, сгибающих ногу в коленном суставе и выпрямляющих туловище из этого положения (изобр. 17). Для костей верхнего плечевого пояса характерна повышенная частота значительного усиления рельефа в месте крепления двуглавой мышцы плеча к лучевой кости, что характерно для привычной нагрузки при сгибании предплечья и плеча (изобр. 18). Также умеренно усилен рельеф мышц, участвующих в отведении плеча и внешней ротации руки.

Изобр. 18. Энтезопатии на лучевой кости в месте крепления двуглавой мышцы плеча

Травмы

В выборке зафиксированы переломы длинных костей и тупые травмы черепа; в каждом случае механизм повреждения описывался индивидуально. Процент травм относительно сохранившихся элементов костей ничтожно мал — 4 перелома длинных костей, перелом ребра, 8 следов повреждений костей свода черепа, 2 случая выламывания зубов. На основании реконструкции механизма повреждений характер травм интерпретирован как бытовой.

Изобр. 19 — перелом середины диафиза левой бедренной кости, сросшийся задолго до смерти со смещением отломков по длине.

Изобр. 19. Перелом середины диафиза левой бедренной кости

Изобр. 20 — костная мозоль на месте перелома диафиза левой локтевой кости, вид спереди. Перелом сросся без смещения отломков задолго до смерти.

Изобр. 20. Перелом диафиза левой локтевой кости

Изобр. 21 — перелом диафиза левой большеберцовой кости, сросшийся со смещением отломков под углом друг к другу. Костная мозоль имеет признаки воспалительных реакций, протекавших незадолго до смерти.

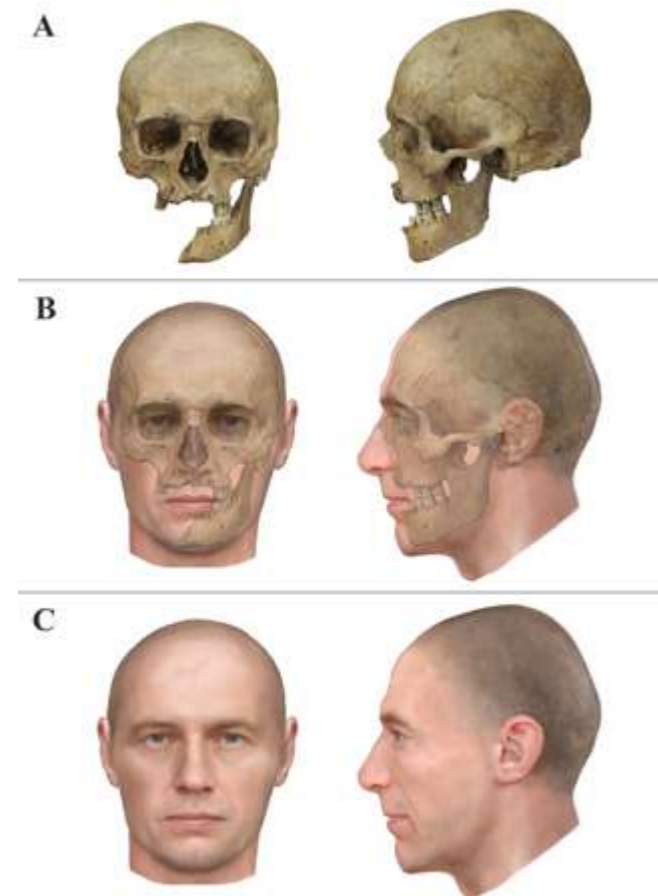

Изобр. 21. Перелом диафиза левой большеберцовой кости

Реконструкция лиц

Для двух черепов, полученных из некрополя церкви Ильи Обыденного, была произведена реконструкция, позволяющая представить

антропологический облик жителей Москвы XVII–XVIII веков (изобр. 22–27). Автор реконструкции — Рассказова Анна Владимировна, сотрудник Лаборатории пластической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН.

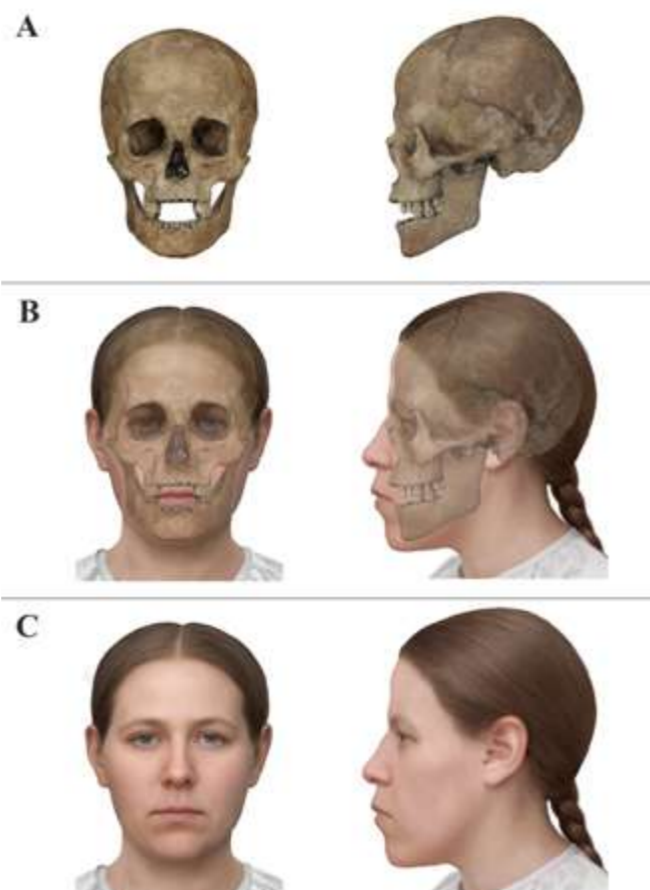
Изобр. 22. Этапы реконструкции облика мужчины.
А — череп в проекциях фас и профиль; В — наложение изображений лица и черепа в проекциях фас и профиль;
С — реконструкция лица по черепу

Изобр. 23. Портретная реконструкция мужчины в фас

Изобр. 24. Портретная реконструкция мужчины в профиль

Изобр. 25. Этапы реконструкции облика женщины.
А — череп в проекциях фас и профиль; В — наложение изображений лица и черепа в проекциях фас и профиль;
С — реконструкция лица по черепу

Изобр. 26. Портретная реконструкция женщины в фас

Изобр. 27. Портретная реконструкция женщины в профиль

Реконструкция лица по черепу была выполнена по стандартной методике на основе метода М. М. Герасимова (Герасимов, 1955) с дополнениями и уточнениями других авторов (Лебединская, 1998; Веселовская, 1997; Веселовская, Балужева, 2012; Рассказова, Веселовская, Пеленицына, 2020). Цвет глаз и волос на представленных реконструкциях гипотетический.

Заключение

Представленные на исследование кости были обнаружены во вторичном захоронении, сделанном в результате массового перемещения останков с территории первоначального погребения, скорее всего кладбища при данном храме. Минимальное число индивидов, захороненных на исследованном участке, составляет 238 человек. Основные демографические показатели взрослой части выборки близки к нормальным данным для позднесредневекового города. Показатели детской смертности низкие, что объясняется недостаточной представленностью детских костей в выборке ввиду тафономических особенностей.

На основании анализа зубочелюстных патологий люди в выборке могут быть охарактеризованы как городские жители со смешанным типом питания, в рационе которых при значительной доле углеводов присутствовал и белковый компонент. Недостаточная гигиена полости рта способствовала развитию воспалитель-

ных процессов мягких тканей ротовой полости. Как минимум треть обследованных взрослых в детстве в возрасте около 2–4 лет пережили эпизоды недостатка ресурсов для беспрепятственного роста и развития организма. Условия жизни и тип питания мужчин и женщин, в том числе в раннем возрасте, могли существенно различаться, что способствовало большему риску развития анемичных состояний у женщин. Травматизм в группе низкий, преимущественно бытовой, связан с повседневной физической активностью: переломы костей рук и ног, тупые травмы черепа, выбитые зубы.

Исследование энтезиальных изменений — маркеров привычной физической активности — дало основание для реконструкции движений, характерных прежде всего для мужчин изучаемой группы. Движения были связаны с одновременным разгибанием поясницы и ног в коленях, при этом рука сгибалась в локте, а плечо отводилось назад под нагрузкой. Эти движения использовались постоянно, но в большинстве случаев не приводили к преждевременному разрушению суставов и инвалидизации, то есть нагрузка не была чрезмерной.

Для группы характерно широкое распространение инвалидизирующих инфекционных заболеваний, в том числе сифилиса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Lovejoy 1985: 49–50.
2. Buikstra, Ubelaker 1994.
3. Lovejoy et al. 1985: 24–25; Buikstra, Ubelaker 1994: 21–32.
4. AlQahtani, Hector, Liversidge 2010: 485.
5. Schaefer, Black, Scheuer 2009: 363–364.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беркович В. А., Егоров К. А. Московское белокаменное надгробие / Каталог. — М., 2017.
2. Веселовская Е. В. Единство закономерностей внутригрупповой изменчивости и межгрупповая дифференциация признаков толщины мягких тканей лица у современного человека // Единство и многообразие человеческого рода. Ч. 1. — М.: ИЭА РАН, 1997. — С. 312–335.
3. Веселовская Е. В., Балуева Т. С. Новые разработки в антропологической реконструкции // Вестник антропологии. — М.: ИЭА РАН, 2012. — Вып. 22. — С. 22–42.
4. Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). — М.: Изд-во АН СССР, 1955.
5. Козак А., Шульц М. Исследование следов воспалительных заболеваний среднего уха и околоносовых пазух у представителей древнерусского населения Киева // Вестн. антропол. — 2003. — Вып. 10. — С. 104–114.
6. Лебединская Г. В. Реконструкция лица по черепу. Методическое руководство. — М.: Старый сад, 1998. — С. 123.
7. Любимов Л., Соколов А. Церковь Св. пророка Илии, что слывет Обыденный. Исторический очерк. — М., 1904.
8. Паламарчук. П. Г. Сорок сороков. Т. 2. — М., 1994.
9. AlQahtani S. J., Hector M. P., Liversidge H. M. Brief communication: the London atlas of human tooth development and eruption // American Journal of Physical Anthropology 142 (2010): 481–490.
10. Buikstra J. E., Ubelaker D. H. (eds.), Standards for data collection from human skeletal remains (Fayetteville, 1994).
11. Buikstra J. E. Ortner's Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains (Academic press, 2019).
12. Cybulski, J.S., 1977. Cribra orbitalia, a possible sign of anemia in early historic native populations of the British Columbia coast. Am. J. Phys. Anthropol. 47, 31–39.
13. Cohen, M., Bennett, S., 1993. Skeletal evidence for sex roles and gender hierarchies in prehistory. In: Miller, B.D. (Ed.), Sex and Gender Hierarchies. Cambridge University Press, Cambridge, pp. 273–296.
14. Hillson S. W. Tooth Development in Human Evolution and Bioarchaeology (Cambridge, 2014).
15. Lovejoy C. O. Dental wear in the Libben population: its functional pattern and role in the determination of adult skeletal age at death // American Journal of Physical Anthropology 68 (1985): 47–56.
16. Rittemard Ch. [et al.] The periosteum dilemma in bioarchaeology: Normal growth or pathological condition? — 3D discriminating microscopic approach // Journal of Archaeological Science: Reports. 2019. Vol. 24. P. 236–243.
17. Schaefer M., Black S., Scheuer L. Juvenile osteology: a laboratory and field manual (London, 2009). Zaura E., Ten Cate, J.M. Towards understanding oral health // Caries Res. 49 (2015): 55–61.

Исследование черепа собаки из колодца XVII века в Москве

Афанасьева А. О., Малков В. А., Савинецкий А. Б., Фролов Н. В.

При археологических работах, сопровождающих строительство в Москве и в других городах, нередко фиксируются интересные историко-этнографические сюжеты, один из которых и является темой данной статьи.

Жизнь любого населенного пункта связана с добычей, доставкой и потреблением воды. Кроме рек-самотеков, в системе водохозяйства средневековых русских поселений важную роль занимали колодцы и трубопроводы (сначала — деревянные, с гидроизоляцией из бересты; позднее — керамические, свинцовые и металлические).

Изобр. 1. Питьевой колодец
(г. Москва, Китайгородский пр-д, вл. 9)

По материалам многолетних археологических работ в Москве колодцы можно разделить на две основных категории: дренажные и водосборные питьевые. С разницей функционального назначения связан и разный вид этих двух категорий колодцев. Питьевые колодцы (изобр. 1), как правило, имеют вертикальные стенки на всем протяжении конструкции, от верха до низа, и имеют линейные размеры, приближающиеся к 1 × 1 м. Зачастую с внешней стороны сооружения проводится гидроизоляция при помощи обмазки глиной, что не позволяет поверхностным сточным водам проникать в колодец, прорытый до водоносного горизонта с чистой питьевой водой. Дренажные колодцы могут достигать больших размеров (линейные размеры до 2 × 2 м), гидроизоляция обычно отсутствует, а в нижней части отмечается пирамидообразное расширение в несколько венцов, служащее для увеличения объема рабочей поверхности колодца (изобр. 2). Часто дренажные колодцы соединяются в единую систему при по-

Изобр. 2. Дренажный колодец
(г. Москва, Малый Козихинский пер.)

мощи деревянных труб (выдолбленные изнутри и ошкуренные полубревна, соединенные между собой) с гидроизоляцией при помощи бересты и глины.

Изобр. 3. Колодец в разрезе. Цифрами отмечены горизонты: 1) строительства; 2) бытования; 3) разрушения
(г. Москва, Малый Козихинский пер.)

Строительная техника постройки колодцев обычно одинакова для деревянного строительства европейской России XVI–XIX веков, отмечены срубы бревен «в лапу» (как с шипом, так и без), а также «в чашу».

Период функционирования отдельного деревянного колодца недолог. Заиливание, засор песком или мусором сверху — и вот уже через несколько лет его надо чистить или копать новый. В археологическом плане разрез колодца дает три периода его жизнедеятельности (изобр. 3):

— горизонт строительства (на изобр. 3 обозначен цифрой 1). Обычно находки, приуроченные к этому горизонту, находятся между стенками колодца с внешней стороны и самой колодезной ямой, попадая туда непосредственно при строительстве и моментально консервируясь;

— горизонт функционирования колодца (на изобр. 3 обозначен цифрой 2). Это придонная часть самого колодца, обычно с крупными фрагментами кувшинов и даже с целыми формами (изобр. 4);

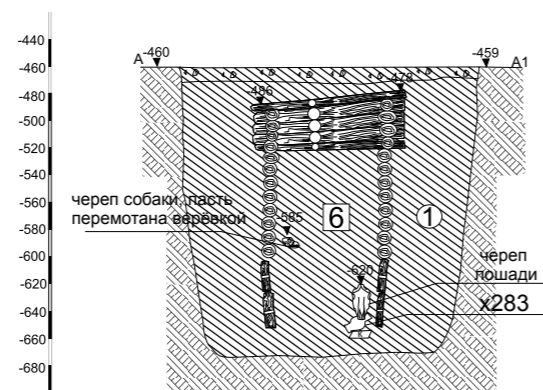

Изобр. 4. Находки кувшинов из колодца (г. Москва, 3-й Обыденский пер.)

— горизонт разрушения (прекращения функционирования) (на изобр. 4 обозначен цифрой 3). В это время происходит уничтожение надземной части колодца, иногда с обрушением части венцов вниз, и нивелирование уровня верха колодца с современной дневной поверхностью. Заполнение колодца на этом горизонте идентично окружающему грунту в верхней части объекта.

Вызывают интерес находки, попадающие в колодец. Так, наряду с кувшинами, обрывками веревок, деревянными и кожаными ведрами, наличие которых в колодцах вполне предсказуемо, в колодцах XVI–XIX веков в Москве встречались кирпичи, изразцы, наперстки, кожаная обувь, замки и т. д. Бытовой мусор, в отличие от водосборной тары, в основном приурочен к горизонту разрушения колодцев.

Попадают в колодцах и более оригинальные находки. Так, хотелось бы рассмотреть обнаружение в колодце XVI века на Китайгородском проезде и колодце второй половины XVII века в 3-м Обыденском переулке собачьих голов. Отдельно стоит подчеркнуть, что только голов, а не целых скелетов.

Изобр. 5. Объекты в разрезе колодца (г. Москва, Китайгородский пр-д, вл. 9)

Объект работ: г. Москва, Китайгородский проезд, вл. 9/5.

При археологических раскопках на Китайгородском проезде (работы В. А. Берковича, 2020 г.), был зафиксирован колодец XVI века, в котором был обнаружен череп собаки. Интересной особенностью обнаружения находки было то, что морда собаки была обмотана веревкой. Помимо собаки, в придонной части колодца была обнаружена лошадиная голова (изобр. 5). Уровень обнаружения головы собаки –485 см от условного нулевого репера, головы лошади –620 см; уровень дна колодца –650 см. Было зафиксировано 14 венцов сруба колодца, средний диаметр использованных при строительстве бревен 12 см, длина 120 см. Два нижних венца выполнены из досок сечением 22 × 7 см. В заполнении обнаружены фрагменты керамики XVI века: чернолощеной ранней, краснолощеной, белоглиняной (определение типологии по: Розенфельдт, 1968, с. 46; Коваль, 2018, с. 424–426). Среди сопутствующих находок в придонной части колодца, обнаружены следующие: фрагмент игрушки-коника розовоглиняного ангобированного (анalogии датируются концом XIV — XVI веком (Розенфельдт, 1968, с. 87, табл. 5), а также полная форма белоглиняного кувшина. Высота сохранившейся части кувшина 21 см. Горло высокое, слив хорошо выделен. Тулово яйцевидное, максимальный диаметр тулова 15 см. Толщина стенок 0,7 см. Ручка петлевидная, в поперечном сечении подовальная, ширина ручки 2 см. Дно простого типа, на донце сохранились следы песчаной подсыпки. Внешний диаметр дна сосуда составляет 8,5 см. Находка датируется XVI веком (Розенфельдт, 1968, с. 46).

Объект работ: г. Москва, Обыденский переулок, вл. 3

На данном объекте работ (раскопки Ю. А. Лихтер, 2023 г.) голова собаки (череп без нижней челюсти, но с сохранившимся верхним шейным позвонком) также залегала в нижней части заполнения питьевого колодца. Сам колодец имел размеры 120 × 120 см; ориентирован по сторонам света. Сруб колодца срублен «в лапу», с шипом. Колодец сохранился на 20 венцов.

Внутреннее заполнение колодца было представлено темно-серой супесью с включениями щепы и угля. Керамический материал из колодца был представлен в первую очередь фрагментами белоглиняной гладкой и белоглиняной грубой посуды — корчагами, горшками и кувшинами; фрагментами чернолощеной и красноглиняной гладкой посуды. Отдельно стоит выделить несколько находок фрагментов стеклянных штофов с характерным для XVII века декорированием цветными вставками. Среди находок горизонта разрушения колодца — полные формы керамической посуды, чернолощеной игрушка-свистулька, фрагмент красноглиняного изразца и латунный наперсток XIX века с лунками, нанесенными машинным способом, вероятно оказавшийся в заполнении сооружения в момент разрушения его верхней части при возведении вышележащего сооружения, в свою очередь, заглубленного в землю.

В придонной части сооружения обнаружены полные формы кувшинов (изобр. 4). Это два чернолощеного кувшина и близкий к ним по форме и размерам белоглиняный гладкий. Чернолощеного кувшины по своим характеристикам и форме (Розенфельдт, 1968, с. 31, табл. 9, рис. 4–9) относятся к изделиям XVII века: формовочная масса без видимых примесей; цвет поверхности не насыщенный, что связано с использованием слабожелезистых глин; лощение менее тщательное по сравнению с более ранними экземплярами (Коваль, 2018, с. 424). Так же можно датировать и белоглиняный кувшин (анalogии: Векслер и др., 2016, с. 353, рис. 75).

Голова собаки, являющаяся основным предметом исследования данной статьи, также была обнаружена на дне колодца. Как уже говорилось выше, отмечен единственный позвонок при полном отсутствии костей остального скелета, а также нижней челюсти.

Череп собаки достаточно хорошей сохранности. Частично сохранились зубы: справа — Pm2, Pm4, M1, M2 и слева — Pm4, M2. Отсутствующие зубы были утеряны посмертно. Следует отме-

тить, что при жизни у собаки присутствовали оба третьих коренных зуба (M3) с тремя хорошо развитыми корнями каждый. Данная патология (наличие M3, да еще и в обеих верхних челюстях) встречается крайне редко у представителей рода *Canis*, преимущественно у крупных собак (Bateson, 1894; Wood, Wood, 1933). Череп принадлежал крупной собаке, форма черепа долихоцефальная ближе к мезоцефальной (Hourani, 2018). Судя по стертости зубов (Gipson et al., 2000) и степени прирастания костей черепа (Losey, Nomokopova, 2024), возраст собаки был 6–8 лет. Внутренние размеры черепной коробки позволили оценить высоту собаки в холке (Wyrost, Kucharczyk, 1967 Chroszcz et al., 2007) — около 68 см. По промерам черепа (Wing, Brown, 1979; Losey et al., 2015, 2017) удалось определить, что вес собаки был около 26 кг. Было предложено несколько способов определения пола по черепу (The, Trout, 1976; Truth et al., 1977; Shigehara et al., 1997), правда, ни один из методов не дает полной гарантии определения пола у собак (Brassard, Callou, 2020). Большинство признаков по имеющимся методикам показывает, что череп принадлежал самцу.

Изобр. 6. Череп собаки из придонной части колодца; г. Москва, 3-й Обыденский пер.

При внешнем осмотре черепа отмечаются два повреждения лобной кости (*os frontale*) — сверху справа и сбоку слева. Кроме того, наблюдается частичная потеря передней стенки альвеолы левого клыка (изобр. 6). Все отмеченные повреждения костной ткани не имеют признаков регенерации, что свидетельствует об их околосмертном или же посмертном характере. Нельзя полностью исключить того, что разрушения костной ткани черепа являются результатом поздних тафономических изменений, однако в данной работе представляется необходимым рассмотреть сценарий получения всего комплекса повреждений именно в результате околосмертной травмы. Выводы о форме и размерах повреждающего орудия, а также о направлении его движения и механизме

Изобр. 7. Отверстия (повреждения) в черепе собаки

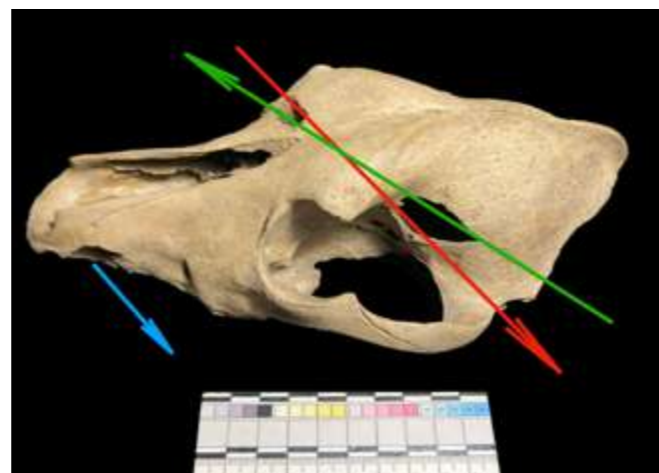
образования конечного повреждения делаются на основании анализа микроструктуры повреждений: формы и размера отверстий, направления трещин распора, объема смятия и сколов компактного вещества плоских костей черепа (Быков, 2002; Крюков, 1986; Потанькина, Лысенко, Клевно, 2022; Шакирьянова, 2013).

Первое отверстие (изобр. 7а) расположено на правой лобной кости на границе с вертикальным отростком верхней челюсти (на переносице справа). Отверстие подовальной формы, вытянуто снизу вверх в направлении сагиттального шва. Наибольший диаметр отверстия составляет 15 мм, наименьший — 6 мм. Наблюда-

ется смятие компактного вещества наружной поверхности кости по всей окружности повреждения за исключением нижнего края. Это смятие соответствует наклону орудия и направлению его погружения (Кислов, 2016; 2020). От верхнего края отверстия каудально отходят трещины распора, которые также указывают на общее направление погружения орудия — от лобной кости каудально. В верхнем медиальном углу отверстия наружная компактная пластинка приподнята, трещина распора в этом месте соответствует направлению общего раневого канала. Возможно, данное повреждение соответствует вторичному движению орудия в раневом канале при извлечении.

Второе отверстие (изобр. 7б) затрагивает левые лобную и теменную кости, имеет неправильную форму, вытянуто каудально сверху вниз. Наибольшая длина его составляет 38 мм, наибольшая ширина — 20 мм. От заднего края отверстия каудально отходит трещина распора, соответствующая основному направлению движения орудия. Вдоль линии отлома переднего края отверстия кость приподнята изнутри по всей толщине. Площадь повреждения наружной компактной пластинки больше по сравнению с повреждениями внутренней, кроме того, отсутствует поверхностное смятие наружной компакты. Все эти признаки свидетельствуют о направлении повреждающего воздействия изнутри черепа, то есть отверстие является выходным.

Внутренние структуры черепа также повреждены по оси между двумя отверстиями таким образом, что разрушения в совокупности составляют единый раневый канал (изобр. 8). Длина раневого канала составляет 8 см, что соответствует минимальной длине проника-

Изобр. 8. Направление прямого (красная стрелка) и обратного (зеленая стрелка) движений орудия, пробившего лобную и теменную кости. Направление выламывания лунки левого клыка, движение изнутри пасти наружу, спереди назад (голубая стрелка)

ющей части орудия. Диаметр канала в самом узком месте составляет 5–6 мм, что соответствует максимально возможному диаметру орудия на отрезке проникновения — около 5 мм.

Еще одно повреждение наблюдается на альвелярном крае верхней челюсти в области лунки левого клыка (изобр. 9). Как уже упоминалось ранее, данное разрушение костной ткани может быть связано как с поздними посмертными тафономическими изменениями, так и с околосмертными повреждениями, одновременными с проникающим ранением черепа. В случае околосмертного характера травмы большая площадь слома наружной компактной пластинки позади лунки дает представление о направлении движения травмирующей силы: изнутри пасти собаки наружу, спереди назад (изобр. 8, синяя стрелка). Повреждение затрагивает в большей степени наружную компактную пластинку, что свидетельствует о давлении на лунку изнутри, со стороны корня клыка. То есть передняя стенка лунки клыка была выломана корнем самого клыка.

Изобр. 9. Частичная потеря передней стенки альвеолы левого клыка

Таким образом, на основании анализа микроструктуры повреждений черепа собаки сделаны следующие выводы:

— повреждающее движение совершено спереди назад, по направлению от медиального края правой глазницы к левой теменной кости (изобр. 8, красная стрелка);

— прежде чем орудие было извлечено, положение его рукоятки немного изменилось, и обратный ход был выполнен под небольшим углом к первоначальной оси (изобр. 8, зеленая стрелка);

— одновременно с этим повреждением был выломан левый клык верхней челюсти (изобр. 8, синяя стрелка).

Изобр. 10. Возможное положение собаки и человека с направлением нанесения удара (красная стрелка), местом попадания (красная точка) и размерами собаки. Рисунок — Масямова Д. Р.

На основании реконструкции взаиморасположения головы собаки и орудия наиболее вероятным сценарием получения комплекса повреждений был выбран следующий (изобр. 10): орудие было зажато в кулаке нападавшего так, что ударный его край находился с ульнарной стороны кисти, а большой палец на проксимальном конце условной рукоятки. Для нападавшего движение совершалось слева направо. Удар мог быть нанесен как правой, так и левой рукой, однако наиболее вероятным представляется удар правой рукой с пронированной кистью (ладонь направлена вниз), т. к. ему соответствует изменение плоскости расположения орудия при обратном движении. Следует также отметить, что переносица — одно из самых уязвимых мест головы собаки, а удар по ней был нанесен достаточно точно. Это возможно или при большой ловкости нападавшего, или если голова собаки была зафиксирована. Именно при фиксации головы собаки, например, вторым человеком либо, что представляется еще более вероятным, при самофиксации в результате укуса за одежду могло произойти повреждение альвелярного края верхней челюсти, выламывание левого клыка и передней стенки его лунки.

Орудие, которым было нанесено повреждение, должно было быть подокруглым или округлым в сечении, иметь рукоятку, не иметь режущей кромки, а только острие. Длина орудия (его проникающей части) должна была составлять более 8 см, диаметр в этой части — до 5 мм. Наиболее близким в этнографическое и настоящее время следует признать характерные специализированные колющие хозяйственные шиловидные ножи-проколки для забоя скота. Следует отметить, что фрагмент подобного орудия был обнаружен в ходе археологических работ на объекте, хотя и не в колодце,

но в заполнении культурного слоя, синхронного по времени (изобр. 11; № 611 п/о, «орудия железного фрагмент»).

Теперь попробуем перейти к интерпретации данных событий.

Подобные находки вызывают интерес и желание разобраться в мотивах людей прошлого, объяснить логику их поступков. Первое предположение, которое можно сделать на основе полученных археологических данных, — голова собаки в каждом из описанных случаев попала в колодец не случайно. То, что находки относятся к горизонтам бытования колодцев, а не строительства, позволяет отменить предположение об их использовании в качестве строительной жертвы — «приклада», хотя использование собачьих голов в качестве прикладов при строительстве сооружений изредка встречается. Например, при раскопках Ляпинского острога (Ханты-Мансийский АО) под стеной острога были обнаружены собачьи черепа (Визгалов, Пархимович, 2017, 23).

С какой же целью и кем могла быть проделана эта операция?

Изобр. 11. Рабочая часть орудия, подобного использованному для нанесения повреждений собаке. Находка из археологических слоев, синхронных заполнению колодца с черепом

На первый взгляд, самой очевидной представляется версия о попытке отравления колодца. Исходя из этого предположения и имеющихся данных, можно предположить следующее развитие ситуации. Некий недоброжелатель решает отравить воду в колодце, для того чтобы нанести вред здоровью конкретным потребителям воды. Он в тайне от потребителей осуществляет это, используя в качестве отравляющего вещества голову собаки. Возможно, в колодец бросали голову с уже частично разложившимися мягкими тканями. Эта процедура, скорее всего, прошла незамеченной пользователями колодца. Если бы пользователи колодца были уведомлены о произошедшем и предполагали бы вред от использования отравленной воды, то голова была бы извлечена из колодца или, в случае неудачи, сам колодец мог быть заброшен. Однако, как видно из стратиграфии колодца, этого не произошло: воду из колодца продолжали использовать еще достаточно долго.

Здесь следует специально отметить, что расчет отравителя причинить ущерб здоровью потребителей воды, если он и был, вряд ли мог оправдаться. Дело в том, что птомаины — биогенные амины, образующиеся в результате гнилостного распада животных белков (раньше их совокупность именовали «трупным ядом»), хоть и токсичны, но в очень небольшой степени. В мертвых тканях образуются 4 птомаина: кадаверин, нейрин, спермидин и путресцин. Из названных птомаинов самым токсичным является нейрин, образующийся в результате распада нервных клеток. Но летальной дозой нейрина считается 11 мг на кг веса. То есть для смертельного отравления среднего человека весом в 75 кг нужно примерно 900 мг нейрина (Саломатин, Калёкин, 2015, 50). К тому же при проглатывании токсина большая его часть распадается в кислой среде пищевода и желудка.

Впрочем, определенную опасность могут представлять бактерии, питающиеся птомаинами, и результаты их жизнедеятельности. К ним относятся, например, бактерии, вызывающие гастроэнтерит. Однако для размножения подобных бактерий требуется довольно большой объем птомаинов и подходящие условия. Условия колодца к росту этих бактерий, как правило, не располагают. Кроме того, концентрация птомаинов из головы мертвой собаки в объеме нескольких кубометров колодезной воды должна быть совершенно незначительной и поэтому привести к отравлению никак не могла.

Впрочем, отравители XVI–XVII веков, ничего не зная о птомаинах (их открытие произошло только в XIX веке), могли приписывать трупному яду исключительные, почти мистичес-

кие свойства. Тактика отравления колодцев тушами павших животных в надежде вызвать мор среди неприятеля была хорошо известна. Однако в таком случае отравитель действовал нелогично. Зачем потребовалось отсекать голову собаке, а не бросать труп целиком? Ведь тогда концентрация яда была бы больше, а вероятность отравления (по мысли отравителя) выше. Следует добавить, что исходя из реконструируемых размеров собаки, она могла быть брошена в колодец и целиком.

Следовательно, отравителям была важна не концентрация яда и не реальное отравление своих жертв. Можно предположить, что в данном случае речь идет о символическом отравлении, «осквернении» колодезной воды. По представлениям средневековых горожан, вода в колодце могла оставаться вполне чистой, но контакт с «нечистым» объектом делал ее непригодной для питья и бытовых нужд.

В качестве примера можно привести данные одной московской челобитной 1649 г. В ней три жителя Кадашевской слободы, Ребров, Черниговцев и Савинов, жаловались на своего соседа Степана Куприянова. Они указывали, что у их хозяйств был общий колодец, которым пользовались они сообща «лет тридцать». Но между соседями вышла ссора, и Куприянов построил баню очень близко к общему колодцу. «А ныне тот Степан тот наш колодец осквернил <...>. И с той его бани в наш общий колодец всякая скверность идет и водяной сток, и нам <...> черпать воды не можно, а скитаемся мы <...> по чужим колодцам уже год» (цитата по: Московская деловая и бытовая письменность XVII в., 49). При этом предусмотрительный виновник осквернения построил для себя новый колодец, подальше от соседей и запретил им брать оттуда воду.

Таким образом, сток грязной воды из бани, вряд ли сильно менявший химический состав воды колодца и ее внешний вид (в виду крайней малой концентрации в объеме колодца), воспринимался как оскверняющий акт, делавший колодец полностью непригодным.

Возвращаясь к теме настоящей статьи, следует задать вопрос: могла ли для осквернения колодца быть использована голова собаки? Для ответа необходим небольшой экскурс о символическом значении собаки в христианской, а также отечественной средневековой культуре.

Собака, возможно первое одомашненное животное, всегда играло в жизни человека важную роль. Эта значимость проявлялась не только в реальных выполняемых ею функциях. Посте-

пенно образ собаки накапливал символические черты, олицетворяя верность, храбрость, преданность, зависимость, скорость, защиту, охоту, преследование и многие другие абстрактные понятия. Связывался образ собаки и с потусторонним миром. В мифах множества народов — от Европы и Ближнего Востока до обеих Америки существовал мотив собаки — стража мира мертвых. Жертвоприношение собак практиковалось кельтами, германцами и многими другими народами. Интересный обычай существовал в раннее Средневековье у болгар и позднее у венгров — приносить клятву над разрубленной надвое собакой.

Здесь же можно вспомнить знаменитый отрывок из Ибн Фадлана о похоронах знатного русса: «когда же они с этим делом покончат, то, разделив пополам собаку, бросают ее внутрь корабля, а также отрезав голову петуху, бросают [его и его голову] справа и слева от корабля» (цитата по: Ковалевский, 1956, 144).

Тем не менее вместе с таким важным символическим значением собаки формировалось и противоположное отношение к ней. Собака символизировала нечистоту, грязь, неразборчивость в еде, грубость, похоть.

Несмотря на то что кинофагия была характерна для многих обществ, на Ближнем Востоке запрет на поедание собачьего мяса появился довольно рано. Он отражен в Ветхом Завете, где собака напрямую стала ассоциироваться с нечистотой. Это отношение было заимствовано из христианством. Так, широко известно сравнение св. Петром грешников с собакой: «Пес возвращается на свою блевотину» (II Петр. 2:22). Не менее широко известна цитата из Евангелия «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф. 7:6).

Представление о собаке как о нечистом животном было распространено и в Древней Руси. Более того, уже тогда слово «пес» имело негативные коннотации. Об этом можно судить по тексту Пространной Русской Правды, где говорится о воровстве: «Аже оубиють кого оу клети или оу которое татбы, то оубиють во пса место <...>», т. е. преступника, пойманного с поличным, можно убить как пса (Русская правда, 40). Вообще, слово «пес», как и слово «собака», в русском языке приобрело со временем множество негативных коннотаций, встроилось в языковую картину мира и стало использоваться в разнообразных инвективах (Маругина, 2009). В качестве яркой иллюстрации можно привести первое послание Ивана

Грозного Курбскому, где автор использует слово «собака» 23 раза, причем ни в одном из этих случаев не говорится о собаке как о животном. Все случаи использования — исключительно в переносном значении, по отношению к разным людям и лишь в качестве оскорбления (Первое послание Ивана Грозного Курбскому).

Нечистота собаки отмечалась в древнерусских традициях богослужения. Так, еще в XVI–XVII веках существовали чины на малое освящение храма в определенных случаях: при нахождении в церкви еретика, случившейся в храме смерти и в том числе «егда пес вскочит», т. е. если в храм войдет собака (Рукопись 227. Службник и Требник).

Из этнографии хорошо известен сюжет о связи собак (как, впрочем, и других домашних животных) с ведьмами и колдунами. Согласно этим сюжетам, герои быличек убивают или калечат животных (кошка, собака, жаба и т. д.), чье поведение кажется подозрительным, а впоследствии нанесенные травмы обнаруживаются у ведьмы/колдуна (Левкиевская, 2015). Эта традиция широко прослеживается у южных и восточных славян.

Представления о нечистоте собаки содержатся и в еще одном известном средневековом источнике — Домострое. Так, в нем указывается, что собакам, как, впрочем, и всей домашней живности, необходима отдельная посуда, использовать людскую, «чистую» для этого нельзя: «<...> сабакам корм давати и в хлевы солома слати и подгребати, и поити вода ставити, а животине и сабакам и куром нато свои суды держати, а чистых судов не поганити» (Домострой, 56).

Этот момент особенно важен, поскольку объясняет механизм взаимодействия с нечистотой собаки. Если собака поест из «чистого судна», т. е. предназначенной для людей посуды, то посуда «опоганится», станет нечистой. Можно предположить, что такую посуду использовать было нельзя, как нельзя было проводить службу и совершать таинства в оскверненном присутствием собаки храме.

Возвращаясь к теме настоящей статьи, можно предполагать, что использование собачьей головы как инструмента для символического осквернения колодца вполне соответствует средневековым представлениям. Если отравитель совершал свое действие, как уже было указано, тайно, то пьющие воду из этого колодца становились в его представлении нечистыми, но сами этого не знали. Можно предположить сходство с широко распространенными представлениями о наведении неявиной порчи

с помощью различных предметов и ритуальных действий (например, вложенных под порог иголок).

Можно задаться еще одним вопросом: имело ли значение в таком случае, что это за собака? Считалась ли бродячая собака более нечистой, нежели дворовая? Данные языка свидетельствуют, что да: слова «собака» или «пес» приобретают более негативное значение, если к ним добавляются определения «бродячая», «шелудивая», «смердящая», «блхастая», «паршивая» и т. д. Значительная часть этих эпитетов говорит о запущенности, неухоженности, что как раз свойственно бродячей собаке. Однако можно ли установить по имеющимся данным, каков был статус собак, чьи головы были помещены в колодцы? Обратимся к найденным черепакам.

По результатам исследования черепа собаки из Обыденского раскопа можно заключить следующее. Предполагаемый возраст собаки — около 6–8 лет, что для дворовой собаки уже является преклонным, а для бродячей — и недавно. Проведенные исследования показывают, что смерть собаки могла наступить в результате удара колющим предметом (предположительно, хозяйственным ножом). Отсутствие в колодце нижней челюсти, а также наличие шейного позвонка позволяет предположить, что голова собаки затем была отрублена.

Череп собаки из Китайгородского проезда рисует несколько иную картину. Уже упомянутая любопытная деталь — наличие веревки, обернутой вокруг пасти, позволяет с осторожностью предположить, что это часть привязи. А это, в свою очередь, дает возможность говорить о том, что эта собака была дворовой.

Таким образом, ни возраст, ни образ жизни собак в обоих случаях не позволяют установить какую-либо закономерность. Возможно, единственная закономерность состоит именно в самом факте осквернения колодца с помощью трупа нечистого животного. А «инструментом» выступала именно собака, как в силу негативных коннотаций, так и в силу своей распространенности. По-видимому, не существовало разницы, какую именно собаку использовать для такого действия: живую или уже околесшую, бродячую или дворовую.

Впрочем, остается неясным, почему использовалась именно голова, а не вся туша. Здесь мы вынуждены опять уходить от фактов и оперировать предположениями, а также весьма ненадежными аналогиями. Отделение собачьей головы от тела и ритуальное ее использование зафиксировано в обрядах многих народов.

В частности, есть предположение об использовании собачьих голов в ритуальных целях (часть найденных черепов имеет отверстия) жителями сибирских городов XVII века с русской материальной культурой — Обдорского городка, Мангазеи и др. (Лобанова, 2021, 274).

Однако интересно, что большинство обрядов, для которых требовалось принесение собаки в жертву, в мифологии сибирских народов, коряков на Дальнем Востоке, коми-пермяков и других носят скорее характер защитных обрядов, призванных защитить здоровье людей и сохранность жилищ. Во всех этих ритуальных действиях, хоть и очень разнообразных, собака выступает в своей «положительной ипостаси» — помогает, защищает, охраняет, а не оскверняет.

А что, если и в исследуемых случаях помещение собачьей головы в колодец преследовало цель не навредить, а наоборот, производилось с расчетом на какой-то благоприятный результат? Разумеется, доказать это невозможно, но можно высказать осторожное предположение, что и такая трактовка описанных событий возможна. Только каким же мог быть этот благоприятный результат и при чем здесь колодец?

Один интересный факт об использовании собачьей головы дает этнография чувашей.

«В 1984 г. в д. Калмаюры Ульяновской области побывала экспедиция НИИ при Кабинете министров Чувашской Республики, в числе которой были В. Г. Родионов, Г. А. Николаев и В. П. Иванов. Каждый из них записал от разных информаторов один и тот же факт. В 1984 г. в условиях сильной засухи пожилые женщины поймали и зарезали собаку. Отрезанную

голову они отнесли к озеру и, привязав веревкой к забитому в землю колу, бросили в воду. Обряд сопровождался обращением к верховному божеству Турă с просьбой оросить поля. Действительно, через два дня пошел проливной дождь, и женщинам пришлось вытащить голову собаки из воды» (Салмин, 2011, 124).

Несмотря на то что верования народов Среднего Поволжья весьма своеобразны, а средняя Волга довольно далека от Москвы-реки, допустить существование такого поверья возможно. Средство от засухи — размещение головы убитой собаки в реке и последующее извлечение ее после получения желаемого дождя. Возможно, в условиях города это поверье могло трансформироваться в средство от пересохшего колодца. В таком случае можно объяснить и обрывок веревки на черепе собаки из Китайгородского раскопа — это была веревка, с помощью которой голову предполагалось вытащить после наполнения колодца. Однако веревка была упущена и осталась на дне вместе с головой собаки.

Таким образом, дать однозначное объяснение находкам собачьих черепов в колодцах пока вряд ли возможно. Каждое из предложенных объяснений показывает, что данные действия жителей городов могли быть вызваны самыми разными мотивами: от неприязни к соседям до желания изменить неблагоприятные погодные условия. Для того, чтобы какое-то из объяснений получило «большой вес» (или было выдвинуто новое предположение), необходимы новые археологические находки, а также дальнейшее изучение этнографических сюжетов, связанных с ролью собаки и в особенности собачьей головы.

Афанасьева А. О., Малков В. А, Савинецкий А. Б., Фролов Н. В. Исследование черепа собаки из колодца XVII века в Москве

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Быков В. Л. Цитология и общая гистология. — СПб: Сотис, 2002.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: усадьба заполярного города. Екатеринбург. — Нефтеюганск: Караван, 2017.
- Векслер А. Г., Кондрашев Л. В., Беркович В. А., Гусаков М. Г., Генинг В. В. Москва. Раскопки на Великом посаде. Московская керамика по материалам исследований. — Москва: Буки Веди, 2016.
- Домострой / Перевод и комментарии Колесова В. В. // Библиотека литературы Древней Руси. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. — Т. 10.
- Кислов, М. А. Возможности идентификации колюще-режущего орудия по морфологии повреждения ребер // Судебная медицина. — М., 2016. — Т. 2. — № 2. — С. 158–159.
- Кислов М. А. Выявление признаков повторной травматизации при колото-резаных повреждениях костей // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы. — № 19. — Хабаровск, 2020. — С. 63–65.
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 году. — Харьков: Изд-во. Харьковского гос. университета им. А. М. Горького, 1956. — С. 345.
- Коваль Ю. В. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля. Малосерийные группы // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. — Выпуск 14. — Москва, 2018.
- Крюков В. Н. Механика и морфология переломов. — Москва: Медицина, 1986.
- Левкиевская Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура. — Москва: Индрик, 2002.
- Лобанова, Т. В. Остатки собак в средневековых русских поселениях на Севере Сибири // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России : сборник научных статей : [в 2 томах] / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии, Ом. лаб. археологии, этнографии и музееведения [и др. ; под ред. Л. В. Татауровой]. — Омск ; Сургут : [б. и.], 2021. — Т. 1.
- Маругина. Н. И. Концепт «собака» как элемент русской языковой картины мира // Язык и культура. — 2009. — № 2 (6). — С. 11–30.
- Московская деловая и бытовая письменность XVII века [Текст] / АН СССР. Ин-т рус. яз. Изд. подготовили С. И. Котков [и др.]. — Москва: Наука, 1968.
- Первое послание Ивана Грозного Курбскому / Подготовка текста Е. И. Ванеевой и Я. С. Лурье, перевод Я. С. Лурье и О. В. Творогова, комментарии Я. С. Лурье // Библиотека литературы Древней Руси. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. — Т.11.
- Потанькина Т. В., Лысенко О. В., Клевно В. А. Перспективы исследования колото-резаных повреждений плоских костей при воздействии клинком ножа с различной толщиной обуха // Судебная медицина. — Т. 8, №4. — 2022.
- Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. — Москва: «Наука», 1968.
- Рукопись 227. Служебник и Требник. исх. XVI или нач. XVII века. лист. 47.
- Русская Правда (Пространная редакция) / Подготовка текста, перевод и комментарии М. Б. Свердлова // Библиотека литературы Древней Руси. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. — Т. 4: XII век.
- Саломатин Е. М., Калёкин Д., Орлова К., Валуева М. И. Особенности и перспективы исследования птомаинов для целей судебно-химического анализа. Судебно-медицинская экспертиза. 2015; 58(6):49-52.
- Салмин А. К. Собака в традиционных представлениях чувашей // Археология этнография и антропология Евразии, 2011. — Т. 1. — С. 124–128.
- Титова О. Ю. Ареальное исследование мифологических представлений русских центрального Черноземья (конец XIX — начало XXI в.). Дис. канд. ист. наук : 07.00.07. — М., 2015.
- Шакирьянова Ю. П. Судебно-медицинская оценка влияния скоса лезвия клинка на морфологию колото-резаного повреждения: автореферат дис. кандидата медицинских наук. — Москва, 2013.
- Bateson, William. Materials for the study of variation. Treated with especial regard to discontinuity in the origin of species. 1894. London: MacMillan and Co. 598 p.
- Brassard Colline, Cecile Callou. Sex determination of archaeological dogs using the skull: evaluation of morphological and metric traits on various modern breeds. Journal of Archaeological Science: Reports. 2020; 31:Article 102294.
- Chroszcz A., M. Janeczek V. Onar P. Staniorowski N. Pospieszny. The Shoulder Height Estimation in Dogs based on the Internal Dimension of Cranial Cavity using Mathematical Formula. Anatomia, Histologia, Embryologia. 2007; 36(4):269–271.
- Gipson Philip S., Warren B. Ballard Ronald M. Nowak L. David Mech. Accuracy and Precision of Estimating Age of Gray Wolves by Tooth Wear. Journal of Wildlife Management. 2000; 64(3):752–758.
- Hourani, Yasha. Persian Period Dog Burials of Beirut: Morphology, Health, Mortality and Mortuary Practices. Archaeozoology of the Near East XII: Proceedings of the 12th International Symposium of the ICAZ Archaeozoology of Southwest Asia and Adjacent Areas Working Group, Groningen Institute of Archaeology, June 14–15 2015. 2018:153–184. University of Groningen, the Netherlands, edited by C. Cakyrlar, J. Chahoud , R. Berthon, S. Pilaar Birch, Barkhuis, Groningen.
- Losey R. J., B. Osipov R. Sivakumaran T. Nomokonova E. V. Kovychev and N. G. Diatchina. Estimating Body Mass in Dogs and Wolves Using Cranial and Mandibular Dimensions: Application to Siberian Canids. International Journal of Osteoarchaeology. 2015; 25(6):946–959.
- Losey R. J., K. McLachlin T. Nomokonova K. Latham and L. Harrington. Body Mass Estimates in Dogs and North American Gray Wolves Using Limb Element Dimensions. International Journal of Osteoarchaeology. 2017; 27(2):180–191.
- Losey Robert J., Tatiana Nomokonova. Cranial suture obliteration patterns as an ageing method for dog crania. Journal of Archaeological Science. 2024; 169:Article 106035.
- Shigehara Nobuo, Onodera Satoru Eto Moriharu. Sex determination by discriminant analysis and evaluation of non-metric traits in the dog skeleton. Osteometry of Makah and Coast Salish Dogs. 1997:113–126. Archaeology Press Simon Fraser University. ed. Crockford S.J.
- The, T. L. & Trouth C. O. Sexual dimorphism in the basilar part of the occipital bone of the dog (Canis familiaris). Acta Anatomica. 1976; 95(4):565–571.
- Trouth C. O., Winter S. Gupta K. C. Millis R. M. and Holloway J. A. Analysis of the sexual dimorphism in the basioccipital portion of the dog’s skull. Acta Anatomica. 1977; 98:469–473.
- Wing, Elizabeth S. and Antoinette B. Brown. Paleonutrition: Method and Theory in Prehistoric Foodways. 1979:1-202. New York: Academic Press.
- Wood, A. E. & Wood H. E. The Genetic and Phylogenetic Significance of the Presence of a Third Upper Molar in a Modern Dog. American Midland Naturalist . 1933; 14(1):36–48.
- Wyrost Piotr, Kucharczyk Jerzy. Versuch der Bestimmung der Widerristhohe des Hundes mittels der inneren Hirnhohlenlange. Acta Theriologica. 1967; 12(9):105–110.

Верхнее Поволжье в эпоху раннего металла: протоволосовский горизонт поселения Парфёново 1 в Московской области

Морозов В. В., Дёмин М. В.

Аннотация. В статье исследуется комплекс поздненеолитической керамики, найденной в поселении Парфёново 1 в Сергиево-Посадском районе Московской области. Во время разведки 2021 г. в хозяйственной яме обнаружены фрагменты керамики двух традиций: гребенчатой и ямочно-гребенчатой. Из более чем 300 фрагментов удалось реконструировать шесть сосудов, сделанных из илистых глин с применением органических растворов и минеральных добавок (дресва, шамот, раковина, слюда, тальк). Орнаментация сосудов характеризуется разнообразными гребенчатыми отпечатками, сочетающимися с округлыми и коническими ямками, вероятно нанесенными белемнитами. Это позволяет отнести комплекс к протоволосовской керамической традиции. Радиоуглеродная дата 4853 ± 40 BP (3709–3527 cal BC) свидетельствует о существовании комплекса на рубеже позднего неолита и раннего энеолита.

Материалы Парфёново сравниваются с эталонными комплексами валдайской и льяловской культур бассейна Дубны, а также с торфяниковыми стоянками Верхней Волги. Установлено, что формирование гребенчатых орнаментальных традиций в регионе связано не с миграцией населения, а с дивергенцией типов ямочно-гребенчатой керамики. В разных частях ареала ее распространения развивались различные системы орнаментации. Импульс для развития гребенчатой орнаментации мог исходить как с Валдайской возвышенности, так и из Марийского Поволжья, где подобные изделия датируются более ранним временем.

Ключевые слова: Верхняя Волга, неолит, энеолит, ямочно-гребенчатая керамика, протоволосовская керамика, река Дубна.

Введение

В современной археологии одна из самых спорных и малоизученных тем — это культурная атрибуция и хронология поздненеолитических комплексов с гребенчатой керамикой. Эти комплексы широко распространены в лесной зоне от Верхней Волги до западных склонов Урала. Их характерными чертами являются орнаментация с крупнозубчатыми отпечатками гребенчатого штампа, плоскоскошенные срезы венчиков и штриховое заглаживание внутренней поверхности сосудов.

Носители археологических культур с близкой керамической посудой жили в лесной зоне на грани появления энеолитических культур с пористой (раковинной) керамикой. На Верхней и Средней Волге это волосовская культура, в бассейне реки Камы — гаринская.

Для Мещерской низменности и бассейна реки Оки Д. А. Крайнов предложил термин «керамика протоволосовского этапа». Он датировал ее концом первой четверти III тысячелетия до нашей эры (Крайнов, 1981). На памятниках Костромского Поволжья аналогичную керамику И. В. Гаврилова рассматривала в рамках галичской культуры (Гаврилова, 1973). В Марийском Поволжье В. В. Никитин выделил красномостовский тип керамики, относящийся к раннему этапу майданской культуры волосовской культурно-исторической общности (Никитин, 2021). В Прикамье О. Н. Бадер определил эту керамику как новоильинскую культуру (Бадер, 1961).

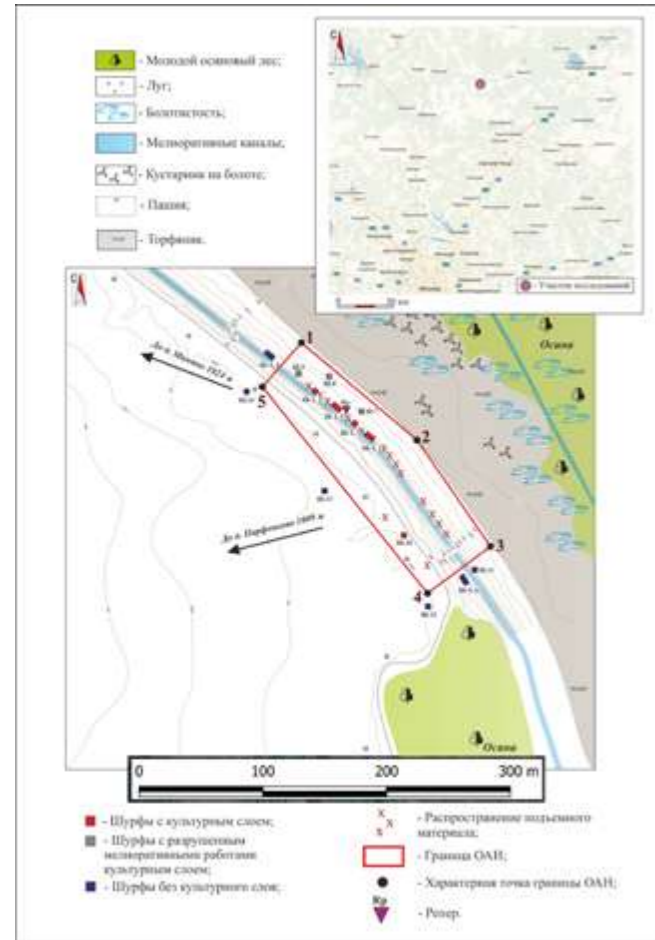
Статья посвящена анализу подобных материалов, полученных в ходе разведочных исследований 2021 г. в поселении Парфёново, в сопровождении ямочно-гребенчатой керамики.

Материалы и методы

Поселение Парфёново 1 находится в Сергиево-Посадском городском округе Московской области. Оно расположено на левобережье реки Дубна, правого притока Волги. Это место находится на территории зандрово-аллювиальной низменности, которая относится к Верхневолжской физико-географической провинции. Поселение было обнаружено в 2021 г. В. В. Морозовым.

Памятник занимает край второй надпойменной террасы. Восточная граница территории примыкает к торфянику, поросшему кустарником и молодым осиновым лесом. В 1970–1980-х гг. здесь проводились мелиоративные работы, которые сильно повредили культурный слой. Однако разведочные исследования показали, что непогреховенный культурный слой сохранился в древних искусственных сооружениях, углубленных в материк.

Для определения границ поселения Парфёново 1 было заложено 14 шурфов. Археологические находки сделаны в шурфах-зачистках № 1–3, № 5, в шурфе № 10 и в переотложенном

Изобр. 1. Месторасположение поселения Парфёново 1 и его топографический план

слое шурфов № 8–9. Особенно ценными оказались результаты из шурфа № 1. Там при зачистке «материка» обнаружена овальная яма размером 120 × 90 см и глубиной 22 см (изобр. 2: б, в, д, е; изобр. 4).

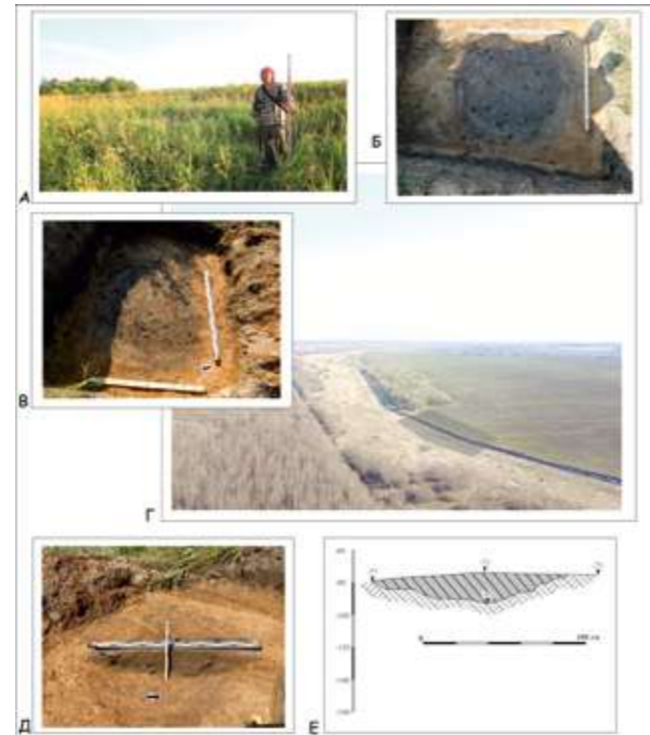
В яме найдены фрагменты керамики с ямочно-гребенчатым и гребенчатым орнаментом. Яма заполнена плотной супесью темно-серого и светло-серого цвета с угольками, рыбьей чешуей, костями и керамикой. Южная часть и основание ямы разрушены мелиоративными работами.

Всего извлечено около 300 фрагментов керамики, из которых реконструированы шесть сосудов. Они делятся на гребенчатую и ямочно-гребенчатую керамику с явным преобладанием первой.

Комплекс гребенчатой керамики

Сосуд 1 (изобр. 5: 1). Сохранился 81 фрагмент, большинство из которых (78) расчищено в яме. Три обломка было найдено в культурном слое поселения над ямой. Восстанавливается емкость открытой формы, с плотным глиняным тестом, с толщиной стенок 0,6–0,9 см. Орнамент

состоит из гребенчатого крупнозубого штампа (ряды наклонно поставленных оттисков, разнонаправленных в виде «елочки горизонтальной», чередующихся с горизонтальными рядами овальных ямок, сделанных, вероятно, концом штампа. Срез венчика орнаментирован гребенкой. Внешняя поверхность подлощена, внутренняя поверхность заглажена пальцами, в местах ямочного орнамента на внутренней стороне есть отпечатки пальцев. Цвет от светло-коричневого до темно-коричневого.

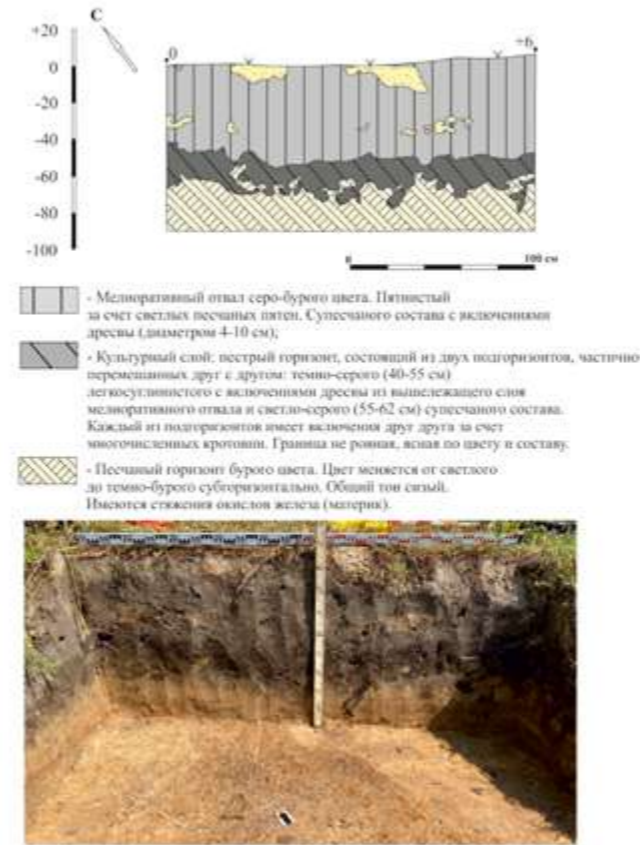

Изобр. 2. А — Вид на поселение Парфёново 1; Б–В — Яма № 1 в шурфе-зачистке № 1; Г — Вид с СЗ на поселение Парфёново 1 с высоты 100 м.; Д — Разрез ямы № 1; Е — Чертеж разреза ямы № 1

Исходное пластичное сырье включает илистую глину (отпечатки пустот от раковин и нитевидных водорослей) во влажном состоянии, запесоченную (более 25 включений песка на 1 см², песок размером от 0,2 до 1,5 мм, прозрачный, светлый, окатанный), есть единичные включения бурого железняка до 2 мм.

Формовочная масса состоит из илистой глины, органического раствора в незначительной концентрации (коричневый и белый), дресвы розового цвета (единичные включения, концентрация не больше 1/7–1/8).

Сосуд 2 (изобр. 5: 2). Найдено 17 фрагментов, все залежали в яме. Сосуд открытой формы, толщина стенок 0,6–0,9 см. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосуда горизонтальными рядами наклонных оттисков гребенчатого штампа, чередующихся с горизонтальными рядами вдавлений углом штампа. Под срезом

Изобр. 3. Стратиграфия шурфа-зачистки № 1, где была выявлена яма с развалами протоволосовских сосудов

венчика ряд круглых ямок, нанесенных, вероятно, полую костью. Внешняя поверхность подлощена, светло-коричневого цвета, внутренняя поверхность заглажена гребенчатым штампом.

Исходное пластичное сырье включает глину в естественном увлажненном состоянии (жирную, практически не запесоченную), песок 5–15 включений на 1 см² размерами 0,2–0,5 мм, окатанный, разноцветный, включения бурого железняка до 3 мм, естественная сухопутная растительность (корешки), естественная примесь слюды в глине дает блеск.

Формовочная масса состоит из глины и органического раствора (коричневого, насыщенного).

Сосуд 3 (изобр. 5: 3). Сохранилось 26 фрагментов, большинство из которых (23) расчищено в яме. Еще три обломка выявлено в культурном слое шурфа-зачистки. Сосуд открытой формы, с толщиной стенок 0,6–0,8 см. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосуда наклонными оттисками гребенчатого штампа, образующими горизонтальные ряды, наклонный зигзаг, заштрихованные ромбы, сделанные тем же штампом, чередующиеся с округлыми и четырехугольными ямками. Придонная часть сосуда украшена ямочными вдавлениями. Внешняя поверхность подлощена, светло-коричневого цвета, внутренняя поверхность заглажена гре-

бенчатым штампом коричневого, черного цвета.

Исходное пластичное сырье включает илистую глину (отпечатки пустот от раковин и нитевидных водорослей) во влажном состоянии, запесоченную (песок окатанный от прозрачного до черного, разноцветного). Включения бурого железняка до 2 мм.

Формовочная масса состоит из илистой глины и органического раствора (плотного, масляного, черного цвета).

Сосуд 5 (изобр. 6: 5). В яме найдено 7 фрагментов, позволяющих восстановить основание горшка. Толщина стенок 0,5–0,7 см. Орнаментальное поле полностью украшено гребенчатым штампом со сравнительно мелкими зубцами, который чередуется с вдавленными от угла этого же штампа. Внешняя поверхность подлощена, темно-коричневого цвета, внутренняя поверхность заглажена гребенчатым штампом (зубчатый — мелкие грани) черного цвета.

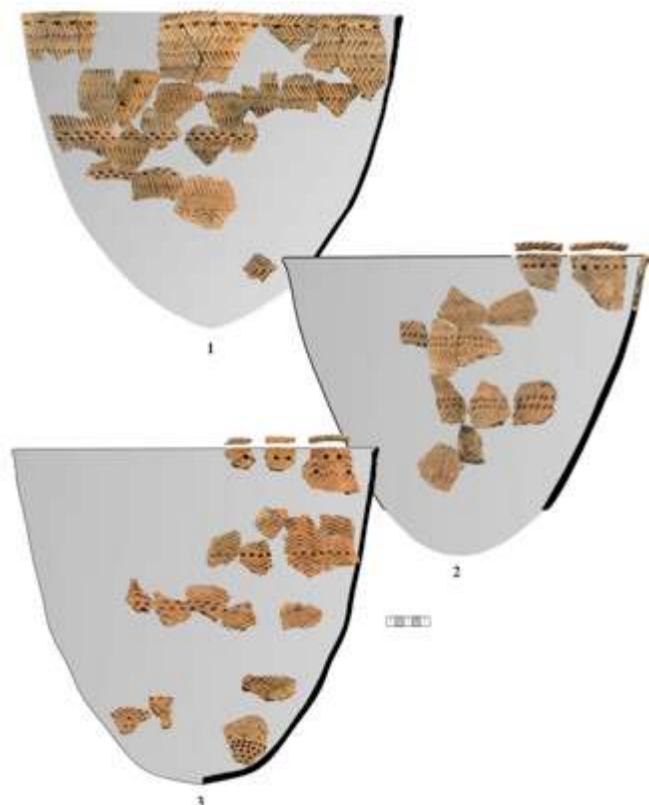
Изобр. 4. Разрез ямы № 1 с указанием участков отбора почвы и угля на радиоуглеродное датирование

Исходное пластичное сырье включает илистую глину (включение рыбной чешуи, пустоты от раковины и водорослей) в естественном увлажненном состоянии, практически не запесоченную (песок 10–15 включений на 1 см², размер 0,2–1 мм светлый, окатанный) с включениями бурого железняка до 1,5 мм, есть охристые включения.

Формовочная масса состоит из илистой глины и органического раствора (темно-коричневого, жирного) с включениями шамота в незначительной концентрации 1/7–1/8, с единичными включениями слюды (возможная примесь в сырье или шамоте — выделяется в основном как блеск мелких включений 0,5–1,5 мм на поверхности), дресвы до 2 мм, талька (или тальковой глины) серого, блестящего.

Помимо развалов в яме также расчищены разрозненные фрагменты других сосудов с гребенчатой керамикой (изобр. 6).

Таким образом, в состав формовочных масс гребенчатой керамики входят илестые глины, смешанные с органическим раствором, иногда с добавками дресвы, шамота или раковины. Один сосуд (развал № 5) сделан из формовочной массы с включениями слюды и тальковой глины. В изломе черепки имеют двухслойную или однородную структуру. Основная масса керамики имеет подощенную внешнюю поверхность, внутренняя поверхность заглажена гребенчатым штампом. Преобладают сосуды средней толщины (0,6–0,8 см). Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосудов, украшены также срезы венчиков. Сосуды украшены гребенчатым штампом средней длины (зигзаги, ряды наклонных линий, заштрихованные треугольники) и различными ямчатыми вдавлениями или вдавлениями углом штампа, которые выполняют функции разделительных зон на орнаментальном поле.

Изобр. 5. Развалы протоволосовских (1–2) сосудов и гибридной посуды (3) из шурфа-зачистки № 1 (ямы № 1)

Комплекс ямочно-гребенчатой керамики

Сосуд 4 (изобр. 7: 19). В яме расчищено 12 фрагментов. Сосуд толщиной 0,6–0,8 см. Форма верхней части не реконструируется из-за отсутствия венчиков. Орнамент покрывает всю внеш-

нюю поверхность сосуда наклонными оттисками длинного и узкого гребенчатого штампа, чередующимися с рядами круглых ямок. Вся внешняя поверхность подощена, внутренняя заглажена, обе стороны светло-коричневого цвета.

Исходное пластичное сырье включает илестую глину в естественном увлажненном состоянии.

Изобр. 6. Скопления и отдельные фрагменты протоволосовской керамики из шурфа-зачистки № 1 и ямы № 1

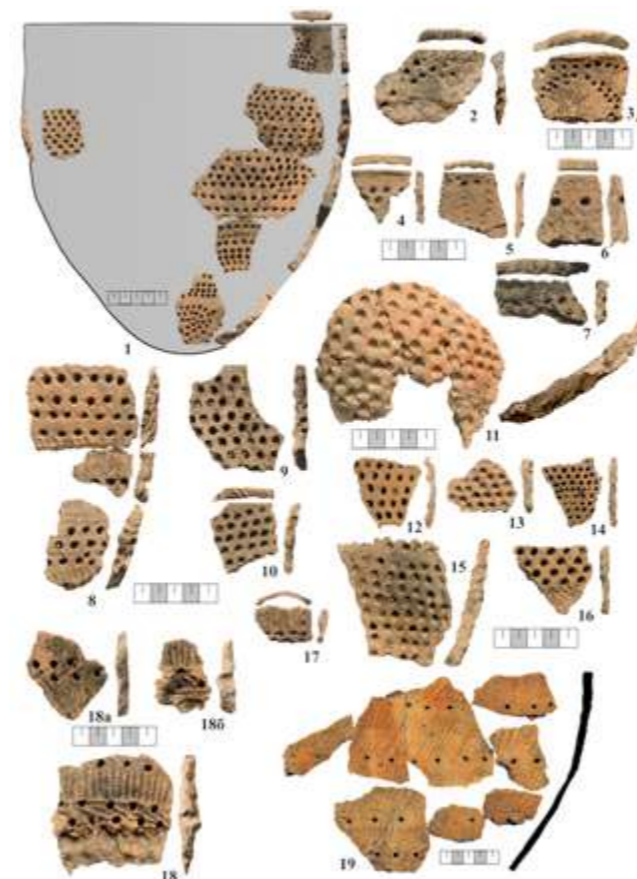
Формовочная масса состоит из илестой глины и органического раствора (красно-коричневого цвета в незначительной концентрации) с включениями шамота в концентрации 1/7–1/8 и раковины (?), которая, возможно, не относится к сырью, а является примесью (данный вывод можно сделать из-за довольно большой концентрации остатков раковины в черепке).

Сосуд 6 (изобр. 7:1). Представлен двенадцатью фрагментами. В составе формовочных масс визуально различима крупная дресва. Цвет поверхности желто-серый, серо-коричневый, реже — темно-серый. В изломе черепки имеют двухслойную или однородную структуру. Фрагменты имеют шершавую и даже бугристую из-за выступающих зерен кварца поверхность. Толщина стенок 0,8–1 см. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосудов. Сосуд украшен рядами глубоких конических ямок, нанесенных белемнитами.

Помимо развалов в яме также расчищены разрозненные фрагменты других сосудов с ямочно-гребенчатой керамикой (изобр. 7).

В составе формовочных масс ямочно-гребенчатой керамики визуально различима крупная дресва, вероятно, присутствует также

и органика. Цвет поверхности сосудов желто-серый, серо-коричневый, реже — темно-серый. В изломе черепки имеют двухслойную или однородную структуру. Основная масса керамики имеет шершавую и даже бугристую из-за выступающих зерен кварца поверхность. Преобладают толстостенные сосуды (с толщиной стенки 0,8–1,2 см). Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосудов, а иногда срезы и внутреннюю часть венчиков. Сосуды украшены рядами глубоких конических ямок, нанесенных белемнитами. В некоторых случаях ряды таких ямок чередуются с гребенчатыми отпечатками.

Изобр. 7. Скопления и отдельные фрагменты льяловской керамики из шурфа-зачистки № 1 и ямы № 1

Результаты и обсуждение

Со дна ямы, из-под раздавленных в древности сосудов были отобраны кости, уголь, а также почва на радиоуглеродное датирование. По гуминовым кислотам из почвы была получена дата 4853 ± 40 (SPb-3966), $3709-3527$ cal BC (95,4%), которая, судя по всему, связана с комплексом гребенчатой керамики (изобр. 4).

Следует отметить, что поселение Парфёнок расположено примерно в 600–650 м к юго-западу от комплекса торфяниковых стоянок Замостье, где в ходе многолетних исследований получены стратифицированные материалы эпохи неолита. В частности, на стоянке

Замостье 2 в прослойке коричневатого-сизого, слабо оторфованного суглинка на глубине 192–202 см, было зафиксировано преобладание поздней льяловской керамики (302 фр.), в том числе развал редкочьямочного сосуда, по торфу из которого была получена радиоуглеродная дата 5700 ± 110 BP (4785–4346 cal BC). В верхней части этого слоя были получены единичные фрагменты гребенчатой («протоволосовской») керамики, которые образовывали небольшое скопление. Еще 30 фрагментов гребенчатой керамики и 1272 фрагмента поздней ямочно-гребенчатой керамики на поселении Замостье 2 были получены в результате подъемных сборов (Лозовский, Лозовская, 2018, с. 76, 82, рис. 15). По мнению исследователей стоянки Замостье 2, льяловский период существования стоянки соответствовал относительно низкому уровню воды палеоводоёма, но в результате последовавшего затем регионального подъема воды жизнь в поселении надолго прервалась (Лозовская, Лозовский, Мазуркевич, 2013, с. 381). Возможно, что именно подобными изменениями природных условий было обусловлено появление поселений с гребенчатой керамикой на второй надпойменной террасе в окрестностях села Парфёнок. Следует отметить, что повышение увлажненности, вызвавшее заболоченность низинных пространств фиксируется и по палинологическим материалам стоянки Ивановская 7, соответствующий слой которого датируется временем 4930 ± 40 BP, $4620 \pm$ BP. Примечательно, что гребенчатая («протоволосовская») и редкочьямочная керамика в основном представлена на суходольной части данной стоянки и значительно реже встречается в слое торфа (Жилин и др., 2002, с. 46, 90).

В бассейне реки Дубны близкие аналоги гребенчатой керамики поселения Парфёнок имеются в посуде стоянок Николо-Перевоз 1–2, расположенных в 19 км юго-западнее. В. М. Раушенбах описывает эту керамику как гребенчато-штриховую, отмечая сравнительную толстостенность сосудов, наличие примеси дресвы и разнообразную орнаментацию, состоящую из отпечатков гребенчатого штампа, нарезок, штрихов, при редком использовании ямок (Раушенбах, 1969, с. 89).

Развернутая характеристика гребенчатой керамики «протоволосовского этапа» приведена в работе В. В. Сидорова и А. В. Энгатовой. Эталонный комплекс представлен материалами нижнего слоя поселения Маслово Болото 4, датированными по углю из зольника временем 4790 ± 70 BP (3657–3468 cal BC). Большая часть керамики этого поселения украшена горизонтальными рядами гребенчатых оттисков

наклонного или вертикально поставленного штампа различной формы. Появление в регионе данной керамики они связывают с миграцией населения валдайской культуры, которое вступает здесь в контакты с носителями редкочерной керамики. Итогом данных процессов становится сложение волосовских керамических традиций (Сидоров, Энговатова, 1996).

При публикации материалов по стоянке Ивановская 7 А. В. Энговатовой вместе со своими соавторами уже ставится знак равенства между «протоволосовской» и валдайской керамикой. В орнаментации посуды доминируют отпечатки гребенчатого штампа, углом которого также наносятся ямчатые вдавления, образующие горизонтальные разделительные пояски. Некоторые сосуды полностью орнаментированы ямчатыми вдавлениями (Жилин и др., 2002). Данный комплекс керамики в целом соответствует гребенчатой посуде поселения Парфёново.

По мнению исследователей Ивановской стоянки, носители валдайской культуры также оказывают влияние на позднельяловские традиции, представленные в этом памятнике (Жилин и др., 2002). Однако, судя по приведенным рисункам и фотографиям «протоволосовской» (валдайской) керамики, к данному типу посуды ими отнесены и некоторые фрагменты льяловской посуды (Жилин и др., 2002, рис. 55: 1, 9; 56: 2, 7), что, по-видимому, способствовало подкреплению тезиса о наличии следов взаимодействия между носителями данных культурных традиций. Однако отказ от использования льяловским населением белемнитных ямок для орнаментации сосудов наблюдается не только в зонах контактов с населением валдайской культуры, памятники которой за пределами ее первоначального ареала немногочисленны.

К сожалению, керамические комплексы позднего этапа валдайской культуры опубликованы весьма фрагментарно, что затрудняет их процедуру сравнения с гребенчатой керамикой бассейна реки Дубны. Однако качественные публикации с фотографиями керамики имеются по памятникам бассейна реки Мсты (Зими́на, 1981), которые, по мнению ряда исследователей, относятся к локальному варианту валдайской культуры (Сидоров, Энговатова, 1996). В орнаментации керамики памятников бассейна реки Мсты преобладают ямчатые вдавления, а гребенчатые отпечатки играют второстепенную роль (Зими́на, 1981), что существенно отличает ее от гребенчатой керамики бассейна реки Дубны.

На наш взгляд, сложение гребенчатых орнаментальных традиций на Верхней Волге необязательно связывать с миграцией значительных групп населения, для которых, судя по тысячелетнему сохранению предыдущих культурных границ, не было существенных причин. Более предпочтительной нам представляется модель дивергенции традиций культуры ямочно-гребенчатой керамики, в результате которой в одной части ее ареала возобладала редкочерная орнаментация, а в другой — гребенчатая. На Валдае белемнитная ямка в орнаменте посуды никогда не использовалась, поэтому гребенчатая традиция складывается там раньше, что создает иллюзию миграции. При этом, судя по существующим по радиоуглеродным датам, сложение валдайской гребенчатой традиции украшения керамики происходит позже, чем на территории Марийского Поволжья (табл. 1), поэтому первоначальный культурный импульс, положивший начало изменению орнаментальных традиций, мог происходить и с востока.

Таблица 1

Памятник	Лаб. индекс	Материал	Date (BP)	Calib. date (probability)	Источник
Сахтыш 2а	PSUAMS-9088	Зуб человека, пульпа (погребение 58)	5430 ± 25	2σ 4342–4248	Tian Chen Zeng, Leonid A. Vyazov, Alexander Kim et al., 2023
Дубовская III	Ki-16168	Керамика	5295 ± 80	1σ 4230–4180 4170–3990 2σ 4260–3960	Королёв, Шалапинин, 2010
Дубовская VIII	Ki-15728	Керамика	5270 ± 80	1σ 4230–4190 4170–3980 2σ 4260–3950	Королёв, Шалапинин, 2010
Красный мост II	Ki-16172	Керамика	5260 ± 90	1σ 4230–4190 4170–3970 2σ 4350–3800	Королёв, Шалапинин, 2010
Сахтыш 2а	AAR-21042	Подвеска из резка лося (погребение 66)	5252 ± 29	Ox Cal 4.4.4 (2σ) 4228–4197 (12%) 4168–4095 (29,4%) 4075–3980 (54%)	Уткин, 2020

Сахтыш 2а	PSUAMS-9087	Зуб человека, пульпа (погребение?)	5195 ± 25	2σ 4047–3961	Tian Chen Zeng, Leonid A. Vyazov, Alexander Kim et al., 2023
Отарская XVIII	Ki-15729	Керамика	5130 ± 80	1σ 3990–3790 2σ 4050–3700	Королёв, Шалапинин, 2010
Заболотье II	Ki-16643	Керамика	5120 ± 90	1σ 3990–3790 2σ 4250–3700	Гурина, Синицина, 2014
Парат XII	Ki-16294	Керамика	5080 ± 70	1σ 3960–3790 2σ 3990–3700	Королёв, Шалапинин, 2010
Сахтыш 2а	PSUAMS-9086	Зуб человека, пульпа (погребение 32)	5060 ± 25	2σ 3952–3792	Tian Chen Zeng, Leonid A. Vyazov, Alexander Kim et al., 2023
Сахтыш 2а	AAR-15053	Кость человека (погребение 66)	5033 ± 24	1σ 3936–3782 2σ 3946–3716	Henny Piezonka et al., 2013
Парат XII	Ki-16295	Керамика	4970 ± 80	1σ 3810–3650 2σ 3960–3640	Королёв, Шалапинин, 2010
Сахтыш 2а	AAR-15051	Кость человека (погребение 54)	4964 ± 23	1σ 3767–3708 2σ 3792–3666	Henny Piezonka et al., 2013
Отарская XVIII	Ki-15730	Керамика	4950 ± 80	1σ 3800–3640 2σ 3960–3630	Королёв, Шалапинин, 2010
Парат XII	Ki-16296	Керамика	4930 ± 70	1σ 3780–3640 2σ 3950–3630	Королёв, Шалапинин, 2010
Сутырская V	Ki-16298	Керамика	4900 ± 80	1σ 3790–3630 2σ 3820–3510	Королёв, Шалапинин, 2010
Сутырская V	Ki-16299	Керамика	4880 ± 80	1σ 3770–3630 2σ 3950–3500	Королёв, Шалапинин, 2010
Воймежное I	ГИН-6563	Дерево (кол)	4860 ± 90	OxCal 4.4.4 (2σ) 3765–3727 (5,4%) 3715–3526 (90,1%)	Древние охотники..., 1997
Парфёново 1	SPb-3966	Шурф-защитка № 1, яма 1, почва (гуминовые кислоты)	4853 ± 40	1σ 68,3% 3702–3683 (10,7%) 3656–3627 (37,5%) 3560–3534 (20,1%) 2σ 95,4% 3709–3527 (95,4%)	Публикуется впервые
Майданская	Ki-16215	Керамика	4825 ± 80	1σ 3710–3520 2σ 3780–3490	Королёв, Шалапинин, 2010
Парат XII	Ki-16297	Керамика	4820 ± 70	1σ 3700–3510 2σ 3760–3490 3460–3370	Королёв, Шалапинин, 2010
Маслово Болото 4	ЛЕ-1240	Уголь	4790 ± 70	OxCal 4.4.4 (2σ) 3704–3678 (2,6%) 3657–3489 (74%) 3468–3374 (18,9%)	Сидоров, Энговатова, 1996
Сахтыш 2а	AAR-?	Резец сурка (погребение 24)	4769 ± 38	OxCal 4.4.4 (2σ) 3640–3508 (86,3%) 3429–3381 (9,2%)	Уткин, 2020а
Ивановская III	ЛЕ-1971	?	4720 ± 50	OxCal 4.4.4 (2σ) 3633–3487 (54%) 3471–3372 (41,4%)	Сидоров, Энговатова, 1996
Удельно-Шумецкая VI	Ki-15731	Керамика	4720 ± 80	1σ 3640–3550 3540–3490 3460–3370 2σ 3660–3340	Королёв, Шалапинин, 2010
Сахтыш 2	PSUAMS-9400	Зуб человека, пульпа погребение 12 (Раскоп 1, 1978 г.)	4705 ± 25	2σ 3621–3373	Tian Chen Zeng, Leonid A. Vyazov, Alexander Kim et al., 2023
Сутырское V	SPb-2729	Керамика	4698 ± 80	1σ 4258–3991 2σ 4363–3926 3877–3805	Кулькова, Шалапинин, 2018
Воймежное I	ГИН-5901	Дерево (кол)	4670 ± 40	OxCal 4.4.4 (2σ) 3606–3587 (2,2%) 3530–3363 (93,3%)	Древние охотники..., 1997

Ранние энеолитические погребения Сахтышского микрорайона
Красномостовский тип (средневоловское протоволосово)
Средневоловское раннее волосово

Верхневоловское протоволосово
Верхневоловское раннее волосово

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадер О. Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. — 1961. — № 99. — С. 199.
2. Гаврилова И. В. Неолитические племена Костромского Поволжья // МИА. — 1973. — № 172. С. 130–137.
3. Гурина Н. Н., Сеницына Г. В. Памятник Заболотье II. Хронологические группы керамики // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н. э.: Хронология культур и природно-климатические ритмы / Материалы международной конференции, посвященной полувек-ковому исследованию свайных поселений на северо-западе России. — СПб: ООО «Периферия», 2014. — С. 184–188.
4. Жилин М. Г., Костылёва Е. Л., Уткин А. В., Энгватова А. В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. — М.: Наука, 2002. — С. 245.
5. Зимица М. П. Неолит бассейна р. Мсты. — М.: Наука, 1981. — С. 206.
6. Королёв А. И., Шалапинин А. А. Радиоуглеродное датирование ранних материалов волосовской культуры Среднего Поволжья // Известия СНЦ РАН. — Самара, 2010. — Т. 12. № 2 (34). — С. 256–260.
7. Крайнов Д. А. К вопросу о происхождении волосовской культуры // Советская археология. — 1981. — №2. — С. 5–20.
8. Кулькова М. А., Шалапинин А. А. Новые данные по абсолютной хронологии памятников волосовской культуры лесной зоны Среднего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. — 2010. — Т. 20, № 3 (2). — С. 507–509.
9. Лозовская О. В., Лозовский В. М., Мазуркевич А. Н. Палеоландшафт рубежа мезолита — неолита на стоянке Замостье 2 (бассейн Верхней Волги) // VIII всероссийское совещание по изучению четвертичного периода «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований». — Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН, 2013. — С. 379–382.
10. Лозовская О. В., Лозовский В. М. Природная среда и условия обитания в позднем мезолите и неолите на поселении Замостье 2 // Стоянка Замостье 2 и развитие природной среды Волго-Окского междуречья в голоцене. — СПб.: ИИМК РАН, 2018. — С. 73–165.
11. Никитин В. В. На грани эпохи камня и металла. Средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности / Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования. — Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2017. — Выпуск 10. — С. 765.
12. Раушенбах В. М. Стоянка Николо-Перевоз II на р. Дубне в Московской области //Экспедиции ГИМ. — М.: ГИМ. 1969. — С. 80–93.
13. Сидоров В. В., Энгватова А. В. Протоволосовский этап или культура? // Тверской археологический сборник. Выпуск 2 / Отв. ред.: И. Н. Черных. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 1996. С. 164–182.
14. Уткин А. В. Еще раз о радиоуглеродной хронологии нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш II А // Археология: история и перспективы. Девятая межрегиональная конференция: сб. статей / Под ред. А. Е. Леонтьева. — Ярославль: ГАУК Ярославской области «Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», 2020. — С. 211–227.
15. Zeng T.C., Vyazov L.A., Kim A. et al., 2023. Postglacial genomes from foragers across Northern Eurasia reveal prehistoric mobility associated with the spread of the Uralic and Yeniseian languages // bioRxiv preprint doi.
16. Henny Piezonka, Elena Kostyleva, Mikhail G. Zhilin, Maria Dobrovolskaya and Thomas Terberger. Flesh or fish| First results of archaeometric research of prehistoric burials from Sakhtysh IIa, Upper Volga region, Russia // Documenta Praehistorica XL (2013). DOI: 10.4312/dp.40.6

Международный конкурс студенческих проектов по продвижению мировых объектов культурного наследия

Чуракова Е. Н.

В 2021 г. у инициативной группы членов ИКОМОС во главе с президентом НК ИКОМОС, Россия Л. В. Кондрашевым родилась грандиозная идея — организовать ежегодный Международный конкурс студенческих проектов по продвижению мировых объектов культурного наследия с целью совершенствования организации профильного образования, выявления новых архитектурных и градостроительных идей, а также создания концептуальных решений в области сохранения и приспособления к современному использованию объектов культурного наследия.

Постоянными организаторами конкурса стали:

- Межрегиональная общественная организация «Национальный комитет Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест» (НК ИКОМОС, РОССИЯ);

- Российская академия архитектуры и строительных наук (РААСН);

- Московский архитектурный институт (государственная академия) (МАРХИ).

В число организаторов очередного конкурса могут войти представители правительственных и неправительственных организаций, содействующих его проведению.

В 2021 г. мы поставили перед студентами довольно сложную задачу: включить в проект современные методы архитектурного проектирования и дизайна, а также элементы благоустройства среды и акцентировать внимание посетителей на уникальный памятник всемирного наследия — Херсонес Таврический. Даже для мэтров архитектуры это непростая задача. Но мы рискнули, поскольку хотелось увидеть подход именно студенческий, смелый, подчас полный некоего авантюризма. Благодаря совместным усилиям организаторов конкурса, фонда «Моя история», Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова и Севастопольского государственного университета, а также при поддержке правительства Севастополя, студентам представилась уникальная возможность на практике окунуться в работу над проектом благоустройства объекта культурного наследия. Наши надежды и чаяния были оправданы. Мы увидели решения спорные, возможно трудно реализуемые на прак-

тике, но смелые и дерзкие. Что и было отмечено на подведении итогов конкурса 21–23 октября 2021 г. в Москве, на площадке выставочного комплекса «Старый Гостинный Двор» в рамках VI Международной специализированной выставки по сохранению, реставрации, использованию, популяризации культурного наследия, редевелопменту и музейным технологиям «denkmal, Россия — Москва».

Конкурсным заданием 2022 г. стал проект концепции посттравматической реновации исторического центра г. Алеппо (Сирийская Арабская Республика). Организаторами конкурса выступили также Правительство Москвы, Россия; Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО; Генеральный директорат древностей и музеев Сирии (DGAM).

Перед студентами поставили задачу выявления архитектурных идей и решений, наилучшим образом решающих проблему посттравматической реновации исторического центра Алеппо, использующих потенциал территории при оптимальном сочетании современных тенденций формирования жилых и общественных пространств, строительных технологий, материалов и конструкций, отвечающих вызовам времени и требованиям Венецианской хартии. Необходимо было выявить наилучшее решение по функциональному использованию территории в рамках проведения посттравматических мероприятий. Несмотря на невозможность лично посетить и своими глазами увидеть заданный объект, студенты справились на отлично, проявив грамотный и бережный подход к руинированному историческому центру Алеппо.

III Конкурс студенческих работ был посвящен проекту концепции организации археологического парка на территории объекта археологического наследия федерального значения «Стоянка "Сунгирь", городище «Городок» и две группы курганов» (город Владимир, Российская Федерация). Защита конкурсных проектов прошла 29 ноября 2023 г. в рамках мероприятий Международного совета по культурному наследию.

Организаторами конкурса также выступили: правительство Владимирской области и Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

Задачами конкурса были как выявление архитектурных идей и решений, наилучшим образом решающих проблему развития исторической территории стоянки древнего человека «Сунгирь» и создания туристической привлекательности региона, так и использование потенциала территории при оптимальном сочетании современных тенденций формирования общественных пространств, строительных технологий, материалов и конструкций в соответствии с требованиями Венецианской хартии.

Конкурс 2024 г. был посвящен «Концепции сохранения и приспособления к современному использованию Астрономической обсерватории им. В. П. Энгельгардта» с целью выявить архитектурные идеи и решения для концепции сохранения и приспособления к современному использованию Астрономической обсерватории им. В. П. Энгельгардта при оптимальном сочетании вопросов функционального зонирования, сохранения и музеефикации исторического ландшафта, популяризации астрономической науки XIX–XX веков, архитектуры астрономического наследия Восточной и Центральной Европы, организации возможности доступа экскурсионных групп на территорию объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО. Со стороны организаторов конкурса также выступили правительство Республики Татарстан и Комитет Республики Татарстан по охране объектов культурного наследия. В конкурсе этого года приняли участие в том числе студенты китайских вузов — более 30 команд из КНР представили свои проекты. В связи с большим количеством участников конкурс прошел в два этапа и защиту проектов провели в апреле 2025 г. в городе Казани.

3 декабря 2025 г. в Москве состоялся V юбилейный Международный студенческий конкурс.

Темой конкурса стала «Ревитализация Кругового депо Николаевской железной дороги: общественное пространство и новая городская жизнь исторического памятника». Участникам предстояло создание архитектурно-градостроительной концепции развития и благоустройства территории вокруг Кругового депо Николаевской железной дороги — с сохранением исторического облика, обеспечением транспортной и пешеходной доступности, формированием современного социокультурного пространства, интегрированного в ткань города, с использованием потенциала территории при оптимальном сочетании современных тенденций формирования общественных пространств.

Круговое депо Николаевской железной дороги — уникальный памятник инженерной и промышленной архитектуры середины XIX века,

связанный с формированием первой железнодорожной магистрали России. Его кольцевая композиция, продиктованная функциональной логикой обслуживания паровозов, представляет собой редкий для Москвы пример рациональной архитектуры, где утилитарность сочетается с выразительностью форм. Кирпичные фасады, ритм арочных проемов, продуманная пространственная организация и масштаб, соразмерный человеку, формируют цельный архитектурный образ и отражают высокий уровень инженерной мысли своего времени. Объект обладает значительной историко-культурной ценностью как свидетель эпохи индустриализации и становления транспортной инфраструктуры столицы.

Соорганизаторами конкурса стали Правительство Москвы и российская девелоперская и строительная компания MR Group.

Территория вокруг депо имеет высокий потенциал развития как современного общественного пространства, способного связать историческое наследие с актуальными городскими сценариями. Расположение вблизи Комсомольской площади и трех вокзалов делает эту зону стратегически важной для формирования новой точки притяжения — культурно-общественного кластера, ориентированного на пешеходов, горожан и гостей города. Ревитализация депо и прилегающих пространств будет способствовать улучшению качества городской среды, созданию комфортных общественных зон, развитию культурных, образовательных и событийных функций, а также формированию связного и осмысленного городского ландшафта, в котором историческая архитектура становится активным участником современной городской жизни. Защита проектов прошла в рамках Международного совета по культурному наследию и как раз в день, когда в здании Кругового депо открывался Тон-центр — мультифункциональное выставочное пространство, где под историческим куполом будут объединяться разные форматы: выставки, перформансы, мастерские, лекции, — образуя живую систему связей между художниками, кураторами и зрителями.

В этом номере альманаха мы представляем проекты 2024 и 2025 гг., поскольку защиты проектов фактически прошли в течение года. Надеемся, что наш конкурс внесет большой вклад в принятие современных градостроительных решений и продемонстрирует профессиональный взгляд на сохранение культурного наследия, а также расширит профессиональные и междисциплинарные связи в архитектурном сообществе.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ И ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ МЕСТ»

Руководитель проекта:
Кондрашев Л. В.

Редакционная группа:
Белов Н. Н., Чуракова Е. Н., Шаповалов Д. В.

Шеф-редактор:
Чуракова Е. Н.

Технический редактор:
Константинов В. К.

Дизайн и верстка:
Чиркова М. О.

Корректор:
Сухарева Е. С.

Альманах включает статьи по вопросам сохранения и исследования объектов культурного наследия и предназначен для специалистов — историков, археологов, культурологов, искусствоведов, музейных работников, краеведов и всех читателей, интересующихся историей и вопросами сохранения культурного наследия. Авторами альманаха являются члены НК ИКОМОС, Россия.

ISBN 978-5-6051823-9-9

Подписано в печать 01.04.2026
Печать офсетная. Тираж 100 экз.
Отпечатано «ЭНЕРДЖИ-ГРУПП» с оригинал-макета
НК ИКОМОС, Россия

© НК ИКОМОС, Россия
© Авторы статей

ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛ
НК ИКОМОС, Россия

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА
ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ
И ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ МЕСТ»
(НК ИКОМОС, Россия)
icomos.org.ru

ОФИЦИАЛЬНЫЙ
YOUTUBE-КАНАЛ
НК ИКОМОС, Россия